

ВЕСТНИК

Северо-Кавказского гуманитарного института

№3 (27)

Ставрополь
2018

Вестник Северо - Кавказского гуманитарного института

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2018. №3(27)

УЧРЕДИТЕЛЬ: Частное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский гуманитарный институт»

ИЗДАТЕЛЬ:

Редакция журнала «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-49171 от 30 марта 2012 года
Журнал включен в систему Российского Индекса Научного Цитирования.
Полнотекстовые версии статей размещаются на сайте научной библиотеки: eLibrary.ru
Содержание статей отражено в базе электронной библиотечной системы IPRbooks.
Полнотекстовые версии статей размещаются на сайте электронной библиотечной системы www.iprbookshop.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Виктор Николаевич Зырянов, доктор юридических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Артур Рафаэлович Сарухьян, кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Юрий Евгеньевич Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
Елена Александровна Филимонова, кандидат юридических наук, доцент
Евгений Александрович Апельский, кандидат юридических наук, доцент
Елена Николаевна Атарщикова, доктор юридических наук, профессор
Юрий Рафаэлович Туманян, доктор экономических наук, профессор
Игорь Владимирович Мандрица, доктор экономических наук, доцент
Ирек Анасович Бикитин, доктор юридических наук, профессор
Алексей Григорьевич Кибальник, доктор юридических наук, профессор
Константин Викторович Образцов, доктор юридических наук, профессор
Луиза Темболатовна Кокоева, доктор юридических наук, профессор
Ольга Ивановна Шаталова, доктор экономических наук, доцент
Александр Васильевич Гладilin, доктор экономических наук, профессор
Александр Александрович Волков, доктор психологических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Пикалов, кандидат исторических наук, доцент
Леонид Петрович Решетников, кандидат исторических наук
Дмитрий Александрович Лашинков, доктор социологических наук, профессор
Светлана Ивановна Кузина, доктор политических наук, профессор
Василий Дмитриевич Грачев, доктор философских наук, профессор
Николай Иванович Червяков, доктор технических наук, профессор
Шохруд Фарманович Фаизов, кандидат юридических наук, доцент

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

355041, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, д.312А, Телефон: (8652) 75-92-59,
E-mail: skgi_institut@mail.ru

Quarterly scientific and practical journal North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin 2018. №3 (27)

FOUNDER:

PUBLISHER:

Private educational institution of higher education «North-Caucasian Institute for the Humanities»
Editorial staff of the «North-Caucasian Humanitarian Institute Bulletin» journal
The journal registered in the Federal service for supervision of connection sphere, information technology and mass communication's PE № FS77-49171, the 30th of March 2012.
The journal is included in the system of the Russian Science Citation Index.
Full-text versions of the articles are placed on the electronic research library: eLibrary.ru
Article's content rein electronic library base IPRbooks. Full-text versions of the articles are placed the site of electronic library system: www.iprbookshop.ru

CHIEF EDITOR:

Victor Nicolaevich Zyryanov, Doctor of Law, professor

DEPUTY CHIEF EDITOR:

Artur Rafaelovich Sarukhanyan, Candidate of Law, associate professor

EDITORIAL STAFF:

Yuriy Evgenyevich Pudovochkin, Doctor of Law, professor
Elena Aleksandrovna Filimonova, Candidate of Law, associate Professor
Evgeniy Aleksandrovich Apolski, Candidate of Law, associate Professor
Elena Nicolaevna Atarshikova, Doctor of Law, professor
Yuri Rafaeleovich Tumanyan, Doctor of Economics, professor
Igor Vladimirovich Mandritsa, Doctor of Economics, associate Professor
Irek Anasovich Bikitin, Doctor of Law, professor
Aleksey Grigorevich Kibalnik, Doctor of Law, Professor
Konstantin Viktorovich Obraztsov, Doctor of Law, Professor
Louise Tembolatovna Kokoeva, Doctor of Law, Professor
Olga Ivanovna Shatalova, Doctor of Economics, Associate Professor
Alexander Vasilievich Gladilin, Doctor of Economics, Professor
Alexander Aleksandrovich Volkov, Doctor of Psychology, Professor
Dmitri Vladimirovich Pikalov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Leonid Petrovich Reshetnikov, Candidate of Historical Sciences
Dmitry Alexandrovich Lashnikov, Doctor of Sociology, Professor
Svetlana Ivanovna Kuzina, Doctor of Political Sciences, Professor
Vasily Dmitrievich Grachev, Doctor of Philosophy, Professor
Nikolai Ivanovich Chervyakov, Doctor of Technical Sciences, Professor
Shohrud Farmanovich Faiziev, Candidate of Law, PhD, Associate Professor

ADDRESS

OF THE EDITORIAL STAFF:

355041, city of Stavropol, Lermontov st. ap. 312A
Tel.: (8652) 75-92-59, E-mail: skgi_institut@mail.ru

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Зырянов В.Н., Биккинин И.А., Кадраева Л.Р.</i> ВОПРОСЫ СЛЕНГОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В НИЗОВОЙ РЕКЛАМЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ.....	9
<i>Рутько Н.И.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭВТАНАЗИИ В РОССИИ.....	12
<i>Рутько Н.И.</i> ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ЭВТАНАЗИИ.....	16
<i>Свиныхов Н.М.</i> УГРОЗА КАК ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА.....	20
<i>Свиныхов Н.М.</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА.....	25
<i>Фирсова А.А.</i> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ ЕДИНОГО СОСТАВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	29
<i>Фирсова А.А.</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ И ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ КАК ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЕДИНИЧНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	34
<i>Оганьян А.Г.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИОРИТЕТОВ И ПРИНЦИПОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	38
<i>Дедурина С.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ.....	45
<i>Гочияева Ф.Х.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ.....	50
<i>Гочияева Ф.Х.</i> ВВЕДЕНИЕ ИНСТИТУТА ФИНАНСОВОГО ОМБУДСМЕНА В РОССИИ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ.....	54
<i>Дедурина С.Н.</i> СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ.....	58
<i>Шевченко Ф.Ф.</i> ИПОТЕКА В РОССИИ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ.....	63
<i>Шевченко Ф.Ф.</i> К ВОПРОСУ О РАЗДЕЛЕ ИПОТЕЧНОГО ДОЛГА БЫВШИХ СУПРУГОВ.....	67
<i>Молодов О.Б.</i> ЗАКОН РСФСР «О СВОБОДЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ» 1990 ГОДА: ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ.....	72
<i>Фомин Г.А., Пастухов Т.Ю.</i> ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ И ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ.....	76

Антонова Р.Р. О НЕКОТОРЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШАЕМЫХ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ.....	82
Антонова Р.Р. НЕКОТОРЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ.....	86
Еременко С.В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ И ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ ОСУЖДЕННЫХ К ОСВОБОЖДЕНИЮ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ.....	90
Еременко С.В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ.....	94
Зиновец Х.С. ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВ УБИЙСТВА, СОВЕРШЁННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ.....	98
Зиновец Х.С. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ УБИЙСТВА, СОВЕРШЁННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ.....	102
Лычагина Е.О. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ ОХРАННЫХ УСЛУГ.....	106
Лычагина Е.О. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОХРАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....	111
Мамичев В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ.....	115
Ситников И. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КЛЕВЕТУ.....	119
Ситников И. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТА КЛЕВЕТЫ.....	123
Барков А.Д. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РАБОТЫ НА УСЛОВИЯХ НЕНОРМИРОВАННОГО РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ.....	126
Гейко А.О. ПРАВА РАБОТНИКОВ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ.....	130
Барков А.Д. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОТПУСКОВ.....	134
Гейко А.О. ОБРАБОТКА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ РАБОТНИКА, ОБЯЗАННОСТИ ОПЕРАТОРА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ.....	139
Абдулгазиев Р.З., Жукова Т.Г. НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ИЛИ ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ В ЦЕЛЯХ СБЫТА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ.....	143
Андреева О.С. ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ.....	147

<i>Андреева О.С.</i> ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ.....	151
<i>Барсукова А.Н.</i> РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	155
<i>Барсукова А.Н.</i> УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	159
<i>Воронова В.И.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕГКОМЫСЛИЯ КАК ФОРМЫ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	163
<i>Воронова В.И.</i> РАЗГРАНИЧЕНИЕ КОСВЕННОГО УМЫСЛА И ПРЕСТУПНОГО ЛЕГКОМЫСЛИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	167
<i>Головченко С.Н.</i> ПРОФАЙЛИНГ КАК МЕТОД ИЗОБЛИЧЕНИЯ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ.....	171
<i>Головченко С.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДАЧУ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ.....	176
<i>Дауров А.К.</i> ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА.....	181
<i>Дауров А.К.</i> ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО.....	185
<i>Макашев А.И.</i> ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ХУЛИГАНСКОГО МОТИВА.....	189
<i>Макашев А.И.</i> ХУЛИГАНСКИЕ ПОБУЖДЕНИЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ХУЛИГАНСТВА.....	193
<i>Синдиев А.</i> УСТРОЙСТВО СИРОТ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ - ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ НОВОЙ ТРАНСГРАНИЧНОЙ СФЕРЫ УСЛУГ.....	197
<i>Абраменко Г.И., Синдиев А.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УСЫНОВЛЕНИИ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ.....	202
<i>Темиров А.</i> ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ: ДОВЕРИТЕЛЬНОСТЬ И ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ.....	207
<i>Темиров А.</i> ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ.....	212
<i>Хамходова З.</i> ПРАВОВЫЕ ТОНКОСТИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА.....	216
<i>Хамходова З.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	220

Петрушков В.Н.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ МОТИВОВ
КВАЛИФИЦИРОВАННОГО УБИЙСТВА..... 224

Петрушков В.Н.

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВОВ
ОСОБО ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ..... 229

Сысоев М.А.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РАЗЪЯСНЕНИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ..... 233

Сысоев М.А.

ПРАВРАЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ
ВЛАСТЕЙ..... 237

Тихонова А.С.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕРРОРИЗМА..... 241

Тихонова А.С.

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ И КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА..... 245

Эдилсултанов Я.М-Г.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАПРЕТОМ НА ТОРГОВЛЮ
ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАБСКОГО ТРУДА В
МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ..... 249

Эдилсултанов Я.М-Г.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ..... 253

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Равочкин Н.Н.

«ИДЕЯ» В АНТИЧНОМ И СРЕДНЕВЕКОВОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ..... 256

ОТ РЕДАКЦИИ..... 263

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ..... 264

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ..... 268

**THE RELEASE MAINTENANCE
SCIENCE OF LAW**

<i>Zyryanov V.N., Bikkinin I.A., Kadraeva L.R.</i> QUESTIONS SLANG EXPRESSIONS IN GRASSROOTS ADVERTISING THE SALE OF DRUGS.....	9
<i>Rutko N.I.</i> LEGAL REGULATION OF THE PROBLEM OF EUTHANASIA IN RUSSIA.....	12
<i>Rutko N.I.</i> FEATURES OF THE CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF EUTHANASIA	16
<i>Svinukhov N.M.</i> THREAT AS A SIGN OF AN OBJECTIVE SIDE OF EXTORTION.....	20
<i>Svinukhov N.M.</i> CRIMINAL LAW CHARACTERISTIC OF THE OBJECTIVE SIDE OF EXTORTION.....	25
<i>Firsova A.A.</i> ABOUT SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION OF A SINGLE COMPLEX CRIME.....	29
<i>Firsova A.A.</i> CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMINAL EFFECTS AND CAUSE RELATIONSHIPS AS SIGNS OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE SINGLE CRIME.....	34
<i>Oganyan A.G.</i> RESEARCH OF FEATURES OF FORMATION OF THE PRIORITIES AND PRINCIPLES OF INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF THE SISTEM HIGHER SCHOOL OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	38
<i>Dedurina S.N.</i> FEATURES OF AGREEMENT FOR PROVISION OF MEDICAL SERVICES.....	45
<i>Gochiyayev F.H.</i> CERTAIN LEGAL ASPECTS OF THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF CONSUMERS OF FINANCIAL SERVICES.....	50
<i>Gochiyayev F.H.</i> THE INTRODUCTION OF THE INSTITUTION OF FINANCIAL OMBUDSMAN IN RUSSIA: THE FIRST RESULTS.....	54
<i>Dedurina S.N.</i> THE CONTENTS OF THE CONTRACT OF PAID MEDICAL SERVICES.....	58
<i>Shevchenko F.F.</i> MORTGAGE IN RUSSIA: THE CONCEPT AND LEGAL REGULATION.....	63
<i>Shevchenko F.F.</i> THE QUESTION OF THE RESPONSIBILITY OF THE MORTGAGE DEBT OF THE FORMER SPOUSES.....	67
<i>Molodov O.B.</i> THE LAW OF RSFSR "ABOUT FREEDOM OF WORSHIP" 1990: THE MAIN CONTENT AND SIGNIFICANCE.....	72
<i>Fomin G.A., Pastuhov T.U.</i> IDEOLOGY OF THE RUSSIAN STATE: STRATEGIC AND OPERATIONAL ASPECTS.....	76
<i>Antonova R.R.</i> SOME CRIMINAL LAW ASPECTS OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH COMMITTED BY MEDICAL WORKERS.....	82

Antonova R.R. SOME OF THE CIRCUMSTANCES EXCLUDING CRIMINAL RESPONSIBILITY OF MEDICAL WORKERS.....	86
Eremenko S.V. SOME ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE COURTS AND P ENITENTIARY INSTITUTIONS FOR THE PREPARATION OF RELEASE FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY.....	90
Eremenko S.V. SOME QUESTIONS OF FORMATION OF THE INSTITUT.....	94
Zinovets Kh.S. VICTIMOLOGICAL CHARACTERISTICS OF VICTIMS OF MURDER COMMITTED WITH SPECIAL CRUELTY.....	98
Zinovets Kh.S. CRIMINAL LEGAL SIGNIFICANCE OF THE SUBJECTIVE SIGNS OF MURDER COMMITTED WITH SPECIAL CRUELTY.....	102
Lychagina E.O. THE LEGAL NATURE OF THE AGREEMENT FOR PROVISION OF SECURITY SERVICES.....	106
Lychagina E.O. THE LEGAL POSITION OF THE SECURITY ORGANIZATION.....	111
Mamichev V.N. POLITICAL STABILITY AS A FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF A LEGAL STATE IN RUSSIA.....	115
Sitnikov I. THE HISTORICAL ASPECT OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LIABILITY FOR DEFAMATION.....	119
Sitnikov I. CRIMINALLY-LEGAL CHARACTERISTIC OF THE OBJECT OF SLANDER.....	123
Barkov A.D. TO THE QUESTION ABOUT THE LEGAL REGULATION OF WORK CONDITIONS, IRREGULAR WORKING TIME.....	126
Gayko A.Oh. THE RIGHTS OF WORKERS IN THE FIELD OF PERSONAL DATA PROTECTION.....	130
Barkov A.D. PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF GRANTING LEAVES.....	134
Gayko A.Oh. THE PROCESSING OF PERSONAL DATA OF THE EMPLOYEE, THE DUTIES OF PERSONAL DATA OPERATOR.....	139
Abdulganiev R.Z., Zhukova T.G. ILLEGAL TURNOVER OF STRONG OR TOXIC SUBSTANCES FOR THE PURPOSE OF SALE AS A CRIME.....	143
Andreeva O.S. PROBLEMS ARISING FROM THE INTERACTION OF BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND THE INQUIRY.....	147
Andreeva O.S. THE FORMS OF INTERACTION OF BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND THE INQUIRY.....	151

<i>Barsukova A.N.</i> THE REFORM OF THE INSTITUTE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES OF ECONOMIC DIRECTION.....	155
<i>Barsukova A.N.</i> THE CONDITIONS OF EXEMPTION FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY IN CASES OF CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC (ACTIVITY).....	159
<i>Voronova V.I.</i> THE SOME ASPECTS OF FRIVOLITY AS A FORM OF GUILT IN CRIMINAL LAW OF RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS.....	163
<i>Voronova V.I.</i> THE DISTINCTION BETWEEN INDIRECT INTENT AND CRIMINAL FRIVOLITY IN THE CRIMINAL LAW.....	167
<i>Golovchenko S.N.</i> PROFILING AS A METHOD OF EXPOSING FALSE TESTIMONY.....	171
<i>Golovchenko S.N.</i> FEATURES OF THE WARNING AND RESPONSIBILITY FOR GIVING FALSE TESTIMONY.....	176
<i>Daurov A.K.</i> GENERAL CHARACTERISTICS OF BRIBERY.....	181
<i>Daurov A.K.</i> THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE LEGISLATION ON RESPONSIBILITY FOR BRIBERY.....	185
<i>Makashev A.I.</i> THE CONCEPT AND CONTENT OF HOOLIGAN MOTIVES.....	189
<i>Makashev A.I.</i> HOOLIGAN MOTIVES AT FULFILMENT HOOLIGANISM.....	193
<i>Sindiev A.</i> THE ORGANIZATION OF ORPHANS IN MODERN SOCIETY - A REQUIRED ELEMENT OF NEW CROSS-BORDER SERVICE SECTOR.....	197
<i>Abramenko G.I., Sindiev A.</i> THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF LEGISLATION ON ADOPTION WITH A FOREIGN ELEMENT.....	202
<i>Temirov A.</i> THE PROPERTY RELATIONS IN THE FAMILY: TRUST AND HONESTY.....	207
<i>Temirov A.</i> THE LIABILITY OF SPOUSES FOR OBLIGATIONS.....	212
<i>Khamkhodova Z.</i> LEGAL INTRICACIES OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGY AND SURROGACY.....	216
<i>Khamkhodova Z.</i> PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES.....	220
<i>Petrushkov V.N.</i> TO THE QUESTION ABOUT THE CONTENT OF THE SOME MOTIVES TO THE QUALIFIED MURDER.....	224
<i>Petrushkov V.N.</i> ABOUT SOME REGULARITIES OF FORMATION OF MOTIVES OF PARTICULARLY SERIOUS CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH.....	229

<i>Sysoev M.A.</i> THE LEGAL NATURE OF THE EXPLANATIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	233
<i>Sysoev M.A.</i> THE LEGAL ACTIVITIES OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS.....	237
<i>Tikhonova A.S.</i> THE MODERN STATE AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF TERRORISM.....	241
<i>Tikhonova A.S.</i> THE SUBJECTIVE SIGNS AND QUALIFYING SIGNS OF TERRORIST ACT.....	245
<i>Edilsultanov Ya.M-G.</i> THE SOME OF THE ISSUES RELATED TO THE PROHIBITION OF TRAFFICKING IN PERSONS AND THE USE OF SLAVE LABOR IN INTERNATIONAL LAW.....	249
<i>Edilsultanov Ya.M-G.</i> THE SPECIAL CASE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR TRAFFICKING IN PERSONS.....	253

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Ravochkin N.N.</i> «IDEA» IN ANTIQUE AND MEDIEVAL PHILOSOPHICAL DISCOURSE: SEMANTIC ANALYSIS.....	256
FROM EDITOR.....	263
INFORMATION FOR AUTORS.....	264
THE ORDER OF REVIEWING MANUSCRIPT.....	270

**ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
SCIENCE OF LAW**

УДК 343.9

**ВОПРОСЫ СЛЕНГОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В НИЗОВОЙ РЕКЛАМЕ
РЕАЛИЗАЦИИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
QUESTIONS SLANG EXPRESSIONS IN GRASSROOTS ADVERTISING
THE SALE OF DRUGS**

Зырянов В.Н., Ставрополь, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Северо-Кавказского гуманитарного института
Zyryanov V.N., Stavropol, Head of the chair of criminal law, Doctor of law, Full professor, North-Caucasus Humanitarian Institute

e-mail: info@skgi.ru

Биккинин И.А., Уфа, доктор юридических наук, профессор, профессор Уфимского юридического института МВД России

Bikkinin I.A., Professor of the Department of management, Doctor of law, Full professor, Ufa law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia

e-mail: bikkinin@mail.ru

Кадраева Л.Р., магистрант, Башкирский государственный педагогический университет

Kadraeva L.R., undergraduate, Bashkir state pedagogical University

e-mail: lian_chik@mail.ru

Аннотация: Данная работа посвящена исследованию сленговых выражений, относящихся к семантической группе «наркотики», в текстах низовой рекламы, которые реализуют наркотические средства и психотропные вещества.

Annotation: This work is devoted to the study of slang expressions related to the semantic group "drugs" in the texts of grassroots advertising that sell drugs and psychotropic substances.

Ключевые слова: низовая реклама, сленговые выражения, реклама реализации наркотических средств.

Keywords: grassroots advertising, slang expressions, advertising the sale of drugs.

Низовая реклама – это один из видов наружной рекламы, которая появилась впоследствии трансформаций общепринятой рекламной продукции. В. И. Коньков обособляет низовую рекламу от других видов вербальной рекламы. Исследователь определяет низовую рекламу как «самодельные надписи рекламного характера, изготавливаемые непосредственно теми, кто предлагает ту или иную услугу» [1, С. 61]. Следует, однако, подчеркнуть, что если в 2007 году низовая реклама считалась продуктом

самодельным, то в настоящее время действуют рекламные компании по реализации низовых рекламных объявлений. Низовая реклама существует в пределах рекламного рынка и, следовательно, преследует те же цели, которые приписываются рекламе в целом.

Среди низовой рекламы распространены объявления производных наркотических средств, которые характеризуются прежде всего тем, что это продукты самодельные, то есть реализуются не рекламными компаниями, а непосредственно «продавцом». Это связано с тем, что пропаганда наркотических средств является незаконной и влечёт административную, либо уголовную ответственность.

При назначении лингвистической экспертизы по делам данного ода могут быть поставлены следующие вопросы:

- «Имеются ли признаки рекламы и/или пропаганды наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в данной статье, книге и т.д.?»;

- «Содержат ли в себе фрагменты, отмеченные следователем, информацию, которая побуждает людей к /употреблению наркотических средств / к привлечению несовершеннолетних к сбыту наркотических средств?»;

- «Имеются ли в тексте слова, относящиеся к семантической группе «наркотики»?»;

- «Определить значение сленговых выражений, относящихся к семантической группе «наркотики»» [2, С. 151].

Рассматриваемая нами низовая реклама распространения наркотических средств так же может быть объектом лингвистической экспертизы, так как наиболее часто встречаются объявления, состоящие из сленговых выражений, относящихся к семантической группе «наркотики». Использование сленговых выражений в текстах низовой рекламы, синонимов к слову «наркотик» объясняется незаконностью таких объявлений [3]. Следует отметить, что реализация разговорных слов в подобного рода рекламе мотивировано так же тем, что они направлены на определенный круг потребителей.

Рассмотрим некоторые примеры, наиболее часто встречающиеся в текстах низовой рекламы, сленговых выражений, которые относятся к семантической группе «наркотики». Самым распространенным из таковых является «спайс», появившийся в России с 2007 года. В словаре новейших иностранных слов Е.Н. Шагаловой толкуется как «травяная курительная смесь, обработанная синтетическим наркотиком – имитация марихуаны, сделанная из разрешенных компонентов» [4]. Следует сделать поправку в данном определении: так как спайс является производным наркотическим средством, то говорить «сделанная из разрешенных компонентов» будет неправильно. Следующими по популярности объявлениями распространения наркотических средств являются рекламные тексты «Соли», «Миксы», «Соли. Миксы» и их варианты. Они так же, как низовая реклама продажи спайса, до сих пор встречаются на улицах Уфы. Низовая реклама с текстом «скорость» появилась одновременно с рекламой «спайса» и «соли», но со временем инициаторы таких объявлений стали сокращать «скорость» до «СК», использовать синоним «спиды» и английский вариант «speed».

Не менее популярными низовыми объявлениями распространения наркотических средств, появившиеся так же около 10 лет назад, являются «Кристаллы» и «Легалка». Эти названия можно считать синонимичными к слову «спайс».

С каждым годом эти тексты встречаются все реже, но не стоит говорить об исчезновении низовой рекламы реализации наркотических средств. Дело в том, что субъекты таких рекламных текстов постоянно меняют стилистические синонимы к слову «наркотики», образованные различными способами. Так, среди низовой рекламы можно встретить такие тексты, как «Рега», «Дживик», «Чай», «Мука», «Росс» / «Россыпь», «Альфа». Некоторые синонимы образованы ассоциативно («чай», «мука», «россыпь»), некоторые примеры являются преобразованиями отдельных слов («рега» от реагент, «дживик» / «дживиаш» от названия химического соединения JWH).

Последние два года можно наблюдать низовую рекламу площадок продажи наркотических средств, в особенности телеграм-каналов. Распознавать принадлежность к рекламе распространения наркотиков помогает текст адреса, так как именно в них содержится информация для потенциальных потребителей. Например, «TELEGRAM / @SKSPKRIS». Данный адрес состоит из сокращений «SK» (от «скорость»), «SP» (от «спайс»), «KRIS» (от «кристаллы»).

Таким образом, можно сделать следующий вывод: низовая реклама спайсов и других производных наркотических средств не исчезает, но тексты таких объявлений претерпевают некоторые изменения как в лексическом составе, так и в структурном плане.

Главная проблема эксперта заключается в том, что данные сленговые выражения до сих пор не зафиксированы в словарях, поэтому эксперт не может дать однозначное заключение с подтверждением принадлежности того или иного выражения к семантической группе «наркотики».

Литература

1. Коньков В. И. Русская речь в средствах массовой информации: Стилистический аспект / Под ред. В. И. Конькова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2007. – 272 с.
2. Голощапова Т.И. О методике лингвистической экспертизы текстов, содержащих рекламу и пропаганду наркотических средств и психотропных веществ // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. - М.: Наука, 2008, № 4 (12). - С. 150-152.
3. Зырянов В.Н., Биккинин И.А. Региональная составляющая противодействия коррупции в Республике Башкортостан // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 4 (24). С. 366 – 370.
4. Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017.

УДК 343.3.7

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭВТАНАЗИИ В РОССИИ
LEGAL REGULATION OF THE PROBLEM OF EUTHANASIA IN RUSSIA

Рутько Н.И., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Rutko N.I., graduate student of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация. В статье раскрывается история эвтаназии, ее состояние и проблемы в законодательстве Российской Федерации. Анализируется иностранная литература.

Annotation. The article reveals the history of euthanasia, its state and problems in the legislation of the Russian Federation. Foreign literature is analyzed.

Ключевые слова: эвтаназия, проблемы эвтаназии, понятие эвтаназия.

Keywords: euthanasia, problems of euthanasia, concept of euthanasia.

На сегодняшний день представление явления, имеющего название эвтаназия, содержит в себе целый комплекс взаимосвязанных аспектов, из числа которых как правило выделяют религиозный, юридический, биолого-медицинский и этический.

Религиозный аспект. Библейская заповедь «не убий» неразделимо связана с негативным отношением православия к суициду. Церковь свидетельствует об обреченности человека, покончившего со своей жизнью на бесконечную смерть, отказывает им в захоронении согласно христианскому обычаю. Подчеркнем, что Русская Православная Церковь (РПЦ) в лице Церковно-общественного совета по биомедицинской этике однозначно сформулировала собственное отношение к данному явлению. В заявлении совета "О современных тенденциях легализации эвтаназии"[8] говорится: "Православные священнослужители, ученые, врачи считают недопустимым реализацию любых попыток эвтаназии, как действия по намеренному умерщвлению безнадежно больных людей"[8]. В августе 2000 года в социальной доктрине РПЦ, указывается что эвтаназия обуславливается лишь как специфичный способ убийства или суицида, или совокупность того и другого.

С позиции католичества противозаконна хоть какая-либо просьба об умерщвлении, как относительно себя, так и другого человека, и даже в том случае, когда человек безнадежно болен или находится в предсмертном состоянии.

Точно так же и мусульманская религия накладывает запрет на посягательство как на жизнь личную, так и на жизнь иного человека, даже если он тяжело или смертельно болен.

В силу этого теологи оценивают акт эвтаназии как своего рода убийство.

И только лишь с позиции атеизма, жестко руководствуясь его начальным принципам и нормам, нельзя не признать правомерность оказания содействия в самоубийстве. В числе

подобных принципов имеются следующие: «человек создан для счастья», «исполнение желаний, наслаждений» в связи с этим человеку не должно мучиться. При условии невозможности осуществления «права на удовольствие» сложно запретить «право на самоубийство».

Юридический аспект. Еще в Древнем Риме в случаях согласия пострадавшего на нанесение ему ущерба причинщик такого ущерба оставался ненаказанным в публичном порядке.

В следующих законодательных документах западных стран, а кроме того в законодательстве Древней Руси не существовало положений относительно согласия пострадавшего (в Судебниках Руси, Салической правде, Русской правде). Тем не менее, есть причины считать, что уже средневековыми специалистами (XVI - XVII в.) данная проблема (применительно к убийствам) снова был поднята. Однако, в источниках права Древней и Московской Руси воля и даже пожелание пострадавшего никак не признавались как условия, которые могут повлиять на квалификацию насильственной смерти и определение санкции за совершенное деяние.

В начале XX века в Германии психиатр А. Гохе и адвокат К. Биндинг рекомендовали расценивать под эвтаназией убийство таким образом называемых «неполноценных» жизней.

Гитлер, начав с признания правильным самоубийства с позиции привилегии для смертельно больных арийцев, в 1939 году подписал секретный указ, в соответствии с которым эвтаназию необходимо применить ко всем «формам жизни, которые недостойны жизни»[4]. Вопрос о «недостойности» в любом случае решался медицинской «тройкой». В итоге на протяжении 2 лет «программой эвтаназии» было убито по различным источникам от 100 000 человек до 275 000.

Определение эвтаназии носит весьма двойственный характер. С точки зрения права, «эвтаназия - это предумышленное причинение смерти безнадежному пациенту, реализованное согласно его пожеланию врачом, а кроме того другим лицом по мотиву сострадания к пациенту и с целью освобождения его от нестерпимых физиологических мучений [10]. Необходимо разграничивать пассивную и активную эвтаназии» [5].

В истории возможно отметить три этапа формирования политико-правовой идеи в отношении эвтаназии. С позиции Древнего Мира «эвтаназия - благо, поскольку человек никак не ценность; Средневековье характеризуется неприятием эвтаназии из-за распространения церковных убеждений; в Новое время эвтаназия - это вернее индивидуальное предпочтение любого человека» [7].

Медицинский аспект. Убийство лица испытывающего страдания согласно его просьбе, эмоционально, на первый взгляд может показаться правомерным. Ровно как с позиций врачебной этики, так и согласно законодательству человек - хозяин своего тела. Следовательно, сейчас разговор пойдет только лишь о том, что человек обращается к медицинскому работнику с окончательным распоряжением о собственном теле. Тогда по какой причине медицинские работники отказываются от эвтаназии? Проблема заключается

не только лишь в законе РФ, ее воспрещающем. Здесь появляются трудности для медицинских работников.

Федеральный закон РФ «Об основах охраны здоровья граждан» содержит прямой запрет на осуществление эвтаназии (ст. 45), а ст. 33 «Отказ от медицинского вмешательства» гласит, что «гражданин или его законный представитель имеет право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения, даже если оно начато, на любом этапе проведения» [1].

Расширенное объяснение нормы упомянутых Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан 1993 г. по сути, дает возможность реализации пассивной формы эвтаназии скрытом проявлении (например, просьбе больного не оказывать ему помощь - прекращении искусственных мер по поддержанию его жизни).

Этический аспект. Сторонники идеи "хорошей смерти", полагают, что жизнь никак не обязана преобразовываться в застенок, и мучать безнадежно больных пациентов изнурительными процедурами, капельницами и т.д. только лишь для того, чтобы установить их естественную кончину, куда более неэтично, нежели подействовать им легко и без мучений уйти из жизни.

В иностранной литературе предлагается большое количество вариантов морально-нравственной оценки эвтаназии. Большая часть исследователей поддерживает способы пассивной эвтаназии и отрицают всякую вероятность использования методов активной эвтаназии. Но имеются и непосредственно обратные взгляды. Наиболее популярным его выразителем считается крупный американский философ Дж. Рейгелс, который выступил с резкой оценкой постановления Американской медицинской ассоциации от 4 декабря 1973 г., где сказано: «Намеренное прекращение жизни одного человеческого существа другим - милосердное убийство - противоречит и самому предназначению медицинской профессии и политике Американской медицинской ассоциации».

Большая часть учёных не согласны с данной позицией, в первую очередь потому, что это входит в разрез основам гуманизма и предназначения медицины. «Значимость людской жизни стимулирует вести за неё борьбу даже наперекор объективным врачебным законам и в самых безнадежных обстоятельствах» [9] (причём во врачебной практике имеются факты излечения совершенно безнадежных больных).

Самой распространенной причиной воли безнадежно больного ускорить наступление его смерти являются нестерпимые боли и поэтому такие просьбы являются вынужденными и неискренними. Медицинский работник «обязан противостоять им с помощью разнообразного выбора болеутоляющих средств, каковыми на сегодняшний день имеет в своем распоряжении медицина, а никак не следовать воле пациента» [9]. Иная проблема возникает тогда, когда, к примеру, человек продолжительное время находится в состоянии комы и его сознательность и способность принимать какие-либо решения уже утрачены окончательно, а инновационные медицинские технологии дают возможность осуществлять жизнеподдерживающее лечение достаточно долгое время.

Большинство учёных полагают, что «формальная легализация эвтаназии способна стать определённым психологическим тормозом для поиска новейших наиболее результативных методов диагностики и лечения людей с тяжёлыми заболеваниями, а кроме того содействовать недобросовестности в оказании врачебных услуг таким пациентам» [3].

Наиболее единым явилось мнение, что эвтаназия с нравственной точки зрения возможна только лишь в редких случаях, однако в подобных случаях необходимо её легализовать.

Литература

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 05.10.2012) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Дмитриев Ю.А. Конституционное право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии// Право и политика . - 2000. - № 7.
4. Дмитриева А.А. История Германского государства. - М.: Просвещение, 1990.
5. Капинус О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь. - М.: Издательский дом «Камерон», 2006.
6. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов //Правоведение. - 1998. - №1.
7. Орлов А.Н. Милосердна ли лёгкая смерть? // Этюды биоэтики. - Красноярск, 1995.
8. Петров А. «Легкая смерть» шагает по Европе // НГ-Религии. - 2004. - № 23.
9. Силуянова И.В. Этика врачевания. Современная медицина и православие. - М.: Наука, 2001.
10. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. - М.: Издательство Юрайт, 2017.

УДК 343.3/7

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ЭВТАНАЗИИ
FEATURES OF THE CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF EUTHANASIA

Рутько Н.И., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Rutko N.I., graduate student of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье предлагается внести поправки в уголовный закон РФ, а именно разграничить убийство и эвтаназию. Автор анализирует опыт правовой регламентации данной нормы.

Abstract: the article proposes to amend the criminal law of the Russian Federation, namely to distinguish between murder and euthanasia. The author analyzes the experience of legal regulation of this norm.

Ключевые слова: эвтаназия, проблемы эвтаназии, понятие эвтаназия.

Keywords: euthanasia, problems of euthanasia, concept of euthanasia.

Не вызывает сомнения, что существенную роль для исследования каждого правового явления играет его точное определение. Научные дискуссии по вопросу эвтаназии актуализируют обращение к этимологии этого термина и его разнообразным объяснениям.

Известно, что термин «эвтаназия» является составным, который образован посредством соединения двух греческих слов: прилагательного «ευ» - т.е. благо, или эпического «ев», что значит «добрый, красивый, доблестный, благородный» и слова «thanatos», что значит «смерть». Данное определение внедрен в общенаучный оборот в XVI столетия английским философом Ф.Бэконом в сочинении «О достоинстве и приумножении наук».

Ведя речь об эвтаназии, как уголовно-правовом действии, весьма не маловажно выделять разницу между правовым, общеправовым и медицинским определением эвтаназии. Так как в первом случае мы имеем дело с установлением ответственности за данное деяние, во втором дело с внутренним смыслом эвтаназии, а в третьем с ее процедурой

На наш взгляд, в уголовно-правовом значении под эвтаназией необходимо подразумевать преднамеренное нанесение смерти безнадежному пациенту, выполненное согласно его воле врачом, кроме того другим лицом по мотиву сострадания к пострадавшему и с целью освобождения его от нестерпимых физиологических мучений.

Подобное представление эвтаназии обладает собственными преимуществами, позволяющие: отметить концепцию уголовно-правовых признаков эвтаназии; определять проблему о выделении нового самостоятельного состава преступления - убийства,

содеянного согласно воли безнадежно больного; отграничить предлагаемый состав от других смежными составов преступлений, в том числе и убийством, наказание за которое предусмотрено ст. 105 УК РФ.

Несомненно, что основными, с позиции права, для понимания данного явления являются проблемы ответственности.

Право на жизнь, как обязательное право для каждого человека, впервые стало прописываться и рассматриваться в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966г. В России первое упоминание об этом праве было дано в Декларации прав и свобод человека и гражданина в 1991 году. Особое место и значение жизнь человека занимает в числе объектов уголовно - правовой охраны. А в ст. 20 Конституции РФ прописано, что «каждый человек имеет право на жизнь». Но признание права человека на жизнь логически означает и признание его права на смерть [4].

В современное время, да и в прошлые лет 10-15 российским обществом обсуждался и осуждался вопрос о разрешении эвтаназии в России [3]. В настоящее время в российском законодательстве сложилась такая парадоксальная ситуация, нормы за совершение эвтаназии в УК РФ нет [6, 7]. Она рассматривается как убийство, по статье 105 УК РФ, и понять, почему так решил законодатель представляется сложным.

В статье 45 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан дается такая формулировка «Медицинскому персоналу запрещается осуществление эвтаназии - удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни»[1], - из чего можно сделать вывод о том, что эвтаназия все-таки запрещена. Мы видим из этой статьи, что закон предусматривает ответственность для медицинского персонала, в случае осознанного осуществления такой просьбы больного любыми способами и средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни.

Но в противоречие выше указанной статьи, можно привести в сравнение статью 33 «Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан», которая называется «Отказ от медицинского вмешательства»: «Гражданин или его законный представитель имеет право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения, за исключением случаев, предусмотренных статьей 34 настоящих Основ»[1]. При отказе от медицинского вмешательства гражданину или его законному представителю в доступной для него форме должны быть разъяснены возможные последствия. Отказ от медицинского вмешательства с указанием возможных последствий оформляется записью в медицинской документации и подписывается гражданином либо его законным представителем, а также медицинским работником.

Таким образом, видно и противоречие в законодательстве. Получается за активную эвтаназию, которая идентифицируется со статьей 105 в УК РФ «умышленное убийство», можно получить наказание сроком до 5 лет лишения свободы и более. А за пассивную форму медицинский работник, не оказывая никакой помощи пациенту, хоть и по его личной

просьбе, не попадает ни под одну статью, и соответственно не несет никакой ответственности за это.

Выходит, у нас действуют пресловутые «двойные стандарты», что никогда не приводило к хорошему в жизни, в стране.

Во многих вопросах, в том числе и по эвтаназии в российском законодательстве, зачастую нет четких определенных норм, которые бы помогли оформить юридически хотя бы и так имеющуюся в упоминаниях пассивную форму эвтаназии.

Безусловно, речи об активной форме быть не может, так как это дискуссионный предмет не одного десятка лет.

Проблема эвтаназии с научной точки зрения рассматривается, как и в России, так и в зарубежных странах. И начинается это с позиции понятия согласия больного на нанесение вреда его здоровью. Российское уголовное право отталкивается от того, что данное согласие, по общему правилу, не следует подвергать рассмотрению в качестве условия, не допускающего возможность преступности деяния. В связи с этим «позиция функционирующего уголовного законодательства РФ в отношении эвтаназии однозначна: это убийство - умышленное, неправомерное лишение жизни человека»[5]. Мотив сострадания, который указан в списке преимущественных обстоятельств, предусмотренных в статье 61 УК РФ, может учитываться в случае назначения наказания виновному лицу, а не при квалификации деяния. Убийство по мотиву сострадания квалифицируется по ч.1 ст. 105 УК РФ, а именно, как обычное убийство.

Выделение эвтаназии в отдельную самостоятельную статью в уголовном кодексе обосновывается тем, что «законодатель мог бы дифференцировать ответственность от способа ее осуществления»[8]. Соответственно, данная статья носила бы привилегированный характер, и имела смягчающие обстоятельства. Понимается, что данная норма об эвтаназии окажет содействие во избежание двух опасных крайностей, с одной стороны, декриминализации эвтаназии и, с другой, идентификации ее с убийством.

На сегодняшний день существует позиция о том, что «российское общество не готово к принятию подобного закона, да и поддерживают его утверждение только организации по защите прав пациентов» [2]. Однако и имеются определенные суждения о введении отдельной статьи в Уголовный кодекс, определяющей ответственность за эвтаназию. Имеющийся законодательный подход квалификации эвтаназии в части 1 статьи 105 Уголовного кодекса РФ (убийство, как умышленное причинение смерти другому человеку) не может обеспечить соотношение уголовно-правовой оценки эвтаназии объективным свойствам данного деяния, а назначение санкции - характеру совершённого и личности преступника. Основным и важным различием эвтаназии от убийства является их объект, а собственно жизнь человека. Однако, если в случае смертоубийства, это на самом деле так, то в случае эвтаназии — это жизнь погибающего и безнадежно больного пациента.

Следовательно, в России появляется резкая потребность вычленения эвтаназии в самостоятельный состав наименее опасного вида убийства, в связи с тем, что из-за неимения

особой нормы об ответственности, Уголовный Кодекс оценивает ее ровно как обычное убийство (ст. 105 УК РФ). На сегодняшний день подобные усилия в России не располагают успешным решением, несмотря на то, что значительная часть граждан рассматривает эвтаназию как правомерную. На нынешнем этапе понятно одно - легализация эвтаназии в России потребует подробного подхода, высококачественного исследования и обсуждения.

Литература

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. - М.: Велби, Проспект, 2008.
3. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. - М., 2000.
4. Дмитриев Ю.А. Конституционное право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии// Право и политика. - 2000. - № 7.
5. Капнтус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление: уголовно-правовые проблемы: автореф. дис. ...канд. юрид. наук / О.С. Капнтус. - М., 2006.
6. Преступления против личности : учебное пособие / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.
7. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.
8. Чернышова Ю.А. Причинение смерти лицу по его просьбе (эвтаназия): уголовно-правовое, уголовно-политическое, криминологическое и социально-правовое исследование: дис. канд. юрид. наук / Ю.А. Чернышова. - СПб., 2009.

УДК 342.2/7.

**УГРОЗА КАК ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА
THREAT AS A SIGN OF AN OBJECTIVE SIDE OF EXTORTION**

Свинухов Н.М., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Svinukhov N.M., graduate student of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: в работе раскрывается понятие угрозы, характеризуются ее юридически значимые признаки, анализируется значение угрозы в составе вымогательства.

Abstract: the paper reveals the concept of threat, characterizes its legally significant features, analyzes the value of the threat as part of extortion.

Ключевые слова: угроза, вымогательство, объективная сторона преступления.

Keywords: threat, extortion, objective side of the crime.

Угроза причинения вреда как признак вымогательского деяния семантически толкуется как активное действие, выражающее запугивание, обещание причинить кому-либо вред, зло [8].

В теории уголовного права выделяются отдельные свойства вымогательской угрозы. Касательно угрозы применения насилия принято уточнять такие ее признаки как содержание угрозы, которое образует, собственно, физическое насилие, действительность (наличность) угрозы, интенсивность, форма и момент предлагаемой реализации угрозы [5].

С другой стороны, обращается внимание, что все угрозы характеризуются следующими двумя признаками: 1) способностью угрозы оказывать воздействие на психическую неприкосновенность потерпевшего; 2) наличием в угрозе свойства устрашения. Такие признаки как наличность, интенсивность, действительность (реальность) характеризуют, по мнению соответствующих авторов, не все угрозы. При этом, следует классифицировать угрозы по содержанию, в частности, на связанные с причинением физического, морального или имущественного вреда, а также по форме выражения, например, на устные, письменные и т.д. [2].

В соответствии с третьим подходом, общим свойством всех угроз выступает тот факт, что угроза представляет собой сообщение о планируемом причинении вреда, и реальность (действительность) угрозы. При описании некоторых преступлений отдельные признаки угрозы могут быть конкретизированы законодателем, например, содержание или момент предполагаемой реализации угрозы.

На наш взгляд, под признаками угрозы следует понимать такие дополнительные свойства угрозы, которые позволяют отграничить уголовно-наказуемую угрозу от иных

ненаказуемых угроз с меньшим уровнем опасности, классифицировать отдельные угрозы по уголовно-правовому значению в рамках отдельных составов преступлений. На основании изложенного, необходимо акцентировать внимание на следующих признаках угрозы при вымогательстве: содержании, форме, интенсивности, моменте осуществимости, наличности и реальности. Следует учитывать, что форма и интенсивность вымогательской угрозы зависят от фактических обстоятельств которые должны оцениваться индивидуально; иные признаки вымогательских угроз являются общими, характерными для всех видов угроз [6].

Содержание как признак угрозы в составе вымогательства есть характер грозящей, предстоящей опасности, определяемый тем видом вреда, который может быть причинен потерпевшему в случае не выполнения вымогательского требования и реализации угрозы [4].

Ст. 163 Уголовного закона говорит о трех альтернативных видах предмета вымогательства, отличающихся содержанием: угрозе применения насилия, угрозе уничтожения либо повреждения чужого имущества, угрозе распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких.

Угроза насилия. Как правило, физическое насилие определяется в уголовном праве в качестве противоправного общественно опасного воздействия на организм человека, совершаемого против его воли и направленного на причинение вреда физическим благам лица [3]. Содержание угрозы образует возможность применения насилия разной степени тяжести, в частности, побои, причинение разной степени тяжести вреда здоровью, убийство. При этом, в отличие от грабежа и разбоя при описании вымогательства содержание насилия, которое является квалифицирующим признаком преступления, не дифференцировано на опасное для жизни и здоровья, и не опасное для жизни и здоровья потерпевшего. Вместе с тем, в УК РСФСР 1960 г. применение при совершении вымогательства угроз убийством или нанесением тяжких телесных повреждений рассматривалось как отягчающее обстоятельство вымогательства (ч. 3 ст. 148 УК РФ). Действующий уголовный закон называет такие угрозы проявлением угроз применения насилия. Несмотря на то, что угроза убийства или угроза умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего образует самостоятельный состав преступления, предусмотренный ст. 119 УК, применение подобной угрозы при совершении вымогательства охватывается ст. 163 УК РФ и не требует квалификации по совокупности преступлений.

Угроза уничтожения либо повреждения чужого имущества. Данный вид угрозы в составе вымогательства подразумевает действия, которые могут повлечь невозможную утрату имущества или такое качественное ухудшение свойств вещи, которое может быть восстановлено. При этом, угроза совершения других действий (например, временного изъятия имущества) в отношении имущества потерпевшего не является признаком вымогательства.

Мы также считаем, что угроза уничтожения или повреждения при совершении вымогательства всегда должна быть обращена к чужому имуществу, т.е. имуществу, не принадлежащему виновному на праве собственности или ином законном основании. При

этом не важно, принадлежит ли истребуемое имущество потерпевшему или близким ему лицам, является ли оно их собственным, или вверено для осуществления ограниченных вещных прав. Повреждение либо уничтожение чужого имущества в связи с осуществлением вымогательской угрозы не охватывается вымогательством и должно квалифицироваться по правилам о совокупности преступления при наличии прочих признаков преступления, предусмотренного 167 УК РФ.

Под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, при совершении вымогательства часто понимают шантаж.

Содержание сведений, распространение которых выступает предметом шантажистской угрозы, может быть различным. При уголовно-правовой оценке шантажа не имеет значения, соответствуют ли соответствующие сведения реальной действительности или являются ложными.

Распространение соответствующих сведений образует сообщение разным путем (устным или письменным способом) в отношении неограниченного круга лиц, хотя бы одному неосведомленному лицу.

Объектом распространения позорящих потерпевшего сведений, обычно, являются честь, достоинство, репутация лица, то есть распространение соответствующих сведений способно ухудшить мнение окружающих о потерпевшем. Позорящими являются сведения о дурных наклонностях и порочащих связях потерпевшего, об аморальных поступках, совершенных лицом. В случае, когда вымогатель фактически распространит сведения, осознавая их клеветнический характер, содеянное, при наличии прочих признаков, должно квалифицироваться также по ст. 129 УК РФ. Фактическое распространение истинных позорящих сведений до утраты силы соответствующей уголовно-правовой нормы высшая судебная инстанция рекомендовала оценивать как оскорбление [1].

Под иными сведениями, распространением которых угрожает вымогатель, и которые способны причинить вред правам и законным интересам потерпевшего лица либо его близких, следует понимать любую информацию. Как правило, соответствующая информация, а точнее, ее распространение способно подрвать право потерпевшего на сохранение определенных сведений в тайне от третьих лиц, например, сведений, составляющих личную либо семейную тайну, тайну усыновления или удочерения, коммерческую, налоговую либо банковскую тайну. При этом, за фактическое распространение указанной информации предусмотрена ответственность ст.ст. 137, 155, ч. 2 ст. 183 Уголовного закона [7, 9].

Оценка характера сведений, в частности, того, являются ли они позорящими или нет, решение вопроса о том, способно ли оглашение данных сведений причинить существенный вред права или законным интересам потерпевшего или его близких, относится к исключительной компетенции суда. При этом, суд должен учитывать факт субъективной

оценки указанных сведений со стороны потерпевшего. При этом, субъективная оценка характера угрожающих сведений потерпевшим может не совпадать с общепринятыми представлениями о морали, этике, праве и т.д.

Итак, исходя из индивидуализированных обстоятельств оказывается, что именно потерпевшим лицом определяется реальность и опасность для него соответствующих видов вымогательских угроз.

Расширение перечня вымогательской угрозы за счет других сведений, которые способны причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего лица или его близких, неоднозначно воспринимается в доктрине. Соответствующая формулировка закона, действительно, выглядит упречно. С одной стороны, сами по себе сведения не способны причинить вред потерпевшему, вред может быть причинен лишь их распространением. С другой стороны, из формулировки закона вытекает, что средством вымогательского принуждения могут служить угрозы посягательства на любой интерес, даже не охраняемый законом, если, по мнению виновного это способно оказать на потерпевшего мотивирующее воздействие. В этом отношении, по нашему мнению, соответствующая формулировка закона должна быть уточнена – в диспозиции ст. 163 УК логичнее говорить о других сведениях, распространение которых может причинить существенный вред права и законным интересам потерпевшего или его близких.

В итоге, под содержанием вымогательской угрозы необходимо понимать и противоправное действие, например, применение насилия, повреждение либо уничтожение чужого имущества, оглашение тайных или клеветнических сведений, и действие, которое является юридически нейтральным либо социально полезным, например, донесение в органы правопорядка о совершенном лицом преступлении).

Литература

1. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 N 56 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Абдулгазиев Р.З., Ганночка В.В. Уголовно-правовая характеристика объективных признаков насильственного вымогательства // Актуальные проблемы современной науки: международная научно-практическая конференция (Ставрополь, 13-16 марта 2013 г.). – Ставрополь, 2013.

3. Абдулгазиев Р.З. О возможных способах совершенствования понятия вымогательства (часть 1) // Вестник СевКавГТИ. – № 17. – 2014.

4. Волков К.А. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о вымогательстве // Российский судья. – 2016. – N 7.

5. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. – М.: Юрид. лит., 1974.

6. Дербок З.Г. Законодательное описание объективной стороны специальных видов хищения и вымогательства: проблема его совершенствования // Российский следователь. – 2014. – N 13.

7. Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция"/ под ред. А.В. Наумова. – М.: Издательство Илекса, 2007.

8. Суслопаров И.А. Типы угроз при вымогательстве чужого имущества // Вестник Пермского университета. - Юридические науки. – 2015. – N 1.

9. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

УДК 342.2/7.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНОЙ
СТОРОНЫ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА**
CRIMINAL LAW CHARACTERISTIC OF THE OBJECTIVE SIDE OF EXTORTION

Свинухов Н.М., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Svinukhov N.M. graduate student of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: в работе раскрываются структура и содержание преступных действий в составе вымогательства, анализируются общие свойства вымогательских требования и угроз.

Abstract: the paper reveals the structure and content of criminal actions as part of extortion, analyzes the General properties of extortion requirements and threats.

Ключевые слова: вымогательство, вымогательское принуждение, объективная сторона преступления.

Keywords: extortion, extortion coercion, objective side of the crime.

Внешнее проявление вымогательства, характеризующее объективную сторону данного преступления, состоит в активном деянии, которое направлено на вынуждение лица передать вымогателю имущество, право на имущество или совершить другие действия имущественного характера. Только свойства вымогательского деяния конкретизированы законодателем при описании объективной стороны данного преступления, поэтому именно они выступают ключевой характеристикой характера и степени опасности вымогательства.

Диспозиция уголовно-правовой нормы о вымогательстве описывает вымогательское действие посредством использования двух составных признаков: требование и угроза. В уголовно-правовой науке объективную сторону данного преступления рассматривают как сочетание двух деяний, различающихся «по характеру, содержанию, направленности» [5]. Подчеркивается, что имущественное требование направлено против основного непосредственного объекта, а подкрепляющая требование угроза - против дополнительного объекта с целью обеспечения осуществления посягательства на основной объект вымогательства [3].

Требование толкуется как просьба или распоряжение, выраженные в категорической, решительной, форме. В таком виде требование толкуется на нормативном уровне и в теории права [7]. Другим определением требования может выступать его характеристика как категорично, императивного и информационного волеизъявления лица, направленного к потерпевшему о передаче принуждающему субъекту имущества, права на него либо о

совершении иных действий имущественного характера. Вместе с тем, практически требование имущественного свойства не всегда является решительным и категоричным. Оно может выражаться в вежливой просьбе, намеке, «деловом» предложении, что наличия состава вымогательства, конечно же, не исключает, именно как требование характеризовать указанные действия нелогично.

В уголовно-правовой науке отмечается, что при анализе способа вымогательства необходимо отталкиваться от общепринятого понимания способа совершения преступления, в соответствии с которым он определяется как определенный порядок, метод, последовательность методов и средств, телодвижений и приемов, используемых для достижения цели преступления [4]. В составе вымогательства способ преступления образует не только угроза причинения вреда, но и сопутствующее угрозе имущественное требование. Лишь сочетание этих двух действий способно обеспечить достижение целей вымогательства. Потому способом преступления в составе вымогательства следует считать принуждение, складывающееся из сочетания имущественного требования и угрозы причинения вреда при отказе потерпевшего от удовлетворения вымогательских притязаний. Такой подход в определении способа вымогательства разделяется большинством исследователей рассматриваемого преступления.

Итак, объективная сторона вымогательства выражается в соединенном с угрозой принуждении потерпевшего к передаче имущества или иной имущественной выгоды принуждающему субъекту, из чего вытекает, что передача потерпевшим имущественных благ используется субъектом принуждения в качестве условия не исполнения угрозы причинением вреда. Обычно, вымогатели достаточно точно формулируют характер вымогательских требований, напротив, угроза в практической деятельности не редко имеет скрытый, замаскированный характер. Форма вымогательских действий, как правило, является словесной, поскольку требование с угрозой предъявляются прямо к потерпевшему, либо его близким.

В уголовно-правовой доктрине, как правило, обращается внимание, что вымогательская угроза не является наличной (действительной), непосредственной (предполагаемой к немедленному осуществлению), а реализация угрозы предполагается вымогателем по истечении определенного времени, предоставляемого потерпевшему для выполнения имущественного требования. Именно в этом и состоит суть вымогательского принуждения, а именно, угроза причинения определенного вреда представляется для потерпевшего не ближайшей и неизбежной, а более или менее отдаленной и преодолимой опасностью [6]. При этом, по смыслу закона, угрозы уничтожением или повреждением чужого имущества, распространением вредных для потерпевшего сведений могут предлагаться к непосредственной реализации в момент предъявления имущественного требования, в случае невыполнения потерпевшим вымогательского требования [2].

На наш взгляд, в действующем УК РФ диспозиция вымогательства не предполагает будущего характера угроз при вымогательстве. Специфика вымогательского принуждения

состоит в том, что или имущественное требование, или угроза причинения вреда (а, возможно, оба действия вместе) обращены в будущее с тем, чтобы создать для жертвы фактическую возможность выполнить вымогательское требование и тем самым избежать ситуации причинения личного вреда, используя те или иные возможности защиты. Данные положения отчасти разъяснялись в судебной практике, в частности, Пленум Верховного Суда СССР предлагал оценивать в качестве вымогательства действия, состоящие в насилии либо угрозе насилием, имеющие целью получение имущества в будущем, либо в предъявлении потерпевшему лицу требования о немедленной передаче его имущества под угрозой насилия в будущем к самому потерпевшему или к близким ему лицам, при отсутствии признаков нападения» [1].

В данном отношении, типичной для вымогательства является ситуация, когда требование передачи имущества обращено в будущее, а угроза применения насилия в адрес потерпевшего предполагается к немедленному осуществлению.

Аналогичным образом должны оцениваться такие ситуации, когда к непосредственной реализации предполагается угроза применения насилия или причинения иного вреда близкому потерпевшему лицу, либо, если в непосредственном осуществлении угрозы участвуют иные лица, связанные с вымогателем. В частности, в ситуации совершения организованного вымогательства, соединенного сопряженного с захватом заложника или похищением человека. Подобная угроза фактически является более опасной, нежели угроза применения насилия в составах разбоя или насильственного грабежа, поскольку круг потерпевших умножается.

Юридически значимыми признаками угрозы являются ее действительность (наличность) и реальность. Наличие как признак угрозы означает существование ее в реальной действительности, а не в воображении потерпевшего лица. Только объективный критерий свидетельствует о наличии или отсутствии угрозы. В этом отношении трудно согласиться с теми авторами, которые полагают, что объективное существование угрозы, ее характер должны оцениваться с позиций субъективного восприятия угрозы потерпевшим. Подобные рассуждения переносят решение обозначенного вопроса в область субъективных категорий, что не позволяет учитывать тот факт, что потерпевшее лицо может обладать более или менее высокой субъективной восприимчивостью к внешнему негативному воздействию, способен преувеличивать грядущую опасность. В связи с этим, на наш взгляд, обосновано мнение, что оценка факта наличия угрозы должна основываться на объективных основаниях, а субъективное ее восприятие потерпевшим является дополнительным подтверждающим фактором наличия угрозы, играет подчиненную роль [9, 10].

Реальность как признак угрозы означает способность угрозы вызвать убеждение в ее осуществимости [8]. Сама угроза с учетом форм и средств ее осуществления, а также поведение виновного до и после угрозы должны обладать достаточно серьезной силой убеждения, чтобы внушить потерпевшему опасения в том, что действия, которыми угрожает виновный, будут осуществлены. При этом заблуждение потерпевшего относительно

осуществимости угрозы, как и действительные намерения виновного, привести или не привести угрозу в исполнение для признания ее реальной значения не имеют. Важно другое: угроза должна быть объективно способной оказать достаточно интенсивное воздействие на волю потерпевшего, вызвать у него состояние страха, опасения причинения вреда тем благам, которым угрожает вымогатель.

Литература

1. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 N 56 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Абдулгазиев Р.З. О соотношении вымогательства и хищения в системе преступлений против собственности // Актуальные проблемы современной науки: всероссийская научно-практическая конференция (Кисловодск, 02-06 мая 2012 г.). – Кисловодск, 2012.
3. Абдулгазиев Р.З. Об основном объекте и потерпевшем в структуре имущественных преступлений // Вестник СевКавГТИ. – № 13. – 2012.
4. Борисова О.В. Вымогательство и похищение документов // Уголовное право. – 2017. – N 1.
5. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. - М.: Уч.-консульт. центр «ЮрИнфоР», 1997.
6. Минская В.С. Вопросы квалификации вымогательства // Государство и право. – 1995. – № 1.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: Азбуковник, 1997.
8. Преступления против личности : учебное пособие / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.
9. Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция"/ под ред. А.В. Наумова. – М.: Издательство Илекса, 2007.
10. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

УДК 342.2/7.

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ ЕДИНОГО
СОСТАВНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ**
ABOUT SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION OF A SINGLE COMPLEX CRIME

Фирсова А.А., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Firsova A.A., graduate student of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: в работе раскрываются понятие и структура единого составного преступления, анализируются его отличия от множественности преступлений.

Abstract: the paper reveals the concept and structure of a single compound crime, analyzes its differences from the plurality of crimes.

Ключевые слова: единое сложное преступление, единичное преступление, составное преступление.

Keywords: single complex crime, single crime, compound crime.

Составными являются преступления, слагающиеся из двух или более преступных деяний, каждое из которых, взятое в отдельности, представляет собой самостоятельное преступление. Составные преступления всегда посягают на два объекта и этим отличаются от простых единичных преступлений. В юридической литературе неоднократно подчеркивалось, что составные преступления представляют собой учтенную законом совокупность преступлений [7]. Исходя из такой трактовки правовой природы составных преступлений, В.П. Малков логично предложил различать два их вида: 1) составные преступления, в основе которых лежат два или более различных действия (учтенная законом реальная совокупность) и 2) составные преступления, в основе которых лежит одно действие, повлекшее два или более преступных последствий (учтенная законом идеальная совокупность) [2].

К составным преступлениям, в основе которых лежит несколько различных действий, относится, например, разбой, при котором преступная цель завладения чужим имуществом достигается путем посягательства на личность, соединенного с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или угрозой применения такого насилия. Каждое из этих преступных деяний могло бы рассматриваться как самостоятельное преступление, но в силу их внутреннего единства они объединены в один состав и поэтому образуют одно преступление.

К составным преступлениям, в основе которых лежит одно действие, повлекшее несколько преступных последствий, можно отнести, например, умышленное причинение

тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего. Это преступление состоит из умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (первое последствие) и неосторожного причинения смерти (второе последствие, наступившее в результате причинения первого). Указанные последствия могли бы рассматриваться как самостоятельные преступления, но в силу их тесной взаимосвязи они объединены в один состав и поэтому образуют одно преступление.

Объединение разных по характеру преступлений в один состав законодатель производит в тех случаях, когда в реальной действительности эти преступления образуют неразрывно связанную цепь преступного поведения, характеризующегося значительно большей общественной опасностью, нежели каждое отдельное преступление, входящее в этот состав [5]. По справедливому замечанию Ю.И. Ляпунова, «конструкция составного преступления дает возможность точнее учесть совокупную степень общественной опасности и выразить ее в санкции уголовно-правовой нормы» [1].

Вместе с тем, в теории уголовного права в настоящее время сохраняются дискуссии по поводу уголовно-правовой природы единых составных преступлений.

Если согласиться, что в уголовном праве единое преступление и множественность преступлений четко разграничиваются, то не должно быть и неясностей при квалификации содеянного. Однако в действительности все не так однозначно.

Предметом спора стала квалификация убийства, связанного с разбоем (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), и убийства, связанного с изнасилованием (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Часть юристов придерживается старой позиции, которая долгие годы господствовала как в теории уголовного права, так и в судебной практике. Суть этой позиции заключается в том, что упомянутые преступления следует квалифицировать по совокупности преступлений - как убийство при квалифицирующих обстоятельствах и, соответственно, как разбой и изнасилование - также при квалифицирующих обстоятельствах.

Нельзя не отметить, что такое мнение, как и прежде, отражается и в юридической литературе [5, 6]. Видимо, такого же мнения придерживается и судебная практика, так как подобная точка зрения изложена в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В то же самое время следует отметить, что профессор А.С. Никифоров по проблеме квалификации убийства, совершенного при разбойном нападении по совокупности, высказался, что такое решение вопроса было, по-видимому, правильным в условиях действия ст. 102 УК РСФСР 1960 г., диспозиция которой не охватывала ни разбоя, ни бандитизма (как и наоборот). Дальше он пишет, что сейчас положение изменилось и полной уверенности в правильности подобного решения в условиях действия п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ 1996 г. уже нет [4].

Полагаем, что вышеназванные преступления являются едиными преступлениями, и их следует квалифицировать только по одной статье, которая содержит признаки состава одного, хотя и сложного, преступления.

Традиционно в теории уголовного права отдельным (единым) преступным деянием признается одно деяние (действие или бездействие), имеющее признаки состава одного преступного деяния либо двух или более нескольких, связанных между собой преступных деяний, охватываемых единым умыслом виновного лица и содержащих признаки состава только одного преступного деяния.

Множественность преступных деяний имеет место, если одно лицо совершает два или более самостоятельных преступных деяний, которые соответствуют признакам составов нескольких преступных деяний (реальная совокупность, рецидив) или же только признакам состава одного преступного деяния, если они не охвачены единым умыслом виновного лица (специальная повторность), а также если лицо совершает одно преступное деяние, содержащее признаки составов по крайней мере двух различных преступных деяний (идеальная совокупность).

Таким образом, единое преступление и совокупность преступлений трактуются законом как самостоятельные явления, поэтому они не могут быть заменены между собой по необходимости, в том числе потому, что убийство, разбой или изнасилование при отягчающих обстоятельствах являются особо тяжкими преступлениями, что следует отразить при квалификации содеянного, используя условия совокупности преступлений и учитывая при назначении наказания.

Не исключает признание рассматриваемых деяний единым преступлением и то обстоятельство, что в УК РФ прямо не закреплено понятие сложного единичного преступления, равно как и понятий продолжаемого, длящегося преступного деяния, неоднократности уголовно наказуемых правонарушений, совершаемых в течение года.

Еще одним из доводов приводится положение о том, что два или более взаимосвязанных преступных деяния являются единым деянием, если они охватываются единым умыслом виновного, а при совершении, например убийства, связанного с изнасилованием, по их мнению, единый умысел отсутствует.

Однако такой довод не мешает сторонникам двойной квалификации рассматриваемых преступлений признать, что умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, которое по неосторожности виновного повлекло смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), следует квалифицировать только по этой статье [8], хотя в данном случае в состав преступления включены две формы вины, и о едином умысле речи быть не может.

Одним из видов единого преступления является сложное составное единое преступление, критерии которого разработаны уголовно-правовой наукой. Сложное составное преступление складывается из двух или нескольких действий, каждое из которых в отдельности в уголовном законе предусмотрено как самостоятельное преступление.

Таких составов в УК РФ довольно много. Например, разбой, сопряженный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение имущества в результате неосторожности

виновного, повлекшее смерть человека (ч. 2 ст. 167 УК РФ), уже ранее упомянутое преступление, предусмотренное в ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Нет спора о том, что упомянутые преступления следует квалифицировать только по одной статье как единые сложные составные преступления, так как они соответствуют одному составу преступления и поэтому являются едиными преступлениями.

Но стоит только коснуться таких единых сложных составных преступлений, как убийство, связанное с разбоем или изнасилованием, сразу же предлагается противоположное решение.

Нет ни законного, ни теоретического основания, чтобы при квалификации единых преступлений применять разные принципы квалификации содеянного. Следует полностью согласиться с профессором А.В. Наумовым, который высказал в теории уголовного права общепризнанное положение, согласно которому единое сложное преступление, так же как и простое, образует один состав преступления и квалифицируется по одной статье УК, но в отличие от единого простого преступления его объективная сторона характеризуется сложным содержанием (речь идет, например, о количестве совершаемых деяний, о наличии дополнительных преступных последствий) [3].

Таким образом, мы считаем, что в случаях, когда виновный, завладевая чужим имуществом, применил насилие, в результате которого наступила смерть потерпевшего, и виновный желал такого результата или сознательно допускал, преступление следует квалифицировать только как убийство, которое совершено при наличии отягчающих обстоятельств, т.е. по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Аналогичным образом следует осуществлять уголовно-правовую квалификацию во всех аналогичных случаях. Данная позиция, как представляется, соответствует закону и теоретическим положениям о едином сложном составном преступлении.

Литература

1. Ляпунов Ю.И. Квалификация составных (сложных) преступлений // Социалистическая законность. – 1982. – № 1.
2. Малков В.П. Совокупность преступлений (Вопросы квалификации и назначения наказания). – Казань, 1974.
3. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М.: БЕК, 1996.
4. Никифоров АС. Ответственность за убийство в современном уголовном праве. Комментарий. - М.: Юринформ, 2000.
5. Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция"/ под ред. А.В. Наумова. – М.: Издательство Илекса, 2007.
6. Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция"/ под ред.

А.В. Наумова. – М.: Издательство Илекса, 2007; Преступления против личности: учебное пособие / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

7. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

8. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть: учебник / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

УДК 342.2/7.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНЫХ
ПОСЛЕДСТВИЙ И ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ КАК ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ
СТОРОНЫ ЕДИНИЧНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMINAL EFFECTS AND CAUSE
RELATIONSHIPS AS SIGNS OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE SINGLE CRIME**

Фирсова А.А., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Firsova A.A., graduate student of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: в работе раскрываются понятие и виды преступных последствий, характеризуется уголовно-правовое значение причинной связи при квалификации преступлений.

Abstract: the paper reveals the concept and types of criminal consequences, characterized by the criminal-legal significance of causation in the qualification of crimes.

Ключевые слова: преступные последствия, общественно опасные последствия, причинная связь, объективная сторона преступления.

Keywords: criminal consequences, socially dangerous consequences, causal relationship, objective side of the crime.

Понятие "общественно опасное последствие преступления" (или иначе - "преступное последствие") характеризует вредные изменения в объекте посягательства, которые наступают в результате совершения субъектом преступного деяния в форме действия или бездействия.

Иногда в науке уголовного права для характеристики вреда от преступления используется иная терминология: термин "преступное последствие" употребляется лишь применительно к нанесению ущерба объекту по неосторожности, а в случаях умышленного его причинения говорится о "преступном результате" [1]. Вряд ли подобное различие оправдано теоретически и практически, на что часто обращает внимание в специальной литературе [9].

В реальной действительности не существует безвредных, беспоследственных, безрезультатных преступных деяний. Любое из них причиняет тот или иной ущерб объекту уголовно-правовой охраны, но он фиксируется законодателем лишь в материальных составах преступления и тогда входит в основание уголовной ответственности. Вместе с тем последствия находятся за рамками формальных составов преступления, тогда они влияют на

степень общественной опасности содеянного и на индивидуализацию ответственности чиновных субъектов.

В уголовно-правовой литературе преступные последствия подразделяются на материальные, поддающиеся точному измерению с помощью соответствующих критериев, и нематериальные, которые не поддаются подобному измерению. В свою очередь материальные последствия классифицируются на личные и имущественные, а нематериальные - на носящие личный характер и не обладающие таким характером [3, 4].

Материальные личные последствия заключаются в лишении жизни потерпевшего (можно говорить о числе таких жертв) или причинении вреда его здоровью, который исчисляется величиной (процентом) утраты трудоспособности или продолжительностью (в днях) болезни потерпевшего.

Материальные имущественные последствия подразделяются на прямой ущерб (или, иначе, недостачу) и неполучение должного, которое именуется в новом ГК РФ упущенной выгодой (ч. 2 ст. 15). Первую разновидность имущественных последствий иногда характеризуют как "положительный ущерб" [7], хотя в нем, безусловно, нет ничего позитивного. Имущественные последствия могут получить оценку в валюте Российской Федерации, т.е. в рублях.

Нематериальные общественно опасные последствия заключаются в политическом или моральном ущербе, наносимом либо личности (скажем, при оскорблении или клевете), либо общественным или государственным интересам (подрыв безопасности страны, авторитета органов управления или независимости судебной власти и т.п.) [10]. Хотя такой вред не поддается исчислению, он во многих случаях может быть более тяжким, чем материальный.

Возникает вопрос, в связи с чем законодатель не всегда при описании преступления указывает на его общественно опасные последствия. Успешную, на наш взгляд, попытку ответа на данный вопрос предпринял более 30 лет назад П.И. Гришаев [6], по мнению которого последствия не включаются законодателем в структуру состава преступления, если: а) они носят нравственный характер и не могут быть измерены с помощью четких критериев, например при оскорблении (ст. 130 УК); б) преступное деяние само по себе представляет особую опасность вне зависимости от наступления или не наступления тех или иных последствий, скажем в случаях разбоя, бандитизма, государственной измены или шпионажа (ст. 162, 209, 275, 276 УК); в) последствие неразрывно связано с деянием и следует за ним по естественному развитию событий, например при подмене ребенка (ст. 153 УК), когда нет особой необходимости требовать от следователя или суда доказывания преступного результата содеянного.

Вопрос о причинной связи возникает в уголовном праве в двух ситуациях: 1) когда состав преступления сконструирован законодателем как материальный, а потому включает в себя вредное последствие и 2) когда такое последствие находится за рамками состава преступления, но требует установления в целях определения степени общественной опасности содеянного, ибо, в силу ч. 3 ст. 60 УК, она учитывается при назначении наказания

в пределах санкции статьи Особенной части УК. В каждой из этих ситуаций нанесенный преступлением ущерб объекту может быть вменен лицу при условии, если он находится и причинной связи с совершенным этим лицом преступным деянием [5, 8].

Теория уголовного права не претендует на изобретение собственной концепции причинной связи и опирается на философский подход к пониманию причинности.

Причинность носит объективный и всеобщий характер, ибо в реальной действительности нет явлений, которые не имели бы своих причин. Сущность причинности заключается в производстве причиной следствия, а по своему содержанию она представляет собой внутреннюю связь между тем, что уже существует, и тем, что им порождается, только еще возникает. Вместе с тем производство причиной следствия зависит от наличия для этого соответствующих условий [11].

Исходя из этого, под причинной связью в уголовном праве следует понимать такую объективную связь между преступным деянием субъекта и наступившими общественно опасными последствиями, при которой деяние по времени предшествует указанным последствиям, выступая в качестве их причины или - в случаях, предусмотренных законом - в качестве условия наступления последствий, подготавливает и определяет реальную возможность их наступления, которая и претворяется в действительность.

Подобный подход к причинной связи в уголовном праве позволяет рассмотреть ее признаки. Во-первых, она носит объективный характер, существует в реальной действительности и вовсе не обязательно охватывается умыслом или неосторожностью субъекта. Во-вторых, она предполагает связь не между любыми явлениями, а лишь между теми, которые предусмотрены в качестве преступного деяния и вредных последствий такого деяния. В-третьих, существует определенная последовательность названных явлений: деяние по времени его совершения всегда предшествует нанесенному им вреду. В-четвертых, преступное деяние выступает источником возникновения общественно опасных последствий. В одних случаях (а их большинство) деяние выступает причиной следствия и порождает его. В других ситуациях уголовный закон придает преступному деянию, в том числе и бездействию субъекта, роль условия, которое способствует наступлению вреда, а сам этот вред порождается воздействием тех или иных привходящих обстоятельств (стихийные силы природы, непредусмотрительность потерпевших, поведение тех или иных неуправомоченных лиц). Такие ситуации, в частности, имеются в виду в ст. 143, 216, 224, 246, 266 УК РФ.

Исходя из этого, можно оспорить утверждения, согласно которым в уголовном праве приобретают значение необходимые причинные связи [2], а бездействие, в том числе преступное, есть ничто и потому будто бы не способно приводить к последствиям [12]. В-пятых, будучи общественно опасным, преступное деяние таит в себе угрозу нанесения вреда соответствующим объектам уголовно-правовой охраны, создавая тем самым реальную возможность причинения подобного вреда, который и возникает в действительности. Этот признак характеризует внутренний механизм нанесения преступного вреда, поскольку

философские категории "возможность" и "действительность" отображают различные ступени в становлении и развитии возникающего явления: "возможность" выражает тенденцию к становлению нового явления, а "действительность" - уже существующее явление как результат реализации возможности.

Установление и доказывание причинной связи обязательно для выявления наличия основания уголовной ответственности за причиненное общественно опасное последствие, что, однако, еще не предрешает фактического наступления такой ответственности, поскольку для этого необходимо наличие всех признаков состава преступления, в том числе, естественно, и вины. В частности, необходимо, чтобы субъект предвидел (при умысле) или должен был и мог (в случаях неосторожности) предвидеть развитие, хотя бы в общих чертах, причинной связи и наступающие общественно опасные последствия. Российскому уголовному праву, в силу ч. 2 ст. 5 УК, чуждо объективное вменение, т.е. уголовная ответственность за невинное причинение вреда.

Точно так же и другие признаки, характеризующие объективную сторону преступления и включенные законодателем в рамки состава преступления или находящиеся за его рамками (место, время, способ, обстановка), могут быть вменены лицу при условии, если они так или иначе отображаются в структуре субъективной стороны содеянного им.

Литература

1. Землюков С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М.: МГУ, 1994.
2. Курс советского уголовного права / под ред. А.А. Пионтковского и др. Т. 2.
3. Михлин А.С. Последствия преступления. - М.: Юрид. лит., 1969.
4. Наумов А.В. Российское уголовное право Общая часть Курс лекций. – М.: БЕК, 1996.
5. Преступления против личности : учебное пособие / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.
6. Советское уголовное право: Часть Общая / под ред. Б. В. Здравомыслова и др. - М.: Юрид. лит., 1964.
7. Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция"/ под ред. А.В. Наумова. – М.: Издательство Илекса, 2007.
8. Уголовная ответственность и наказание : учебное пособие / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.
9. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.
10. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.
11. Философский энциклопедический словарь. - М.: Сов. энцикл., 1983.
12. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Сов. государство и право. - 1956. - № 7.

УДК 330.101.2+378

**ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРИОРИТЕТОВ И ПРИНЦИПОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
RESEARCH OF FEATURES OF FORMATION OF THE PRIORITIES AND PRINCIPLES
OF INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF THE SYSTEM HIGHER SCHOOL OF THE
RUSSIAN FEDERATION**

Оганьян А.Г., г.Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет, доцент Высшей школы управления и предпринимательства, кандидат экономических наук.

Oganyan AG., Rostov-on-Don, Don State Technical University, Associate Professor of the Higher School of Management and Entrepreneurship, Candidate of Economic Sciences.

e-mail: bataisk.intel@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены теоретические составляющие особенностей формирования приоритетов и принципов институционального развития системы высшей школы Российской Федерации.

Annotation: The article examines the theoretical components of the formation of priorities and principles of institutional development of the system of higher education in the Russian Federation.

Ключевые слова: институциональное развитие, высшая школа, национальная экономическая система, инновации, инновационно-ориентированная трансформация.

Key words: institutional development, higher school, national economic system, innovations, innovation-oriented transformation.

Рассматривая специфику формирования приоритетов и принципов институционального развития системы высшей школы Российской Федерации можно утверждать, что она предусматривает последовательную и выверенную адаптацию существующих индикативных значений институциональной среды, преобладающих форм (типов) взаимосвязей, особенностей экономического поведения субъектов системы высшей школы к доминантным инновационным изменениям внешней среды, реализуемым в двух существенно коррелирующих между собой сферах:

- рынке образовательных услуг сферы высшего образования, гармонично интернирующегося в мировое институциональное пространство транснационального развития;

- сфере разработки, формализации и практической реализации социально-экономической политики государства.

Даже в свете расширения участников и уровня ведения дискуссии о доминанте развития науки и образования в структуре главных целей реализации государственной социально-экономической политики в Российской Федерации, очевидна некоторая рецессия в части укрепления институциональной динамики функционирования высшей школы, неэффективность её институциональной структуры [6].

Современная экономическая система объективно требует непрерывного воспроизводства как все новых и новых (в ряде случаев инновационных) знаний, при этом как фундаментальных, так и прикладных научных результатов, формализованных с позиции их коммерциализации в виде высокотехнологической продукции и на ряду с этим высококвалифицированные кадровые ресурсы, оперативно осваивающих новые знания и способных применить их в хозяйственной практике. Кроме того, реалии существующих потребностей реализации непрерывного образования стимулируют современных специалистов, подготовленных в прошлом подготовленных отечественной высшей школой и реализовав себя в одной из отраслей национальной экономики, периодически снова «включаться» в нее снова и снова для получения новых дополнительных знаний с прогрессивным возрастанием уровня профессиональной квалификации. Это и выступает отражением сущностных составляющих сформировавшейся особенности системного потребления интеллектуального капитала в российской экономической системе. Таким образом, очевидна реализация непрерывного воздействия на протекание процесса передачи и трансферта новых знаний в системе высшей школы, в сущности постоянной репродукции потребностей непосредственных носителей интеллектуального капитала (то есть его собственников) в устойчивом и постоянном воспроизводстве как в количественном, так и в качественном отношении на каждом последующем уровне в системе отечественного высшего образования.

В целом осуществление процесса формирования основы интенсификации воспроизводства интеллектуального потенциала, взаимоувязывается не столько с локальными, сколько с транснациональными объективными предпосылками создания качественно нового синергетического мировосприятия, которое обусловлено следующими аспектами:

- учетом ключевых аспектов экологических составляющих организации различных человеческих систем, реализуемых в контексте их направленности на исполнение морально-этических норм функционирования, формируемых для каждого отдельного индивида как представителя общества и обеспечение контроля и регулирования их исполнения в условиях достижения оптимальных форм интеграции с окружающей средой (экология человеческой среды обитания, экология экономической деятельности и др.) [1];

- достижение высокого значения социализированности, определяющей уровень маневренности сложившейся системы знаний, навыков, умений и компетенций фактической институциональной динамики нарастающих трансформаций внешней среды;

- прогрессивное расширение «провала» между ключевыми компонентами системы профессиональных знаний и общекультурным уровнем отдельных индивидов, объективной причиной чего, на наш взгляд, выступает превалирование псевдоформ (ориентиров) позитивной социализации и шаблонного технократического мировосприятия устоявшихся в свете глобализации экономических отношений;

- запаздыванием институциональной динамики развития образования и науки, обусловленное антагонизмом модели инновационно-ориентированного эволюционно-поступательного развития системы высшей школы и прогрессивным влиянием результатов научно-технического прогресса на национальную экономику [5];

- устоявшейся доминантой в части реализации системных образовательных проектов и технологий, превалированием развития материальных оснований деятельности над духовно-нравственными.

Деструктивные факторы сдерживания интенсификации процесса воспроизводства интеллектуального потенциала, преимущественно социально-экономического характера обуславливают «дистанцирование» процесса развития общественного сектора и инновационного развития системы высшей школы в России и допускают вероятность возникновения серьезных системных кризисов.

Сформировавшийся тренд трансформационных преобразований российской экономической системы, реализуемый через призму изменений практики интенсификации воспроизводства интеллектуального потенциала, раскрывает в современных условиях перспективные направления укрепления институциональной динамики высшей школы [3].

Отсюда снова возникает необходимость обозначения проблем качества системы высшего образования в свете прогрессивно и поступательно нарастающих массивов человеческих знаний, реализуемых в условиях и в сущности по законам арифметической прогрессии, то есть каждые 15-20 лет объем информационного потока увеличивается в двое. Это закономерно поднимает вопрос о формировании эффективной и жизнеспособной системы непрерывного образования грамотно интегрированной в современную модель университета нового инновационного типа.

Поэтому, аргументировано применение в хозяйственной практики в том числе и деятельности субъектов институциональной структуры высшей школы новых (а в ряде случаев и инновационных) знаний позволяющих обеспечивать достижение ожидаемого эффекта в виде решения экономических задач развития национальной экономики, однако только в том случае, когда развитие высшей школы поддерживается кардинальными инновационно-ориентированными трансформационными преобразованиями в совокупности во всех друг их ее подсистемах, в частности таких как:

- педагогической;
- организационной;
- экономической;
- научной и др.

Что примечательно: процесс интенсификации воспроизводства интеллектуального потенциала напрямую связан с уровнем образованности населения любого государства. Общепринятым во всем мире индикатором, определяющим образованность населения, выступает - «численность студентов, по программам высшего образования (бакалавриата, специалитета, магистратуры) на 10000 человек населения». Проведем детальный анализ указанного показателя в РФ, в том числе в разрезе отдельных регионов (таблица 1) [6].

В соответствии с данными, приведенными в таблице 1, отражающими динамику анализа численности студентов на каждые 10000 человек населения, можно констатировать то, что из исследуемых 8 федеральных округов Российской Федерации основные 3 места принадлежат по результатам 2013-2014 учебного года следующим федеральным округам: первое место – Центральный федеральный округ, второе место - Северо-западный федеральный округ, третье место - Сибирский федеральный округ.

Таблица 1 - Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10000 человек населения (на начало учебного года, человек)

Федеральные округа РФ	Учебный год							
	2005	2010	2010/2011	2011	2012	2012/2013	2013	2013/2014
	-	-	в % к	-	-	в % к	-	в % к
	2006	2011	2005/2006	2012	2013	2011/2012	2014	2005/2006
Всего по РФ	493	497	100,8	454	424	93,4	393	79,7
в том числе федеральные округа:								
Центральный	569	597	104,9	520	479	92,1	450	79,1
Северо-западный	534	530	99,3	483	451	93,4	408	76,4
Южный	412	427	103,6	398	377	94,7	352	85,4
Северо-Кавказский	400	396	99,0	359	345	96,1	327	81,8
Приволжский	469	464	98,9	434	407	93,8	376	80,2
Уральский	472	470	99,6	436	403	92,4	372	78,8
Сибирский	470	456	97,0	429	411	95,8	380	80,9
Дальневосточный	494	473	95,7	450	405	90,0	363	73,5

Кроме того, из восьми исследуемых федеральных округов только два имеют показатели выше средних по РФ (представленный показатель в целом по России в 2013-2014 учебном году составил 393 студента на 10000 человек населения), а в федеральных округах лидерах, Центральном, показатель достиг 450 студентов, Северо-Западном - 408 студентов, Сибирском - 380 студентов.

Характеризуя ситуацию по экономически развитым странам, в соответствии с

данными мировой статистики, численность студентов обучающихся в высших учебных заведениях на 10000 человек населения, страной лидером является Канада - значение показателя в среднем по стране составляет - 580 студентов, после Канады второе место принадлежит США - 520 студентов и что достаточно интересно после двух безусловных лидеров из числа экономически развитых стран третье место принадлежит Латвии - с численностью 496 студентов [7].

Наряду с использованием новых инновационно-ориентированных трансформаций в системе высшей школы, кроме этого, на наш взгляд, необходимо формирование адекватной системы непрерывного образования специалистов, в спектре всех уровней высшего образования (от бакалавра до аспиранта), включая повышение профессионального уровня специалиста уже на его рабочем месте без отрыва от производственного процесса (профессиональной деятельности) [2]. Разработка и практическое внедрение данного механизма следует позиционировать как приоритетное стратегическое решение, диктуемое результатами укрепляемой институциональной динамики высшей школы, оперирующее задачами оптимизации трансформационных преобразований, реализуемых в национальной экономической системе.

Кроме того, сегодня становится очевидным то, что лидирующие позиции в составе ключевых проблем развития российской экономики приобретают не технические, а организационные и социально-экономические. Базовые технические решения подвергаются стандартизации, динамика цен и производительность новых технологий последовательно снижается, а использование инновационных технологий не всегда сопряжено с повышением производительности и эффективности деятельности субъектов той или иной системы общественного хозяйства [4].

Направления развитие российской системы высшей школы в стратегической перспективе в фокусе совершенствования условий реализации процесса укрепления положительной институциональной динамики, на наш взгляд, преимущественно должно быть направленно на решение следующих ключевых задач:

- сформировать развитый, открытый и «прозрачный» национальный рынок образовательных услуг;
- сформировать широкий спектр востребованных национальной экономической системой образовательных программ подготовки высококвалифицированных специалистов;
- сформировать манёвренную высоко-адаптивно систему, оперативно реагирующую на потребности локального и мирового рынков труда и др.;

Практическая реализация указанных положений в сложившихся условиях функционирования российской экономической системы в целом и высшей школы в частности, определяет целый комплекс объективных проблем. Прогрессивные реформационные преобразования последних двадцати лет обусловили возникновение серьезных изменений в структуре спроса на отечественном рынке труда, как на локальном, так и на общенациональном уровнях.

Система высшей школы, обеспечивая генерацию структуры рыночного предложения в разрезе отдельных специальностей, в наибольшей степени испытывает инерционное давление, обусловленное возникающими рыночными диспропорциями. Но наряду с прогрессивным за последние годы ростом числа обучающихся, принимаемых в государственные вузы на коммерческой основе, общая динамика увеличения уровня предоставляемых платных образовательных услуг показывает относительно не высокие результаты роста. Соответственно ключевые пропорции, предложения на рынке образовательных услуг задаются государственными вузами через выполнение государственного заказа из средств государственного бюджета на подготовку специалистов отдельных отраслей национальной экономики. Нарастает диверсификация в содержательных характеристиках и формируемых условиях профессиональной подготовки и переподготовки специалистов коммерческих и государственных организаций отдельных отраслей и даже регионов.

Таким образом, очевидно, что наиболее важное значение имеет объективная оценка состояния российской системы высшего образования. Не имея представления об этом, затруднительно исследовать проблемы структуры обучения в разрезе отдельных отраслей и профессий. В этой связи фундаментальной основой должны стать индикативные показатели общей численности работников, проходящих обучение в спектре всех регионов на базовых коммерческих и государственных организациях (производственных предприятиях) страны.

В частности, принято Распоряжение Правительства РФ от 06.01.2015 N 7-р «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования, соответствующих приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики» [8]. Анализируя содержание данного распоряжения можно отметить, что выделены преимущественно технические направления подготовки из областей высоких технологий, компьютерной техники, атомной энергетики, нанотехнологии, биофизики и др.

Очевидно то, что подготовка специалистов способных генерировать новые знания и тем самым стимулировать воспроизводство интеллектуального потенциала чрезвычайно актуальна и важна, как с позиции функционирования и поддержания высокой конкурентоспособности национального рынка труда, так и с точки зрения возможностей интенсификации процессов укрепления институциональной динамики.

Литература

1. Оганьян А.Г. Высшее образование как институциональный фактор интенсификации воспроизводства интеллектуального капитала в условиях инновационной трансформации российской экономической системы: монография /Оганьян А.Г.- Ростов-на-Дону, из-во РСЭИ, 2016.-271 с.

2. Оганьян А.Г. Организационно-экономический механизм интенсификации процесса системного управления высшей школой в условиях инновационной трансформации

Российской экономики: монография /Оганьян А.Г.-Ростов-на-Дону, из-во РСЭИ, 2014.- 207 с.

3. Оганьян А.Г. Потенциал высшей школы в обеспечении опережающего накопления интеллектуального капитала // Креативная экономика. № 12 (108) . – 2015- с. 1609-1628.

4. Оганьян А.Г. Система высшей школы как институциональная основа интенсификации воспроизводства интеллектуального капитала в условиях инновационной трансформации российской экономики: монография /Оганьян А.Г.-Ростов-на-Дону, из-во РСЭИ, 2015.-293 с.

5. Оганьян А.Г. Управление процессом модернизации региональной системы высшего профессионального образования в контексте интенсификации развития экономического потенциала региона// Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. Научно-образовательный журнал № 3(35), 2014г.С.29-34.

6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 05.06.2018)

7. Просто темп преобразований ускорился // журнал «Вестник образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnikedu.ru/2013/05/prosto-temp-preobrazovaniyuskorilsya/> (дата обращения 07.06.2018).

8. Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/> (дата обращения 08.06.2018).

УДК 347.4

**ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО
ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ
FEATURES OF AGREEMENT FOR PROVISION OF
MEDICAL SERVICES**

Дедурина С.Н., Ростов-на-Дону, Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), студентка 2 курса магистратуры.

Dedurina S.N., Rostov-on-Don, Rostov Institute (branch) UGUU (RPA of the Ministry of justice of Russia), 2nd year student of magistracy.

Аннотация: рассмотрены особенности заключения договора возмездного оказания медицинских услуг.

Annotation: the features of the conclusion of the contract of paid medical services are considered.

Ключевые слова: медицинские услуги, медицинская организация, договор.

Key words: health services, medical organization, contract.

Вопрос о заключении договора на оказание медицинских услуг можно рассматривать в трех аспектах: форма договора, порядок заключения договора (процедурный аспект), сущность процесса заключения договора, т. е. достижение сторонами согласия по всем существенным условиям договора. Начнем с формы договора на оказание медицинских услуг. Довольно часто, оказываясь в роли пациентов, мы сталкиваемся с тем, что получение любой платной медицинской услуги сопровождается подписанием отдельного договора. Весьма распространена ситуация, когда медицинские организации оформляют заключение договора с пациентом-потребителем единым документом (одинаковым для всех), подписанным обеими сторонами, при этом все договоры абсолютно идентичны.

Документарный способ заключения договоров в данном случае приводит к усложнению и замедлению процедуры заключения договора и, как правило, вызывает дополнительные расходы по его оформлению. Особенно это касается медицинских организаций, оказывающих услуги по проведению лабораторных исследований. Время оказания самой услуги (взятие крови, а также забор иных биологических жидкостей для исследования) минимально, поток пациентов может составлять более 15 человек в час, при этом пациенты часто вынуждены длительное время проводить в очереди, ожидая, пока администратор заполнит все графы типовой формы договора на каждого обратившегося.

Часть 1 ст. 161 ГК РФ[1] устанавливает, что сделки, совершаемые между юридическими лицами и гражданами, заключаются в простой письменной форме. Письменная форма для договора на оказание возмездных медицинских услуг предусмотрена

также п. 16 Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг (далее – Правила) [2].

Согласно ч. 2 ст. 434, ч. 3 ст. 438 ГК РФ [1] договор в письменной форме может быть заключен тремя способами:

– путем составления единого документа, подписанного сторонами (общепринятый способ, ч. 2 ст. 434 ГК РФ);

– путем обмена документами, подписанными сторонами (при оказании медицинских услуг неприменим, так как договор публичный и его условия формулирует клиника, ч. 2 ст. 434 ГК РФ);

– письменная форма договора считается соблюденной, если письменное предложение заключить договор принято пациентом путем совершения действий по выполнению указанных в договоре условий (ч. 3 ст. 434, ч. 3 ст. 438 ГК РФ)[1].

Полагаем, что медицинской организации нет необходимости подписывать письменный документ с каждым пациентом. Этот вывод закономерен, если принять во внимание следующие моменты.

1. Договор на оказание медицинских услуг является публичным договором. Одно из последствий публичного характера договора – невозможность для юридического лица оказывать одному потребителю предпочтение перед другим, как в вопросе выбора контрагента, так и в вопросе установления условий договора (ч. 1, 2 ст. 426 ГК РФ[1]).

2. Юридическое лицо может соблюсти это требование, в частности, путем определения его условий в стандартной форме, к которой может присоединиться любой потребитель, намеренный приобрести услугу.

3. Любая медицинская организация обязана размещать на стенде потребителей правила, порядок и условия, стоимость оказываемых медицинских услуг (подп. «г» п. 11 Правил[2]).

4. Любая медицинская организация обязана иметь в сети Интернет официальный сайт, на котором по аналогии со стендом потребителей должна быть размещена информация о правилах, порядке, условиях, стоимости оказываемых медицинских услуг. Таким образом, вся эта информация доступна пациенту дистанционно для предварительного ознакомления (п. 11 Правил, п. 7 ч. 1 ст. 79 Закона об охране здоровья[3]).

Из сказанного можно заключить, что письменная форма договора будет считаться соблюденной, если медицинская организация разместит единую стандартизированную форму договора на оказание медицинских услуг для ознакомления с условиями их оказания на стенде потребителей, а также на официальном сайте медицинской организации в качестве публичной оферты по смыслу ч. 2 ст. 437 ГК РФ. Пациент же будет присоединяться к условиям договора путем совершения действий по выполнению условий договора. В качестве таких действий могут рассматриваться: запись пациента на прием, оплата услуг, получение талона на посещение врача.

Итак, нужно четко разграничивать формы сделки (письменная, устная и пр.) и способы заключения письменного договора. Договор на оказание медицинских услуг в соответствии с требованиями гражданского законодательства должен заключаться в письменной форме, однако способы заключения договора в письменной форме не предполагают в качестве обязательного условия наличие единого документа, подписанного обеими сторонами.

Возникает закономерный вопрос, почему исполнители медицинских услуг, обладая юридической возможностью заключить с пациентом письменный договор без подписания отдельного документа с каждым пациентом-потребителем, не используют возможность, упрощающую и ускоряющую процесс оформления с пациентом обязательственных отношений? Автор статьи полагает, что тому есть две основные причины.

Во-первых, классическая письменная форма договора имеет функциональные преимущества. Письменная форма сделки позволяет зафиксировать факт заключения сделки и конкретизировать ее содержание. Необходимость составления письменного документа побуждает стороны более четко формулировать договорные положения. При составлении письменного документа воля сторон получает закрепление на длительный период времени (доказательственная функция).

Во-вторых, именно документарная форма договора на оказание медицинских услуг требуется как медицинской организации, так и пациенту в рамках публично-правовых отношений:

– договор на оказание медицинских услуг в виде документа, подписанного сторонами, необходим для получения социального налогового вычета на лечение налогоплательщиками – физическими лицами;

– договор в виде самостоятельного документа, подписанного сторонами, рассматривается контролирующими органами по непонятной причине как единственно возможный способ заключения письменного договора. В частности, так считают органы лицензионного контроля и органы по надзору за соблюдением прав потребителей. Несоблюдение указанного требования грозит медицинской организации привлечением к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.1, ст. 14.8 КоАП РФ[4].

Автор полагает, что разумно было бы на уровне нормативного акта, например постановления Правительства РФ 04.10.2012 № 1006[2], дифференцировать случаи, в которых достаточно заключения договора в письменной форме без подписания данного документа, и случаи, когда следует заключать договор путем оформления единого документа с подписями сторон. Критерием разграничения таких ситуаций должен являться риск. Чем более рискованной является медицинская услуга (сложные оперативные вмешательства), тем больше оснований заключить договор в письменной форме, в виде отдельного документа, оговорив в нем все подробности предоставления медицинской услуги[5].

Предоставление указанной информации, ее получение, анализ пациентом-потребителем составляют преддоговорную стадию процесса заключения договора.

На практике представляет интерес юридическая квалификация следующей ситуации, связанной с процессом заключения договора. Рабочая смена врача может быть расписана по минутам. Исходя из нагрузки медицинских кабинетов и отдельных врачей (количества принятых им пациентов) собственник медицинской организации делает выводы относительно эффективности работы персонала, прогнозирует прибыль. Наличие свободного времени в смене позволяет администратору оперативно решать вопросы о возможности приема пациентов с острой болью (или в иных необходимых случаях). В этих условиях неявка пациента на прием по предварительной записи, а также отсутствие с его стороны предупреждения о факте неявки негативно отражаются на работе медицинской организации. Организация заинтересована в том, чтобы пациент-потребитель заранее предупреждал клинику о невозможности явки на прием. Данное условие прописывается в большинстве современных договоров на оказание медицинских услуг и позволяет клинике минимизировать убытки.

Юристы и контролирующие органы по-разному оценивают данную ситуацию. Так, предварительная запись пациента-потребителя на прием по телефону может быть квалифицирована лишь как соглашение о намерениях. Само по себе соглашение о намерениях не порождает каких-либо прав и обязанностей у сторон, поэтому отказ одного из участников соглашения о намерениях заключить предусмотренный таким соглашением договор не влечет для него каких-либо правовых последствий и может только повлиять на его деловую репутацию.

Действительно, если условия оказания медицинских услуг не размещены исполнителем для публичного ознакомления и лишь при личном обращении пациента с каждым из них подписывается стандартизированный договор, то при всем желании пациент-потребитель в момент записи на прием в медицинскую организацию не может знать всех существенных условий договора на оказание медицинских услуг. Логично, что он не может присоединиться к его условиям только посредством телефонного звонка.

Обращение в клинику в данном случае может быть с высокой долей вероятности рассмотрено как выражение намерения сторон в определенном будущем заключить договор. Пациент выражает свое намерение обратиться в медицинскую организацию, а медицинская организация лишь подтверждает готовность в конкретный срок обсудить условия дальнейшего сотрудничества сторон.

Иная юридическая квалификация возможна в следующей ситуации: медицинская организация публично разместила оферту, содержащую все существенные условия договора на оказание медицинских услуг, при этом в условиях договора есть положение, согласно которому запись на прием происходит в определенном порядке, а в случае невозможности явки пациент обязуется предупредить об этом. Пациент-потребитель имеет возможность ознакомиться с публичным договором на оказание медицинских услуг на официальном сайте

медицинской организации и принять для себя решение о присоединении к договору на данных условиях или о поиске иной публичной оферты.

В этом случае звонок потребителя в клинику с целью записи на прием может рассматриваться как акцепт (принятие) публичной оферты путем совершения действий, указанных в условиях договора согласно ч. 3 ст. 438 ГК РФ[1]. Соответственно, неисполнение обязательства по предупреждению о неявке для пациента в этом случае может иметь конкретные юридические последствия, предусмотренные договором[5].

Таким образом, договор возмездного оказания медицинских услуг заключается в письменной форме. Но с учетом того, что он является публичным договором и договором присоединения, то согласие пациента с его условиями, выраженное в записи на прием (как правило, в электронной форме), подтверждает заключение договора и заменяет его простую письменную форму.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ //СЗ РФ. - 1994. - № 32. -Ст. 3301.
2. Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг: Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 г. № 1006 //СЗ РФ. – 2012. - № 41. -Ст. 5628.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. - 2011. - № 48. - Ст. 6724.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ//СЗ РФ. – 2002. - № 1. -Ст. 1.
5. Салыгина Е.С. Заключение договора на оказание медицинских услуг с пациентом. /Е.С. Салыгина//Правовые вопросы в здравоохранении. – 2015. - № 8. - С.38-48.

УДК 366.54

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ
ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ
CERTAIN LEGAL ASPECTS OF THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF
CONSUMERS OF FINANCIAL SERVICES**

*Гочияева Ф.Х., Ростов-на-Дону, Ростовский институт (филиал) ВГУЮ, магистрант
2 года обучения.*

*Gochiyayev F.H., Rostov-on-don, Rostov Institute (branch) of UGUU, undergraduate 2
years of training.*

e-mail: dinaanid1988@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены вопросы актуальности правового регулирования защиты прав потребителей финансовых услуг на современном этапе развития Российской Федерации.

Abstract: the questions of relevance of legal regulation of protection of the rights of consumers of financial services at the present stage of development of the Russian Federation are Considered.

Ключевые слова: финансовая грамотность, потребитель финансовых услуг, защита прав потребителей, финансовая организация.

Keywords: financial literacy, consumer of financial services, consumer protection, financial organization.

Вопросы финансовой грамотности населения чрезвычайно актуальны на современном этапе развития нашего государства. Идет речь о начале изучения азов финансовой грамотности еще в начальных классах общеобразовательных учреждений.

В настоящее время для разных групп населения разработаны информационные ресурсы, позволяющие гражданам максимально точно и верно ориентироваться в финансовых продуктах, предоставляемых определенными организациями.

Безусловно, в повышении уровня финансовых знаний заинтересованы все участники: как финансовые и иные организации, так и граждане, и само государство, поскольку нивелирование правового нигилизма в этой сфере приведет к большей популярности ряда услуг финансовых организаций и в конечном итоге повышению благосостояния граждан.

Тем не менее, законодатель стоит на страже интересов всех потребителей, в том числе и потребителей финансовых услуг, как заранее более слабой, незащищенной стороны в отношениях с банками, страховыми организациями и др.

Однако, несмотря на все предпринимаемые действия законодательство, направленное на защиту прав потребителей финансовых услуг еще далеко от совершенства. Мы

наблюдаем большое количество нарушений прав потребителей, связанных, в том числе и с недостаточной проработанностью правовых норм.

В определенные периоды развития законодательства, применяемые методы правового регулирования и судебные подходы к разрешению споров иногда необоснованно дискриминируют интересы банков и иных финансовых организаций, негативно сказываясь на экономических процессах на рынке. Следовательно, перед законодателем возникает новая научная задача: необходимо обеспечить защиту правомерных интересов потребителей таким образом, чтобы соблюсти баланс интересов участников рынка банковских услуг, не допуская явных перекосов как в пользу потребителей, так и в пользу, например, банков.

До настоящего времени российское право в потребительской сфере развивается преимущественно фрагментарным, «реакционным» путем, основная ошибка которого заключается в том, что устраняются лишь наиболее очевидные практические проблемы, а задача выстраивания комплексной системы защиты прав потребителей банковских услуг отходит на второй план.

Главная причина такого развития ситуации заключается в том, что отсутствует надлежащая проработанность доктринальной основы регламентирования взаимоотношений потребителя и финансовых организаций, которая особенно актуальна в связи с продолжающимся реформированием отечественного гражданского законодательства и прогрессивными экономическими изменениями в России.

Сегодня главными участниками рынка финансовых услуг являются: потребитель финансовых услуг (гражданин) и финансовые организации, являющиеся профессиональными участниками финансового рынка. Потребитель финансовых услуг — это гражданин заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Легального определения «потребитель финансовых услуг» действующее законодательство не содержит. Отметим, что в течение длительного времени роль потребителя финансовых услуг недооценивалась как финансовыми институтами, так и государством, соответственно при разработке законов и других нормативных документов учитывались в первую очередь интересы бизнеса и государства.

Считалось, что наличие Закона «О защите прав потребителей»[1] и специального государственного института – Роспотребнадзора обеспечивают соблюдение интересов потребителей на рынке.

Вместе с тем в последние годы практика показала, что, несмотря на этот Закон и в целом работающие институты государственной защиты, уровень безопасности на финансовом рынке стал снижаться.

При этом, государственный надзор направлен на защиту прав клиентов финансовых организаций, и выполняя свою функцию, надзор призван защищать всех клиентов, потребителей финансовых услуг.

Однако на практике возникают ситуации, когда потребителю отказывают в защите его субъективного права, если ему противостоит не другое субъективное право, а отсутствие всякого права (например, сторона договора, предложившая другой стороне присоединиться к договору, текст которого стандартизован, не может рассчитывать на применение так называемых несправедливых (недобросовестных) условий договора, которые эта сторона включила в стандартный текст договора, несмотря на то, что на договоре стоят подписи обеих сторон) [2].

Другим участником финансового рынка являются финансовые организации, оказывающие потребителю финансовые услуги, и у них есть свои особенности деятельности. На рынке финансовых услуг финансовая организация и потребитель — это две части единого целого, находящиеся в состоянии борьбы друг с другом и такая "борьба", характеризующаяся неравенством сторон, и ложится в основу рыночной экономики.

Отметим, что вся практика применения Закона «О защите прав потребителей» к договорам на оказание финансовых услуг делится на две большие группы споров. К числу таких споров относятся споры по вопросам:

- возможности применения потребительского законодательства к договорам на оказание финансовых услуг;
- отдельных условий договоров: признание их ущемляющими права потребителей.

В целом отметим, судебная практика неоднозначно решает указанные выше положения.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что с октября 2010 года в России начал работу институт общественного примирителя на финансовом рынке (финансового омбудсмена).

Финансовый омбудсмен рассматривает споры между физическими лицами и финансовыми организациями. Спор передается на рассмотрение финансовому омбудсмену только по инициативе физического лица-клиента кредитной организации путем подачи заявления.

Подача заявления и рассмотрение дела для граждан являются бесплатными. (<https://arb.ru/b2c/abuse/>) Обращение к финансовому омбудсмену возможно только после подачи жалобы в кредитную организацию. Успешный опыт функционирования института финансового омбудсмена доказывает целесообразность его законодательного закрепления.

По нашему мнению, все варианты внесудебного урегулирования споров между потребителями и финансовыми организациями являются наиболее цивилизованными и эффективными, а создание внесудебного органа защиты прав потребителей финансовых услуг крайне необходимо для снижения финансовых и временных затрат на разрешение споров между финансовыми институтами и потребителями финансовых услуг.

Тезисно затронув в статье некоторые аспекты защиты прав потребителей финансовых услуг, отметим, что грамотное правовое регулирование, в частности, создание эффективно

работающих правовых механизмов защиты розничных клиентов и их применение необходимо для формирования у людей положительного отношения к финансовой системе, доверия к ней.

Чем эффективнее такое регулирование, тем более позитивный опыт возникает у граждан в процессе обращения к финансовому сектору, тем выше уровень доверия к финансовой системе в целом, соответственно, чем выше уровень доверия к финансовой системе, тем большее количество финансовых услуг приобретают потребители, что, в свою очередь, способствует развитию финансовой системы нашего государства.

Литература

1. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1(ред. от 04.06.2018) // СЗ РФ. –15.01.1996. –N 3. – Ст. 140.

2. Сагалаева Е.С., Малыхина М.А. К вопросу об осуществлении деятельности юридическими лицами (коллекторами), связанной с возвратом просроченной задолженности на территории РФ / Сагалаева Е.С., Малыхина М.А. // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. В 3 ч. Ч. 3. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2018. – 316 с.

УДК 366.54

**ВВЕДЕНИЕ ИНСТИТУТА ФИНАНСОВОГО ОМБУДСМЕНА
В РОССИИ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ**
**THE INTRODUCTION OF THE INSTITUTION OF FINANCIAL OMBUDSMAN
IN RUSSIA: THE FIRST RESULTS**

*Гочияева Ф.Х., Ростов-на-Дону, Ростовский институт (филиал) ВГУЮ, магистрант
2 года обучения*

*Gochiyayev F.H., Rostov-on-don, Rostov Institute (branch) of UGUU, undergraduate 2
years of training*

e-mail: dinaanid1988@mail.ru

*Аннотация: Рассмотрены первые итоги введения в состав законодательства РФ
норм о финансовом уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг.*

*Abstract: the first results of the introduction into the Russian legislation of the rules on the
financial Commissioner for the rights of consumers of financial services are Considered.*

*Ключевые слова: рынок финансовых услуг, финансовый омбудсмен, потребитель
финансовых услуг.*

Keywords: financial services market, financial Ombudsman, consumer of financial services.

Главными участниками рынка финансовых услуг являются: потребитель финансовых услуг (гражданин) и финансовые организации, являющиеся профессиональными участниками финансового рынка.

С 3 октября 2018 года вступила в силу большая часть положений Федерального закона от 04.06.2018 N 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [1].

Сам законопроект Госдума приняла в первом чтении еще в 2014 г., но его последующее рассмотрение было приостановлено на три года. Когда же в 2017 г. депутаты возобновили этот процесс и в проект были внесены поправки, Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства его не поддержал. По мнению Д. Бондарчука «из-за самой концепции, заложенной в законопроекте. Уже тогда совет указывал на то, что Закон, хотя и преследует цель защитить потребителей финансовых услуг, на самом деле только усложняет этот процесс». [2]

Теперь уже вступивший в силу Федеральный закон с целью защиты прав и интересов потребителей финансовых услуг определяет прежде всего:

- статус уполномоченного по правам потребителей (финансового уполномоченного);
- порядок досудебного урегулирования финансовым уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями;

- правовые основы взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным.

Под финансовым омбудсменом понимается гражданин, рассматривающий обращения как граждан, так и их представителей с определенными имущественными требованиями к финансовым организациям. В свою очередь определено в указанном законе и понятие «потребитель финансовых услуг», под которым понимается физическое лицо, выступающее стороной договора или же лицо, в пользу которого заключён договор или же лицо которому предоставляется финансовая услуга.

Видов финансовых уполномоченных всего два:

- главный финансовый уполномоченный;
- финансовые уполномоченные в сферах финансовых услуг.

Заметим, несмотря на то, что анализируемый документ уже вступил в силу, многие его положения пока не работают. Должна будет появиться служба финансового уполномоченного, которая будет заниматься административными вопросами.

Определены и сроки взаимодействия финансовых организаций с финансовыми омбудсменами:

- страховые организации – с 1 июня 2019 года для страховых организаций по договорам ОСАГО, ДСАГО и страхованию средств наземного транспорта, остальные страховщики – с 28 ноября 2019 года;
- микрофинансовые организации – с 1 января 2020 года;
- ломбарды, кредитные организации, кредитные потребительские кооперативы, негосударственные пенсионные фонды – с января 2021 года.

При этом, указанные выше организации имеют возможность начать работу с омбудсменами ранее, на добровольной основе, начиная с 3 декабря 2018 года, и решение уполномоченного для них обязательно, а финансовые организации не упомянутые в законе, не обязаны, но имеют право сотрудничать с финансовыми омбудсменами.

Рассматриваемые уполномоченные лица будут заниматься разрешением имущественных требований, сумма которых не более 500 тысяч рублей, за исключением случаев, когда страховщик нарушил порядок возмещения по ОСАГО. Важно отметить, что обращения граждан и юридических лиц по вопросам банкротства, не относятся к компетенции омбудсмена.

Возможность судебной защиты допускается в том случае, когда финансовый омбудсмен несвоевременно принимает решение, прекращает рассмотрение решения или же принимает решение, с которым потребитель не согласен.

Важно обратить внимание на то, что «прежде, чем обратиться к финансовому уполномоченному, потребитель должен направить заявление в организацию, с действиями которой он не согласен. Таким образом, принятие данного Закона поможет разрешить в досудебном порядке имущественные споры граждан с финансовыми организациями, где

размер требований не превышает 500 000 рублей, а также споры, которые вытекают из нарушения страховщиками порядка осуществления страхового возмещения» [3].

В самом общем виде претензионный порядок урегулирования спора – это особая процедура урегулирования спора самими спорящими сторонами, осуществляемая посредством направления (или предъявления лично) претензии в письменной форме и направления ответа на нее. Суть претензионного порядка урегулирования разногласий в рассматриваемых отношениях между кредитором и заемщиком заключается в том, что кредитору заранее (то есть до его обращения в суд за защитой нарушенных прав) предъявляются требования, касающиеся наличия у заемщика каких-либо претензий к нему. Стандартный срок рассмотрения претензии составляет 15 календарных дней со дня ее доставки в финансовую организацию. В этот срок не включается срок, предоставленный финансовой организацией клиенту для исправления или дополнения претензии. В особо сложных случаях или в случае, когда в рассмотрении участвует третья сторона, финансовая организация вправе продлить срок рассмотрения претензии, но об этом потребитель должен быть проинформирован.

Надо отметить, что информация о порядке предъявления претензии и сроках ее рассмотрения должна быть доведена до гражданина. В случае, если финансовая организация отказывается удовлетворить требования потребителя, последний вправе обратиться в суд.

Внесудебные способы разрешения разного рода споров с успехом применяются в западных странах.

Так, анализирует К.А. Тихомиров «впервые процедура внесудебного разрешения споров с участием омбудсмана была введена в Германии в июле 1992 г. союзом немецких банков. На сегодняшний день институт финансового омбудсмана достаточно широко распространен и действует, кроме Германии, в Великобритании, Франции, Нидерландах, Дании, Швеции, Норвегии, Португалии, Италии, Ирландии, Бельгии, ЮАР, Литве, Венгрии, Польше, Пакистане, Шри-Ланке. В СНГ первый институт финансового омбудсмана был создан в Армении в 2009 г.» [4]

Вообще в мировой практике выделяются две основные системы финансового омбудсмана:

- государственная, которая выступает органом, уполномоченном парламентом государства (например, Великобритания);
- частная (Германия).

В настоящее время очень значимым является защита прав пенсионеров. Среди наиболее актуальных вопросов в сфере пенсионного обеспечения можно назвать несогласие с расчетом размеров пенсий, трудности в получении архивных документов и доказательстве стажа работы в том или ином учреждении.

Если лицу становится известно о том, что его пенсионные права нарушаются, в первую очередь необходимо получить документы, прямо или косвенно подтверждающие факт нарушения или иного ущемления данных прав, а во вторую – обратиться за защитой

или восстановлением нарушенного права. Бывает, что необходимо срочно решить или выяснить важный вопрос, но попасть на личный прием к руководителям территориальных управлений Пенсионного фонда РФ трудно. Жалуются заявители и на то, что в отдельных управлениях Пенсионного фонда их письма остаются без ответа.

К основным способам защиты нарушенных пенсионных прав относятся:

1. Судебная защита.

2. Административный порядок защиты, преимущественно в виде защиты прав и законных интересов через обжалование действия (бездействия) органов социальной защиты в вышестоящих органах.

3. Защита социальных прав граждан уполномоченным по правам человека.

В целом, считаем наиболее правильным пытаться решить спорную ситуацию без обращения в суд. Сделать это бывает достаточно сложно самим сторонам, поэтому обращение к так называемому посреднику, в нашем случае финансовому омбудсмену, наиболее цивилизованный, менее затратный с временной точки зрения способ решения конфликта.

Таким образом, изложенное позволяет заключить, что создание в Российской Федерации института финансового омбудсмена является положительным явлением. Это отвечает стандартам мировой практики: он действует во многих зарубежных государствах и на разных континентах. Правоприменительная практика покажет основные проблемные аспекты действия исследуемого института в России. Смеем надеяться, что довольно действенные шаги законодателя в этом направлении будут эффективны, тем самым обеспечивая правовой баланс интересов как финансовых организаций, так и потребителей финансовых услуг.

Литература

1. Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: Федеральный закон от 04.06.2018 N 123-ФЗ // Рос. газ. – 2018. – N 121. – 6 июня.

2. *Бондарчук Д.* Закон о финансовом омбудсмене. Установлена новая схема взыскания денег с банков и страховых компаний // ЭЖ-Юрист. – 2018. – N 23. – С. 1 - 3.

3. *Чимидова Е.В.* Комментарий к Федеральному закону от 04.06.2018 N 123-ФЗ "Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг" / Е.В. Чимидова // Нормативные акты для бухгалтера. – 2018. – N 13. – С. 56.

4. *Тихомиров, К.А.* Место и роль института финансового омбудсмена в финансовой и банковской системах государства / К.А. Тихомиров // Финансовое право. – 2015. – N 12. – С. 46 - 48.

УДК 347.4

**СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ
МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ
THE CONTENTS OF THE CONTRACT OF PAID MEDICAL SERVICES**

Дедурина С.Н., Ростов-на-Дону, Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), студентка 2 курса магистратуры.

Dedurina S.N., Rostov-on-Don, Rostov Institute (branch) UGUU (RPA of the Ministry of justice of Russia), 2nd year student of magistracy.

Аннотация: рассмотрены права и обязанности сторон договора возмездного оказания медицинских услуг .

Annotation: the rights and obligations of the parties to the contract of paid medical services are considered.

Ключевые слова: медицинские услуги, предмет договора, цена договора.

Key words: health services, subject of contract, price of agreement.

Содержание договора возмездного оказания медицинских услуг имеет большое теоретическое и практическое значение, так как именно содержание договора раскрывает его правовую природу.

Единой точки зрения, что такое содержания гражданско-правового договора не сложилось. Содержание договора возмездного оказания медицинских услуг это совокупность условий, на которых он заключается. Содержание договора в данном контексте рассматривается как юридический факт, который порождает соответствующие обязательственные правоотношения. И в свою очередь, безусловно, имеет своим содержанием субъективные коррелятивные права и обязанности сторон.

Согласно с п.4 ст. 421 ГК РФ [1], стороны определяют условия договора по усмотрению, кроме тех случаев, когда содержание данного условия установлено законом и иными правовыми актами.

Договор по оказанию медицинских услуг рассматривается как совокупность действий физических и юридических лиц, главной целью которой является стремление к достижению определенных последствий. А именно для того, чтобы устранить психофизиологические негативные проявления организма, за счет получения денежных средств либо других материальных благ. Для приобретения юридической силы, необходимо прийти к консенсусу по всем существенным условиям. Таким образом, для того, чтобы выявить содержание договора одного из элементов его правовой характеристики, нужно изучить его существенные условия. В соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ [1] к существенным условиям гражданско-правового договора относятся:

- условия о предмете договора;
- условия, как существенные для этого вида договора;
- условия, по которым должны прийти к соглашению одной из сторон по заявлению.

В итоге, содержание договора возмездного оказания медицинских услуг состоит из его условий, вытекающие из конкретного закона либо определены сторонами при его заключении и учитывают между сторонами обязательство по оказанию медицинской услуги. В юридической науке выделяют условия, которые относятся к содержанию договора:

- законность договора;
- определенность договора;
- реальность договора.

Согласно гл. 39 ГК РФ [2] существенным условием договора на оказание медицинских услуг, следует признать условие о предмете договора. Предметом договора считается положительно направленные действия услугодателя, где услугополучатель удовлетворяет свои интересы за счет этого. Таким образом, исполнитель и пациент должны прийти к соглашению по следующим вопросам: какого рода будут действия, какая методика будет применяться, какими методами и способами исполнитель медицинской услуги будет действовать на негативные проявления организма пациента. К примеру, устранение кариеса, хирургическое вмешательство для устранения камней в желчном пузыре. Главной целью этого соглашения является уровень восстановления здоровья пациента.

Условие о качестве медицинской услуги, срок, место ее исполнения, цена не относятся к условиям. Отсутствие данных условий в тексте договора не влечет за собой признания о его недействительности. Гражданский кодекс РФ и другие источники законодательства содержат перечень правил, которые позволяют определить условия договора и в том случае, когда они отсутствуют в тексте. Данные правила определены в виде императивных и диспозитивных норм. Поэтому данное существенное условие относится к разряду определенных условий, где исключается возможность в договоре применять последствия при их отсутствии, которые предусмотрены в п.1 ст. 432 ГК РФ [1]. В данном случае такие условия договора считаются согласованными сторонами, которые исходя из содержания императивных норм или путем умолчания, означает согласие с нормами диспозитивными.

Если стороны согласовывают конкретные условия в договоре по оказанию медицинских услуг, то они будут учитываться, как существенные, а именно:

- условия о сроке мероприятия;
- условие о порядке предоставления информации пациенту и третьим лицам;
- условия для предоставления дополнительных услуг пациенту;
- условия о выборе определенного врача [3].

На сегодняшний день существует тенденция правового регулирования отношений в области медицинских услуг, а именно по двум направлениям: договор присоединения и, в перспективе, типовой договор.

В соответствии с п. 1 ст. 428 ГК РФ [1] договор присоединения определяется одной из сторон в определенных стандартных формах, и может быть принят другой стороной через присоединение к предложенному договору.

Типовая форма договора на оказание возмездных услуг медицинского характера должна отвечать следующим требованиям:

- каждая услуга в возмездном договоре должна быть в особой форме. Должна отражать именно ее специфику и условия оказания;
- такие стандартные формы должны быть освобождены от условий, которые устанавливают преимущества и льготы в одностороннем порядке, и обременительны для присоединившейся стороны;
- перечень условий договора необходимо быть закрытым, поскольку добавление расширительных условий или введение круга условий, придаст договору обременительный характер;
- условия договора в стандартной форме должны быть императивными;
- все заключения в стандартной форме условия договора становятся существенными, так как предлагающая сторона их формулирует, а принимает все условия договора в целом присоединяющая сторона через подписи.

Кроме перечисленных требований, которые предъявляются к стандартной форме договора, она также должна содержать блоки. Блоки состоят из информационно-обязательного, условного, ценового, атрибутивного характера, где будет дана вся важная и исчерпывающая информация об услуге медицинского характера.

Информационно-обязательный блок договора включает в себя достоверные и полные сведения об определенной услуге, информация о том, в чем состоит степень надлежащего оказания услуги, какие аспекты об этом подтверждают. Информационный блок должен быть составлен в общедоступной форме. На исполнителе услуги лежит обязанность довести данную информацию до получателя. А именно, должно быть определено, какого характера предоставляется медицинская услуга, какие используются лекарства, какой результат будет достигнут и, каковы будут обязанности исполнителя и пациента.

К условному блоку договора можно отнести предупреждения и информацию о возможных форс-мажорных ситуациях.

В ценовой блок входят финансовые обязательства сторон. Рассматриваются формы, порядок и способы оплаты услуги.

Атрибутивный блок договора устанавливает способы сервисных удобств, если они выходят за пределы общепринятых норм.

В юридической науке нет единственной позиции по поводу вида и классификации условий, которые составляют содержание договора. Большинство авторов систематизируют условия договора на разные виды, связывая конкретные условия к данной классификационной группе с точными правовыми последствиями. К примеру, существуют предложения все входящие в содержание договора условия рассматривать на случайные, обычные и существенные.

Существенные условия договора объединяют в одну группу признаки и особенности. Как правило, споров и разногласий в юридической литературе, не вызывают. По общему признанию существенные являются такие условия, которые достаточны и необходимы, чтобы договор считался заключенным и смог бы установить права и обязанности участников.

Общие нормы, посвященные договорам, и в специальные нормы, относящиеся к отдельным видам договоров, законодатель может определить такие условия и выявить их сущность, а так же указать на такие правовые последствия, которые появляются при отсутствии в договоре тех или иных существенных условий.

Вопрос остается открытым об определении размера оплаты предоставляемых медицинских услуг в специальных нормах, которые посвящены регулировке договоров возмездного оказания медицинских услуг. Исполнение договора будет оплачиваться по цене, которая установлена по согласию сторон согласно пункту 1 статьи 424 ГК РФ [1]. Допускаются исключения из этого правила, предусмотренные законом: будут применяться цены, тарифы, расценки, ставки, которые устанавливаются или регулируются уполномоченными государственными органами. Цена будет являться обязательной для сторон договора, установленная законом или иными правовыми актами. В силу своего особенного характера договора эти общие положения о цене не могут использоваться, если такой договор является договором присоединения согласно ст.428 ГК РФ [1].

Смысл договора присоединения заключается в том, что условия определяет одна из сторон договора и может быть принята другой стороной через присоединение к предложенному договору, в общем. Например, медицинская организация устанавливает виды предоставляемых медицинских услуг, определяет время и место их предоставления, устанавливает стоимость и порядок оплаты. Тем временем гражданин либо соглашается с предлагаемыми условиями, либо не заключает договор.

Помимо этого, предоставляя платные медицинские услуги, которые являются публичным договором, цена устанавливается одинаковой для всех потребителей. За исключением тех случаев, когда законы и иные правовые акты допускают льготы для отдельных категорий потребителей.

Таким образом, на сегодняшний день вопрос остается спорным о порядке определения цен на платные медицинские услуги. В юридической литературе много проблем по этому поводу:

- цены на платные услуги устанавливаются медицинскими учреждениями самостоятельно;
- цены утверждаются местными органами власти;
- цены утверждаются органами власти субъектов федерации;
- цены утверждаются органами, управлением здравоохранения.

В связи с внедрением в медицину высокотехнологические и дорогостоящие вмешательства с целью восстановления здоровья, вопрос оплаты медицинских услуг остается чрезвычайно актуальным. Для решения этой проблемы стало распространение различных методов регулирования стоимости медицинской помощи. А именно замедлить рост расходов на медицинскую помощь при экономии, повышении и улучшении ее качества. Главными направлениями таких действий являются:

- ограничить расходы средств на вмешательства;
- ограничить доступ к дорогим вмешательствам пациентам, где вмешательства будут иметь недостаточно хороший эффект;
- особым условием договора является срок исполнения обязательства, потому что в большинстве случаев успешная предоставленная медицинская помощь зависит от своевременности ее оказания.

Согласно с пунктом 1 статьи 425 ГК РФ [1] договор становится обязательным с момента заключения. В договоре может быть рассмотрено определенное условие о сроке его действия или установлено, что по истечению срока, договор прекратит обязательства сторон. Если таких определенных отметок в договоре нет, то необходимо руководствоваться другими правилами. А именно договор признается действительным до определенного момента окончания исполнения обязательств сторонами.

Таким образом, права и обязанности исполнителя и заказчика по данному договору составляют его содержание, являются субъективными по своему характеру и возникают из договора, который не должен противоречить императивным нормам действующего законодательства в данной сфере.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ //СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. / М.И.Брагинский, В.В. Витрянский. - М.: 2015.

УДК 347.27.01

ИПОТЕКА В РОССИИ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
MORTGAGE IN RUSSIA: THE CONCEPT AND LEGAL REGULATION

*Шевченко Ф.Ф., Ростов-на-Дону, Ростовский институт (филиал) ВГУЮ,
магистрант 2 года обучения*

*Shevchenko F.F., Rostov-on-don, Rostov Institute (branch) of UGUU, undergraduate 2
years of training*

e-mail: *Shevchenko.091@mail.ru*

Аннотация: Рассмотрены основные положения об ипотеке в России, ее понятие и правовое регулирование.

Abstract: the main provisions on mortgage in Russia, its concept and legal regulation are Considered.

Ключевые слова: ипотека, залог недвижимости, способ обеспечения исполнения обязательств.

Key words: mortgage, real estate pledge, method of ensuring fulfillment of obligations.

С 1 июля 2014 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации» [1], в соответствии с которым предусматривается новая редакция положений о залоге, содержащихся в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ). Включая в содержание ГК РФ большое количество норм о залоге, законодатель преследовал цель систематизации положений о залоге в одном документе, тем самым исключая необходимость принятия специальных законов, за исключением Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [2].

Непосредственно сама трактовка залога как способа обеспечения исполнения обязательства не изменилась. Так в соответствии со ст.334 ГК РФ «в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя). А в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, требование залогодержателя может быть удовлетворено также путем передачи предмета залога залогодержателю (оставления у залогодержателя)».

В аспекте рассматриваемых правоотношений нельзя оставить без внимания новеллу ГК РФ, содержащуюся в п. 5 ст. 334 ГК РФ. Так, «если иное не вытекает из существа отношений залога, кредитор или иное управомоченное лицо, в чьих интересах был наложен

запрет на распоряжение имуществом (статья 174.1), обладает правами и обязанностями залогодержателя в отношении этого имущества с момента вступления в силу решения суда, которым требования таких кредиторов или иного управомоченного лица были удовлетворены. Очередность удовлетворения названных требований определяется в соответствии с положениями ст. 342.1 Кодекса по дате, на которую соответствующий запрет считается возникшим».

Уместно согласиться с позицией В.В. Витрянского, отмечающего, что «приведенная норма представляет собой образец необоснованного вмешательства материального права в чисто процессуальные отношения. Речь идет о том, что примененные судом по заявлению истца меры по обеспечению иска в виде ареста имущества ответчика либо запрета совершать действия по распоряжению указанным имуществом в случае благоприятного для истца исхода по соответствующему судебному делу поразительным образом превращают чисто процессуальные отношения сторон в материальные залоговые правоотношения. В результате истец, который в свое время не позаботился о соответствующем обеспечении своего требования к ответчику, вдруг превращается в залогодержателя и может обратиться взыскание на арестованное имущество ответчика без соблюдения очередности удовлетворения требований, применяемой в исполнительном производстве» [3].

Исследуемые нами отношения о залоге недвижимого имущества (ипотеке) помещены в Главу 20.4. проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Проект) [4]. В указанном Проекте ипотека признается как ограниченное вещное право. Думаем, такое нововведение можно охарактеризовать как совершенно иной подход, позволяющий совершенно иначе трактовать юридическую природу залога, хотя в целом в Проекте залог сохраняет свою обязательственно-правовую природу. В Проекте нормы об ипотеке помещены в раздел о вещном праве, а все иные виды залоговых правоотношений содержатся в Общей части обязательственного права.

Обратившись к законодательству зарубежных стран, отметим, что, например, по законодательству Соединенных Штатов Америки право залога рассматривается как вещное право. «В США урегулирован и порядок реализации имущества, которое было обременено залогом. Обратим внимание, что американцы непосредственно под ипотекой понимают лишь кредит, выдаваемый для покупки жилья, где приобретаемое жилье и становится обеспечением возврата кредита. Однако в США часто применяется залог и других объектов недвижимости. Особое значение имеет залог земли, носящий массовый характер в сельском хозяйстве»[5].

Определение ипотеки в отечественном праве (а точнее, права ипотечного кредитора) как ограниченного вещного права предопределило появление "независимой ипотеки" (п. 4 ст. 341 ГК РФ в ред. Федерального закона от 12 декабря 2013 г. № 367-ФЗ), которая «хотя и представляет собой конструкцию с радикально ослабленной акцессорностью, но, тем не

менее не может претендовать на то, чтобы считаться полностью независимой от обязательств между кредитором и должником. Поэтому пока не приходится говорить о развитии в российском праве "оборотной ипотеки" и "вещных векселей"» [6].

Как Проект, так и Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, обращает внимание З.А. Ахметьянова, «предусматривают заключение договора ипотеки в нотариальной форме (за исключением случая, когда независимая ипотека удостоверяется закладной). Более того, изначально предполагалось предусмотреть обязательную нотариальную форму для всех сделок с недвижимостью. Отметим, что Проект изменений в ГК РФ, подготовленный ко второму чтению (октябрь 2012 г.), но так и не рассмотренный в таком варианте Государственной Думой РФ, претерпел изменения и уже не содержал нормы о нотариальном удостоверении всех сделок с недвижимостью» [7].

Представляется совершенно обоснованным включение в состав норм Проекта требования об обязательном нотариальном удостоверении договора об ипотеке. В современных условиях быстро изменяющейся экономической, а нередко и политической ситуации, гражданам, да и юридическим лицам требуются повышенные правовые гарантии при заключении сделок. Именно институт нотариата сможет соблюсти законодательный баланс, в обеспечении прав и интересов граждан и юридических лиц путем совершения определенных нотариальных действий. Одним из основных преимуществ нотариально удостоверенного договора является повышенная доказательственная сила нотариального документа.

В соответствии с положениями Закона «Об ипотеке» ипотека устанавливается с целью обеспечить основное обязательство по кредитному договору либо же по договору займа или другому обязательству, которое основывается на купле-продаже, подряде, аренде либо ином договоре, а также причинении вреда, если другие требования не установлены федеральным законом.

В общем виде суть ипотеки сводится к тому, что ипотекой обеспечивается уплата залогодержателю основной суммы долга по кредитному договору (или же иному обязательству), как полностью, так и в части, согласно положениям договора об ипотеке. Если же ипотека была установлена с условиями уплаты процентов, то ею обеспечивается выплата кредитору или же займодавцу процентов за использование кредита (заемных средств).

Предметом ипотеки может быть только недвижимое имущество, по этому критерию исследуемый вид залога и выделяется среди других в системе залоговых правоотношений.

Предметом ипотеки не будет недвижимое имущество граждан, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам; такой перечень установлен в ст.446 Гражданского процессуального кодекса РФ [8]. Кроме рассмотренных выше новаций Закон об исполнительном производстве также предусматривает отдельные ограничения, связанные с наложением ареста на имущество должника, если данное имущество находится

в залоге (ст. 80). Речь идет о конкуренции удовлетворения требований кредиторов из заложенного имущества должника при наложении ареста на такое имущество.

Поводя итог, отметим, существенное реформирование гражданского законодательства отразилось как на институте залога в целом, так и на ипотечных правоотношениях в частности. Законодательцы предлагают структурировать ипотеку как ограниченное вещное право. Думаем, что это абсолютно верное направление к изменению гражданского законодательства исходя из современных реалий. Более того, анализ Проекта показал, что иные разновидности залога, помимо ипотеки, выступают только лишь в виде способов надлежащего исполнения обязательств и по этому критерию не имеют обязательственно-правовую природу. В этом вопросе позволим не согласиться с авторами Проекта, поскольку считаем, что юридическая природа одного и того же гражданско-правового института не может кардинально различаться в зависимости от его разновидностей. Полагаем, что российскому законодателю предстоит признать вещно-правовую природу всех залоговых прав.

Литература

1. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании, утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 21 декабря 2013 № 367-ФЗ // СЗ РФ. – 2013. – № 51. – Ст. 6687
2. Об ипотеке (залоге недвижимости): Федеральный закон от 16.07.1998 N 102-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собр. законодательства РФ. – 2008. – № 29. – Ст. 3400
3. *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В.В. Витрянский. М.: Статут, 2016. – 431 с.
4. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект Федерального закона № 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. *Оськин, И.Ю., Лупу А.А.* Правовое регулирование договора залога в зарубежных государствах: сравнительно-правовой анализ / И.Ю. Оськина, А.А. Лупу // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 4. – С. 41–44.
6. *Бевзенко Р.С., Егоров А.В.* Поправки о залоге. Новые возможности для маневра / Р.С. Бевзенко, А.В. Егоров. М.: Акцион-Медиа, –2015. – С.56–78.
7. *Ахметьянова З.А.* К вопросу о залоге недвижимости и его государственной регистрации / З.А. Ахметьянова // Нотариус. – 2015. – № 7. – С. 14–17.
8. Гражданский процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 14 ноября 2002 №138-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532
9. *Малыхина М.А.* К вопросу о реформировании системы нотариата в России / М.А. Малыхина // Вестник СевКавГТИ. – 2014. – № 18. – С. 113-118.

УДК 347.276

**К ВОПРОСУ О РАЗДЕЛЕ ИПОТЕЧНОГО ДОЛГА БЫВШИХ СУПРУГОВ
THE QUESTION OF THE RESPONSIBILITY OF THE MORTGAGE DEBT
OF THE FORMER SPOUSES**

*Шевченко Ф.Ф., Ростов-на-Дону, Ростовский институт (филиал) ВГУЮ,
магистрант 2 года обучения*

*Shevchenko F. F., Rostov-on-don, Rostov Institute (branch) of UGUU, undergraduate 2
years of training*

e-mail: *Shevchenko.091@mail.ru*

Аннотация: Рассмотрены актуальные аспекты правоприменения по вопросам раздела ипотечного долга бывших супругов.

Abstract: the actual aspects of law enforcement on the division of mortgage debt of former spouses are Considered.

Ключевые слова: ипотека, ипотечный кредит, расторжение брака, суд.

Keywords: mortgage, mortgage, divorce, court.

Согласно статистическим данным, количество зарегистрированных брачных союзов численно превышает количество расторгнутых браков. Так, например, в Ставропольском крае за первое полугодие 2018 года расторгли брак 5 064 семей, а количество зарегистрированных браков составило – 6 107. На основании норм Семейного кодекса РФ (далее - СК РФ) [1] возможен административный и судебный порядок расторжения брака. Для расторжения брака в органах ЗАГСа (административный порядок) необходимо соблюдение следующих условий:

- оба супруга должны быть согласны с прекращением брака;
- у них не должно быть совместных детей, не достигших 18 лет.

Согласно ст .17 СК РФ, расторгнуть брак по инициативе мужа невозможно, если отсутствует согласие жены, находящейся в состоянии беременности или в течение года после рождения ребенка. Эта норма распространяется и на случаи, когда ребенок родился мертвым или умер до достижения им возраста одного года. При таких обстоятельствах брачный союз не может быть прекращен даже в судебном порядке. Цель существования этой нормы заключается в обеспечении интересов молодой матери, которая в период беременности и первый год после рождения ребенка является наиболее незащищенным членом общества в силу физиологических процессов восстановления организма и необходимости особо пристального ухода за новорожденным. Во всех иных ситуациях возможно обращение в суд с исковыми требованиями о расторжении брака. Рассмотрение таких категорий дел по общему правилу осуществляется мировыми судьями по месту

нахождения ответчика. Если органы ЗАГСa не уполномочены выяснять причины развода, то суд должен их установить, но только при отсутствии у одного из супругов согласия на расторжение брака. В обязательном порядке, согласно п.2 ст.24 СК РФ суд должен принять меры, направленные на защиту интересов несовершеннолетних детей.

Так как судебное разбирательство такой категории дел заключается в исследовании судом обстоятельств личного характера, стороны вправе потребовать проведения закрытого судебного заседания, отступив от принципа гласности. Не всегда имеется возможность принять участие в судебном заседании. Поэтому необходимо знать о том, что суд может рассмотреть дело и заочно.

Таким образом, одним из оснований прекращения брака является его расторжение в органах ЗАГСa или суде. При этом согласие супругов на этот акт требуется не всегда. Суд производит расторжение брака в любом случае, желают ли развода оба супруга, либо только один из них. Цель судебного разбирательства, проводимого по делу о расторжении брака, заключается в том, чтобы выяснить обстоятельства развода и максимально обеспечить интересы социально незащищенных заинтересованных лиц, в частности несовершеннолетних детей, а не в том, чтобы настаивать на сохранении семьи от имени государства. Действующее семейное законодательство основано на принципе добровольности брачных отношений и не препятствует силой государства распаду неблагополучных, неудавшихся семей. Как правило, судами совместно рассматриваются требования о расторжении брака и требования о разделе совместно нажитого имущества. В рамках отдельного производства решаются вопросы о разделе имущества, принадлежащего третьим лицам.

Почти в каждом бракоразводном процессе неизбежно возникает вопрос о разделе совместно нажитого имущества. Особую сложность представляют дела, связанные с наличием действующего ипотечного кредита, оформленного супругами с целью приобретения жилья. Судебная практика по исследуемой категории дел неоднозначна. Безусловно, согласимся с Н. Яковлевым в том, что «основная сложность в ипотечно-бракоразводных делах вызвана непониманием сторон, а нередко и судами, вопроса о том, как правильно при разделе имущества и обязательств супругов должны совокупно применяться нормы семейного законодательства, устанавливающего общие правила раздела имущества супругов, и законодательства гражданского, содержащего нормы о залоге, переводе долга, изменении условий договора и солидарных обязательствах», и вслед за ним зададимся вопросом: «В чем состоит сложность правильного применения перечисленных норм и кто из бывших супругов должен платить по ипотечному кредиту в случае развода?» [2].

Заметим, «даже если у заемщика достаточный доход и его хватает для оформления кредитного договора, банковское учреждение старается привлечь к оформлению займа и созаемщиков – это делает договор более надежным, риски банка значительно снижаются. В таких случаях суды, основываясь на п.п.1 п. 2 ст. 325 ГК РФ, в котором закреплено право должника, который исполнил солидарную обязанность предъявить регрессное требование к

другим должникам, выносят решение о взыскании суммы задолженности с супруга, не исполнившего условия договора» [3].

В судебной практике такие решения наиболее распространены. Так, в Бородинский городской суд (Красноярский край) обратился истец С.А.И. к ответчику С.Е.И. с требованием о разделе общего долга супругов. Брак между ними был расторгнут на основании решения мирового суда. Согласно материалам дела, был произведен и раздел совместно нажитого имущества, в том числе приобретённой в период брака квартиры для приобретения которой был оформлен ипотечный кредитный договор, в котором истец и ответчик являются созаёмщиками. Истец выплачивал кредит самостоятельно. Ввиду ненадлежащего исполнения обязательств по погашению кредитной задолженности решением городского суда от 19.01.2017 года с истца и ответчика солидарно была взыскана задолженность по указанному кредитному договору. Истцом решение суда было исполнено в полном объёме, задолженность по кредиту и расходы по уплате госпошлины уплачены. Истец просил взыскать с ответчика в свою пользу 50% от выплаченной по кредитному договору суммы. В судебном заседании истец искимые требования поддержал по доводам, изложенным в иске, дополнительно пояснив, что по вынесенному по настоящему делу заочному решению денежные суммы от ответчика не поступали.

Согласно представленным платёжным документам, в декабре 2016 года - феврале 2017 года истец выплатил в пользу банка 1161888,23 рублей, включая очередной взнос в декабре в размере 30500 рублей и сумму, денежные средства, взысканные по решению суда от 19.01.2017 года, в размере 1131388,23 рубля. Исследовав материалы дела, заслушав стороны, суд удовлетворил требования истца, обязав ответчика выплатить задолженность истцу пропорционально присужденным им долям от произведённых истцом выплат в счёт погашения кредита на приобретение квартиры [4].

Довольно часто бывшие супруги требуют в судебном порядке разделить ипотечный долг между ними в равных долях, переходя таким образом с солидарной ответственности на ответственность в долевом порядке, то есть желают в одностороннем порядке изменить условия кредитного договора.

Так, Лискинским районный судом Воронежской области было рассмотрено подобное дело. Истица обратилась в суд с иском к бывшему супругу брак с которым был прекращен, в котором указывала, что в период брака в интересах семьи, состоявшей кроме них еще из двух малолетних детей, на имя ответчика был оформлен в отделении №9013/700 ПАО «Сбербанк России» ипотечный кредит №1 от 29 февраля 2012 года «На приобретение готового жилья (Молодая семья)» на сумму 900000 рублей под 14% годовых. Решением мирового судьи брак был расторгнут. Кредит выплачен не был, ответчик платежи по возврату кредита и уплате процентов не производил, поэтому оплату производила она. Истица просила суд признать задолженность по указанному кредитному договору общим долгом бывших супругов, а также разделить остаток задолженности по кредитному договору по 1/2 доле каждому и с учетом оплаченных ею денежных сумм. Ответчик же пояснил, что

согласен разделить задолженность в указанном в иске размере. Он также вносил платежи после прекращения семейных отношений, но документы представить не может. Он не погашает задолженность по ипотеке, так как имеются и иные общие кредиты, по которым он вносит платежи, а финансовой возможности погашать ипотеку не имеет.

Однако, представитель третьего лица ПАО «Сбербанк России» возражал против удовлетворения требования о разделе задолженности по кредитному договору, поскольку это означало бы изменение в одностороннем порядке условий кредитного договора о солидарной ответственности созаемщиков перед кредитором, на что банк согласия не давал. Суд, рассмотрев дело, посчитал, что признание иска ответчиком противоречит закону и нарушает права и законные интересы третьего лица(банка), а поэтому признание иска ответчиком не является основанием для его удовлетворения в полном объеме. Также указал на то, что в исковом заявлении некорректно указано на то, что кредитный договор был заключен на имя ответчика, поскольку кредитный договор заключался обоими супругами, которые именовались в нем созаемщиками. В связи с тем, что кредитный договор заключался обоими супругами и на приобретение жилья для проживания семьи, кроме супругов в состав которой входили и двое детей, то суд с учетом признания этого факта ответчиком, признает задолженность по кредитному договору общим долгом бывших супругов, а предложенный истцом вариант раздела общего долга супругов предусматривает изменение режима ответственности должников перед третьим лицом - банком с солидарного на ответственность в долевом порядке, то есть направлен на изменение в одностороннем порядке условий кредитного договора [5].

Подводя итог, отметим: суд осуществляет рассмотрение конкретного существующего правоотношения на основе общего правила поведения, выраженного в законе, путем создания индивидуальной модели разрешения спора. Споры о совместно нажитом имуществе между бывшими супругами всегда представляли особую сложность для судей. Теперь исследуемая категория дел осложнена еще и наличием у бывших супругов общих долговых (кредитных) обязательств. Единообразия в вынесенных судебных решениях о разделе ипотечного долга нет. Думаем, сегодня назрела необходимость в разъяснении Верховным Судом РФ судебной практики по рассматриваемой категории споров, учитывая их значительную специфику.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. – 01.01.1996. – N 1. – Ст. 16
2. Яковлев, Н. Ипотека и развод – анализ споров: кто платит при разводе? / Н. Яковлев // Жилищное право. – 2016. – №1. – С. 63–69.
3. Малыхина, М.А., Малыхин, Д.Н. Раздел ипотечного долга бывших супругов (на основе правоприменительной практики судов Ставропольского края) / М.А. Малыхина, Д.Н. Малыхин // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – №2. – С. 59–68.

4. Решение Бородинского городского суда (Красноярский край) № 2-559/2017 от 9 ноября 2017 г. по делу № 2-559/2017 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)

5. Решение Лискинского районного суда Воронежской области по делу №2-1153/2017 от 21 сентября 2017 года // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)

УДК 342.731

**ЗАКОН РСФСР «О СВОБОДЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ» 1990 ГОДА:
ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ
THE LAW OF RSFSR "ABOUT FREEDOM OF WORSHIP" 1990:
THE MAIN CONTENT AND SIGNIFICANCE**

*Молодов О.Б., Вологда, Вологодский государственный университет, доцент
кафедры государственного права, кандидат исторических наук.*

*Molodov O.B., Vologda, Vologda State University, docent of the department of state law,
candidate of historical sciences.*

e-mail: o_young8172@mail.ru

Аннотация. В статье в сравнительно-историческом плане рассматривается Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 года, принятый в переходный период истории государственно-конфессиональных отношений в СССР, и действовавший в суверенной России до 1997 года.

Abstract. In an article in comparative-historical perspective considers the Law of RSFSR "About freedom of worship" 1990, adopted during the transitional period in the history of Church-state relations in the Soviet Union, and in force in the sovereign of Russia until 1997.

Ключевые слова: государство, церковь, верующие, государственно-церковные отношения, правовое регулирование.

Key words: state, Church, believers, State-Church relations, legal regulation.

Взаимоотношения государства с религиозными объединениями в СССР претерпевали в течение XX столетия значительные изменения. Советский период истории государственно-конфессиональных отношений в целом характеризовался жесткой антирелигиозной политикой, реализация которой началась с момента принятия ленинского декрета от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [8]. В 1930–1980-е гг. ключевую роль в правовом регулировании этих отношений играло совместное постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» [12], действовавшее в последнее время с изменениями 1975 года [6, с. 62–63]. При этом большое значение в повседневной правоприменительной практике имели закрытые (секретные) постановления, разработанные, как правило, Советом по делам религий при Совете Министров СССР. Наиболее известным подзаконным актом периода позднего социализма является Инструкция по контролю за соблюдением законодательства о культах 1961 года [3].

Только в канун празднования 1000-летия крещения Руси началось «потепление» отношений государства с Русской православной церковью и иными конфессиями. В этот

период кардинально меняется отношение к правам и свободам человека и гражданина, в том числе в религиозной сфере [5, с. 77]. Оно проявилось в 1988–1989 гг. в массовом открытии приходов, отмене поименной регистрации лиц, совершивших религиозные обряды, восстановлении канонической системы приходского управления [7]. В исторической науке началось переосмысление роли православия в истории страны, расширился доступ исследователей к широкому кругу архивных документов [14, с. 17].

Законодательное закрепление новой модели государственно-конфессиональных отношений произошло в 1990 г., когда с разницей менее чем в три месяца принимаются специальные законы СССР и РСФСР. Союзный акт «О свободе совести и религиозных организациях» [2] с распадом СССР в 1991 г. утратил свою актуальность, а Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий» (далее – Закон РСФСР 1990 г.) [1] суждено было стать важным инструментом, регулировавшим статус и деятельность религиозных объединений уже в суверенной России. Поэтому сопоставление Закона РСФСР 1990 г. с нормативными актами предшествующего и последующего периодов является наиболее плодотворной формой анализа его содержания и значения. Рассмотрим основные положения данного закона.

Закрепление принципа светского государства. Закон РСФСР детально закрепил положения о светском характере государства, в частности, отделение от него религиозных и атеистических объединений (ст. 8 Закона РСФСР 1990 г.). Формулировка союзного закона «об отделении Церкви (религиозных организаций) от государства» менее удачна (ст. 5 Закона СССР 1990 г.). Стоит вспомнить, что в советский период этот принцип также провозглашался, но государство оставляло за собой право поддерживать атеистические организации, их пропагандистскую деятельность, да и сам партийно-государственный аппарат прочно стоял на антирелигиозной платформе. Поэтому оговорка Закона РСФСР о нейтралитете государства в вопросах свободы вероисповеданий (ст. 10) представляется вполне уместной.

Отличается большей точностью норма о равенстве перед законом «всех религий и религиозных объединений» (ст. 10 Закона РСФСР) по сравнению с Законом СССР, где закреплено только «равенство всех религий и вероисповеданий», но не их носителей (ст. 5.1 Закона СССР).

Формулировки Закона РСФСР, касающиеся светского характера системы государственного образования, являются более удачными, и в значительной степени предвосхитившими современную ситуацию в общеобразовательных школах России. Статья 9 Закона акцентирует внимание на свободе ребенка и его родителей (законных опекунов) обеспечивать религиозное и нравственное воспитание ребенка в соответствии с убеждениями по их выбору.

Некоторые нормы законов СССР и РСФСР 1990 г. дублируют друг друга по вполне понятным причинам. В них реализовалась практика предыдущих десятилетий истории страны, когда республиканские законы и кодексы практически не отличались от

общесоюзных актов. Статьи, запрещающие указывать в официальных документах религиозную принадлежность лица, весьма сходны. Однако Закон СССР несколько расширил данную норму, предоставив гражданину делать это по его желанию (ст. 4 Закона СССР).

Регулирование статуса и деятельности религиозных объединений. В Законе СССР не дается понятия религиозного объединения, а говорится только о его задачах и видах (ст. 7–11 Закона СССР). Статья 17 Закона РСФСР определяет религиозное объединение как «добровольное объединение совершеннолетних граждан, образованное в целях совместного осуществления права граждан на свободу вероисповеданий, в том числе для совместного исповедания и распространения веры».

Закон РСФСР 1990 г. закрепил новые реалии статуса и рамки деятельности религиозных объединений, отменив множество запретов и ограничений, существовавших в течение всего советского периода. Впервые за 70 лет религиозные организации получили права юридического лица, которых они были лишены Декретом 1918 года. Права ограниченного юридического лица, зарегистрированные объединения верующих получили в 1975 г. благодаря изменениям, внесенным в Постановление 1929 года [4, с. 88–91].

В Законе 1990 г. уже нет упоминания о «двадцатке» как минимальном количестве членов религиозного объединения, претендующего на регистрацию [10]. Согласно статье 18 Закона РСФСР правами юридического лица могут пользоваться сообщества верующих не менее чем из десяти человек.

По новому закону граждане и религиозные объединения получили возможность беспрепятственно проводить богослужения, обряды и церемонии, в том числе на кладбищах, в домах и квартирах граждан (ст. 22 Закона РСФСР). Советское законодательство (ст. 58–61 Постановления 1929 г.) эти мероприятия запрещало или существенно ограничивало. Кроме того, теперь разрешались благотворительная и культурно-просветительная деятельность, а также учреждение религиозными организациями собственных органов и средств массовой информации (ст. 24 Закона РСФСР).

Декларирования равенства религиозных объединений. Закон 1990 г. в определенной мере повторяет норму Декрета 1918 г. о полном равенстве всех религиозных объединений (ст. 10 Закона). Однако известно, что в СССР были установлены ограничения для регистрации некоторых так называемых «изуверских сект», в том числе – иеговистов, пятидесятников, истинно-православных христиан, адвентистов-реформистов, мурашковцев и др. (п. 23 Инструкции 1961 г.). Примечательно, что их перечень оставался открытым, предоставляя возможность правоприменителям произвольно его дополнять.

Отсутствие в новом законе градации религиозных организаций с точки зрения «традиционности» и дифференциации регистрационных отношений с ними стали, по мнению некоторых исследователей, предпосылками «абсолютной религиозной свободы», существовавшей до 1997 года [13]. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., действующий с изменениями и дополнениями [11], усложнил

процедуру регистрации новых религиозных движений, в целом сохранив принципиальные положения в сфере правового регулирования государственно-конфессиональных отношений.

Прогрессивное значение Закона РСФСР 1990 г. заключается в создании нормативной основы для реализации принципов светского государства и свободы вероисповедания: снятии запретов и ограничений для общин и групп верующих, прекращении прямого вмешательства государства в сферу деятельности религиозных объединений. В то же время результатом реализации данного закона стала, как представляется, неограниченная свобода вероисповедания, которая привела к широкому распространению новых религиозных движений и культов, иногда угрожающих духовной безопасности россиян [9].

Литература

1. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. Ст. 240.
2. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР 1990. № 41. Ст. 813.
3. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Ф. 5620. – Оп. 3. – Д. 98. – Л. 72–81.
4. *Дорская А.А.* Правовой режим имущества религиозного назначения в России: история и современность: монография. – СПб.: ЦИТ «Астерион», 2012. – 222 с.
5. *Дроботушенко Е.В.* Русская Православная Церковь и власть в Восточном Забайкалье в советское и постсоветское время: грани взаимодействия // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2016. – Т. 22. – №9. – С. 74–81.
6. *Куницын И.А.* Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. – М.: «Православное дело», 2000. – 464 с.
7. *Молодов О.Б.* Государственно-конфессиональные отношения в СССР на переломном этапе (на материалах областей Европейского Севера) // Социум и власть. – 2015. – №2 (52). – С. 95–99.
8. *Молодов О.Б.* Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»: содержание и значение // История государства и права. – 2016. – №1. – С. 14–19.
9. *Молодов О.Б.* Конфессиональный фактор духовной безопасности России и Беларуси // Армия и общество. – 2013. – №4 (36). – С. 10–16.
10. *Молодов О.Б.* Процедура регистрации православных приходов в 1940е гг. (на материалах архивов Вологодской области) // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – №2. – С. 101–104.
11. Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.09.1997. – № 39. – Ст. 4465.
12. Собрание узаконений РСФСР. – 1929. – №35. – Ст. 353.
13. *Старков О.В.*, История уголовно-правовой борьбы с религиозной преступностью в России от Уголовного уложения 1903 г. / О.В. Старков, Л.Д. Башкатов // История государства и права. – 2001. – №1. – С. 10–14.
14. *Якунин В.Н.* История Самарской епархии: историография проблемы // Карельский научный журнал. – 2014. – №3. – С. 16–23.

УДК 323.2

**ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА:
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ И ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ
IDEOLOGY OF THE RUSSIAN STATE: STRATEGIC
AND OPERATIONAL ASPECTS**

Г.А. Фомин, Ростов-на-Дону, соискатель кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Т.Ю. Пастухов, Ростов-на-Дону, аспирант кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

G.A. Fomin, Rostov-on-Don, candidate of the Department of political science and Ethnopolitics of the South Russian Institute of management-branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration.

T.U. Pastuhov, Rostov-on-Don, postgraduate of the Department of political science and Ethnopolitics of the South Russian Institute of management-branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration.

Аннотация: Статья посвящена поискам идеологии российского государства. Предложенные национальные идеи не стали консолидирующей идеологией государства, но подготовили почву в общественном сознании.

Abstract: The article is devoted to the search for the ideology of the Russian state. The proposed national ideas did not become a consolidating ideology of the state, but prepared the ground in the public consciousness.

Ключевые слова: идеология государства, консолидация общества.

Key words: ideology of the state, consolidation of society

Современное российское общество расколото по социальному и ценностному признаку, что грозит процессу солидаризации граждан. Поэтому и является актуальным вопросом поиск объединяющей идеологии, способной восстановить и сохранить традиции общинности, которые еще не окончательно утрачены в России. Но идеология государства может иметь эффект поддержки обществом тогда, когда духовное единение народа происходит по воле общества, а не насаждается властью. Идеология должна лишь способствовать консолидации граждан, создавая условия, выделяя ресурсы и защищая общественное сознание от деструктивного, враждебного влияния. Национальная безопасность России обеспечивается не только восстановлением оборонительных ресурсов, но и путем защиты культурного кода нации от влияния высокопарных, но ложных, теорий,

технологий манипуляции сознанием, методов «мягкой силы», внушающих массам людей идеи собственной неполноценности, стремление к бесконечному потреблению, наживе, что означает порабощение народа в целях разложения государства и тотального его разграбления.

Учитывая место России, которое она заняла в последнее десятилетие в геополитической системе мира, ее духовное, теоретическое наследие, экономические тенденции развития, можно говорить о новом значении идеологии для государства XXI века.

Основным аргументом в пользу данного тезиса необходимо считать наличие в мире альтернативных идеологий. Ни одна из мировых идеологий – ни либерализм, ни консерватизм, ни социализм, официально не провозглашены обязательными и государственными, но от этого некоторые из них не перестают быть канонами, на которых строится государственная политика держав. В глобальной конкуренции раздел сфер влияния в мире также строится с опорой на ментальные ресурсы, которые дает идеология.

Для России актуальной задачей является солидаризация разобщенного народа на основе общенациональной идеи, что прекрасно осознает власть, поэтому и не прекращаются попытки формулирования мировоззрения, способного найти общие точки согласия для слоев общества с разными интересами. Необходимо отметить, что на этом пути имеются действительные успехи. Такими событиями, объединившими общество, стали: проведение акции «Бессмертный полк» в День Победы, побудившей миллионы людей, которые были уже на пути манкуртизма, обратиться к своим славным предкам и почувствовать благодарность дедам и прадедам, что ценой своих жизней отстояли будущее для нас, их потомков. Несмотря на шквал внешних санкций и негатива, подавляющее большинство граждан приветствует возвращение Крыма в состав России, что, безусловно, стало для людей символом продолжения деяний предков по «собираанию земель русских», компенсацией тех территориальных потерь, что понесла страна в 90-е годы реформ.

Еще одним консолидирующим потенциалом обладает идеология государства, ставящая своей целью обеспечение его национальной безопасности. Для системного обеспечения достижения этой важной цели, дающей возможность российскому государству успешно развиваться, необходима разработка идеологического базиса, способного оформить устойчивую систему ценностей, которые разделяет большинство граждан. Безусловно, безопасность государства является жизненной ценностью для граждан России, поэтому задачей национальной элиты является разработка теоретического, идеологического обоснования политики обеспечения безопасности государства и механизмов по ее воплощению, в том числе операционального, пошагового инструментария. Необходимо избежать ошибок прошлого, такой идеологический базис, будучи основой политики, должен иметь гибкий инструментарий реагирования системы на постоянно изменяющиеся входящие факторы.

Отсутствие такого плана-цели развития страны в контексте защиты ее безопасности создает риски преемственности курса власти и развития страны, создает почву для раскола в

среде властвующей и принимающей политические решения элиты [1]. Наличие идеологии государства позволяет ставить перед обществом и государственными органами четкие, выверенные научные цели, формулировать адекватные обстановке задачи, определять операциональные критерии оценки результатов решения задач.

В XX веке была сделана попытка объявить наступление эпохи конца идеологии, появились концепции «конца истории» и другие, о чем мы писали в предыдущих параграфах. Но в начале XXI века ученым и политикам пришлось признать, что деидеологизация оказалась лишь политической спекуляцией или, в лучшем случае, желаемой утопией. Начался всеобщий всплеск идеологизации практически всех сфер жизнедеятельности обществ. Причиной такого поворота стали новые геополитические войны, а по своей сути, глобально-идеологические войны за передел мира, передел сфер влияния. Появилось определение новой формы войны как информационной, где полем битвы стало общественное сознание. А это и есть поле идеологии, всегда им было. Выковалось новое, эффективное, оружие – новая идеология западнизма на основе либерализма и неолиберализма, консерватизма и неоконсерватизма, атлантизма, и, как особое направление – американизма, пропагандирующего ложное мессианство – насильственную «демократизацию» мира.

В изменившихся условиях российскому управляющему слою, заинтересованному в сохранении и развитии страны, необходима стратегически новая идеология, поостренная на опережающих целях, которые могли бы сплотить общество и дать ему направляющие ориентиры. В основу реализации такой идеологии должны быть положены конструктивные созидательные действия, способные изменить жизнь граждан в лучшую сторону [2].

Если до последнего времени российский истеблишмент, пытаясь искусственно создать национальную идею то путем обозначения цели развития как построения «суверенной демократии», то ставя цели модернизации с инновациями, не получали отклика у масс народа по разным причинам (в том числе из-за масштабной коррупции в среде высших чиновников), то национальная идея сама пришла из народа, как и должно быть. И такая идея заложена в идеологии консолидации российского общества.

Необходимо признать существование плюрализма мнений по поводу идеологии государства в экспертных кругах, в том числе, среди тех, кто влияет на государственную политику. Препятствия в ее принятии обусловлены очевидной тенденцией любой идеологии к проникновению во все сферы жизнедеятельности общества и контролю за ними. Но также существует и возможность для нашего общества существования «фантомной» памяти о коммунистической идеологии тоталитарного характера в советские времена. Перед российской элитой стоит сложная задача: уйти от ценностного вакуума 90-х, одновременно избежав навязывания обществу единственной и верной идеологии.

Дальнейший путь развития России в контексте идеологии обеспечения ее безопасности до сих пор в научной среде обсуждается с разных позиций. Кто-то считает, что в стране должен быть полный плюрализм идеологий и свобода выражения своих

идеологических пристрастий, даже если субъекты не рассматривают их как идеологические [3, 4, 5]. Именно такое разнообразие и есть демократия, считает А. Рубцов: «В реальной жизни люди по-разному думают о том, в чем состоит общественное благо, что является главной ценностью жизни. Одни превыше всего ценят личную свободу, другие – равенство и социальную справедливость, третьи – величие и мощь собственного государства, четвертые – верность традициям и национальным святыням и т.д. Мудрость власти в том, чтобы дать проявиться всем им, не позволяя ни одной из них возобладать над остальными. Только такая власть может считаться демократической» [6, с. 31].

Другие ученые настаивают на том, что плюрализм идеологий должен иметь свои пределы, не выходя за пределы дискуссий и споров, так как если государство не имеет четких принципов своего развития, то оно обречено на хаос, гражданские войны, разбалансировку социально-политической системы, нестабильность жизни общества, а это и есть подрыв национальной безопасности государства. При этом эта часть ученых обоснованно настаивает на социокультурном опыте российского народа как источнике формирования идеологии государства, с чем согласен автор данной работы. Идеология государства, ее базовые ценности как ценности нации, не могут быть искусственно созданы профессиональными идеологами или заимствованы из чужой культуры, что уже подтверждено неудачами ее поиска последних десятилетий [7, 8, 9].

Существует и такое мнение, что инициатива в выработке идеологии должна принадлежать государству, так как народ как аморфная масса не способен к ее формулировке, интеллектуальная элита страны разобщена и не осознала еще своей общественной функции, поэтому государство нормативным образом должно довести идеологию до общественного сознания [10].

Противники таких взглядов оперируют аргументами о конституционном запрете на государственную идеологию и провозглашенных принципах идейного и политического плюрализма [11, 6].

С аргументами последних нельзя не согласиться. Поэтому мы настаиваем на идеологическом плюрализме, при котором государство выступает равноправным субъектом, при этом, учитывая разнообразные интересы, их позитивный, конструктивный потенциал, вырабатывает идеологию общественного согласия и механизмы ее реализации. Такая концепция идеологии государства подтверждает ответственность власти за формирование общественных целей развития страны, в том числе по задаче занятия ею достойного места в международной системе государств. Уделяя необходимое внимание образованию населения, вопросам преемственности поколений, формирования гражданского общества, обеспечению безопасности жизни и благосостояния людей, государство в лице общества приобретает союзника и партнера, готового поддержать власть в ее политических решениях.

К.Г. Юнг, швейцарский психиатр, в своей книге «Современный человек в поисках души» пишет: «Великие новшества никогда не являются сверху, они всегда развиваются снизу вверх, подобно деревьям, которые не растут вниз кронами. Но истинно и то, что

семена падают сверху» [9, с. 109]. Интеллектуальные поиски национальной консолидирующей идеи, которые предпринимала власть, начиная с 2000-х годов, не оказались успешными. Ни «суверенная демократия», ни «модернизация страны», ни государственные программы по воспитанию патриотизма не имели успеха, не стали общенациональной целью, которая придала бы смыслы и цели общественной жизни. Но семена падали на благоприятную почву, остались в общественном сознании. И проросли в движении солидарности всех россиян, проявившемся в Бессмертном полку, возвращении Крыма, успехах России и даже ее неудачах в Чемпионате мира по футболу в 2018 году, проходившем в России.

Устранение и отстранение государства от идеологической деятельности в 90-х годах XX века привел к вакууму, который незамедлительно был заполнен идеологией, отражавшей узкокорпоративные интересы административных и финансовых элит, групп давления и пр. [4, с. 13]. Возвращение государства в идеологическое пространство не гарантирует того, что интересы этих групп не будут представлены в идеологии, но государственной власти по своему назначению невозможно, и даже опасно игнорировать интересы большинства граждан, населения, что чревато национальной катастрофой.

Функционально идеология государства стремится к систематизации ценностей разных социальных слоев населения, определяет данным субъектам мир смыслов, цели существования, выводя людей за пределы индивидуального бытия. О движущей силе феномена идеологии как фактора социальной жизни свидетельствует успех большевистской идеологии, давшей миллионам людей смысл их дальнейшей жизни. Коррозия последней и деидеологизация социальной жизни в конце XX века побудил многих людей к поиску других смыслов, в лучшем случае религиозных, в худшем – в национализме, фашизме. Не зря в экстремистских группировках числились в основном молодые люди, для которых жизнь только начиналась, но принять ее бессмысленность они не могли.

Но борьба за умы и души россиян идет на конкурентной основе между множеством других течений и идеологий, одним из самых сильных из которых является рационалистический и вненациональный проект устройства мира на основе так называемых «общечеловеческих ценностей». Как пишет историк Н.А. Нарочницкая, «для других субъектов истории упадок России – это уникальный исторический шанс – овладеть колоссальным потенциалом для исторического рывка, которым станет духовный и иной контроль над денационализированными людскими массами и стратегическими территориями исторического государства российского» [12, с. 143]. Как всегда в истории, за идеологемами «гуманизации» и «демократизации» скрывается банальный корыстный экономический интерес.

Таким образом, анализ политических процессов в современной России показывает, что идеология государства, основанная на идеологическом плюрализме, при котором государство выступает равноправным субъектом, учитывающая разнообразные интересы

групп в их конструктивном потенциале, вырабатывает идеологию общественного согласия как стратегию развития и операциональные инструменты ее реализации. На такой платформе государство в лице общества приобретает союзника и партнера, готового поддержать власть в ее политических решениях. Для России особой привлекательностью обладает идеология, основанная на общих проблемах, таких, как борьба с коррупцией в стране [13], и желаемых состояний, таких, как межнациональное согласие, консолидирующие россиян разных слоев населения, что является залогом обеспечения национальной безопасности государства.

Литература

1. Понеделков А.В., Кузина С.И. Перспективы элит в условиях развития культурной глобализации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Издательство: Астраханский государственный университет. – 2012. - №4. – С. 221-226.
2. Кузнецов В.Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века. М.: Книга и бизнес, 2004. 552 с.
3. Рубцов А.В. Наказание свободой (смысл и перспективы либеральных тенденций в современной России) // Полис. 1995. №6. – С. 7-10.
4. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. №3. С. 11-20.
5. Шилов В.Н. Национальная идея России: методологические аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2001. №3. С. 289-302.
6. Рубцов А.В. Формирование новой Российской идеологии // Свободная мысль-XXI. 2000. №3. – С. 28-41.
7. Бутенко А.П., Кочеткова Л.Н. Идеология в России: проблемы и перспективы // Социально-политический журнал. 1998. №4. С. 234-249.
8. Конституция РФ. Научно-практический комментарий / Под ред. Акад. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 1997. – 716 с.
9. Рубанов В.А. О национальной идее и будущем России // Международная жизнь. 1999. №3. – С. 102-111.
10. Рачков П.А. О смерти и бессмертии идеологии // Вестник Московского Университета. Серия 7. 1999. №2. С. 30-49.
11. Чудинова И.М. Идеология и политика // Социально-гуманитарные знания. 1999. №4. – С. 122-134
12. Нарочницкая Н.А. Современная Россия: православие и либерализм // Обновление России: трудный поиск решений. Выпуск 4. – М.: РНИСиНП, 1996. – С. 143-159.
13. Исакова Ю.И., Кузина С.И. Борьба с коррупцией как средство укрепления правового порядка в современном российском обществе // Правовой порядок и правовые ценности: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции 21-24 сентября 2017 г. Краснодарский край, п. Дивноморское / под ред. д-ра социол. наук, канд. юрид. наук, доц. Ю.И. Исаковой; д-ра юрид.наук, профессора Г.С. Працко. Ростов н/Д, ДГТУ, АО «Книга», 2017. – С. 553-561.

УДК 343.2/.7

**О НЕКОТОРЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШАЕМЫХ МЕДИЦИНСКИМИ
РАБОТНИКАМИ**
**SOME CRIMINAL LAW ASPECTS OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH
COMMITTED BY MEDICAL WORKERS**

*Антонова Р.Р., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.*

*Antonova R.R., graduate student of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry
of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.*

*Аннотация: В статье раскрываются некоторые уголовно-правовые аспекты
преступлений против жизни и здоровья, совершаемых медицинскими работниками.*

*Abstract: The article reveals some criminal law aspects of crimes against life and health
committed by medical workers.*

Ключевые слова: медицинские работники, жизнь, здоровье, уголовные аспекты.

Key words: medical workers, life, health, criminal aspects.

Проблема ответственности медицинского персонала за совершение профессиональных преступлений представляет собой одну из самых сложных проблем уголовного права, поскольку объективная уголовно-правовая оценка противоправных действий медицинских работников затруднена многообразием специфики профессиональной медицинской деятельности.

Уголовные преступления медицинских работников делятся на профессиональные и должностные. Профессиональные правонарушения, не связанные с исполнением должностных обязанностей, относятся в Уголовном кодексе к преступлениям против жизни и здоровья. Эту группу преступлений составляют: незаконное производство аборта, неоказание помощи больному, заражение ВИЧ-инфекцией, умышленное или неосторожное причинение вреда здоровью, причинение смерти по неосторожности, убийство. Должностные преступления характеризуются наличием у субъекта признаков должностного лица. Следовательно, не являются должностными те лица, которые руководят той или иной производственной деятельностью или отдельным участком такой производственной деятельности, осуществляют планирование, поддержание трудовой дисциплины, как например, начальники цехов, заведующие отделами, мастера, а также руководители снабженческих отделов и т.д., то есть выполняют сугубо профессиональные или технические обязанности государственных служащих.

Но, если, медицинские работники, кроме исполнения своих профессиональных обязанностей, наделены также функциями организационно-распорядительного или административно-хозяйственного характера, то они несут ответственность как должностные лица.

Медицинская практика свидетельствует о том, что отступление от общепринятых в медицине правил и способов лечения может приводить к тяжелым последствиям неблагоприятным исходам для здоровья и даже жизни человека. Правильная медицинская и юридическая оценка большинства таких исходов представляет значительные трудности, так как медицинская деятельность лишь в незначительной мере поддается регламентации официальными правилами и инструкциями, которые не могут охватить всего разнообразия действий медицинских работников, тем более применительно к индивидуальным особенностям больного. Все многообразие нарушений и дефектов в профессиональной деятельности медработников можно разделить на следующие группы умышленные преступления, неосторожные действия, врачебные ошибки, несчастные случаи в медицинской практике.

Уголовно наказуемые правонарушения медицинских работников в соответствии со статьями Уголовного кодекса РФ, подразделяются на преступления против жизни и здоровья преступления против здоровья населения и общественной нравственности, экологические преступления, должностные преступления

Профессиональные преступления (умышленные преступления и неосторожные действия) связаны с неправильными действиями медицинского персонала.

Основной критерий юридической оценки неблагоприятных исходов лечения - установление противоправных действий (бездействий) медицинских работников и установление виновности конкретных лиц в таком исходе: "лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

Обязательными элементами объективной и субъективной сторон всякого правонарушения медицинских работников являются, противозаконное (противоправное) действие (бездействие), вред для больного, причинная связь между неправильными действиями (бездействиями) и вредом и, наконец, вина (умысел или неосторожность) в действиях (бездействии) медицинского персонала. Уголовный кодекс указывает на две формы вины умысел и неосторожность: «1. Виновным в преступлении признается лицо совершившее деяние умышленно или по неосторожности. 2. Деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса»[1].

Неблагоприятный исход лечения, связанный с добросовестным заблуждением врача (без элементов небрежности) принято относить к врачебным ошибкам. Термин «врачебная ошибка» употребляется лишь в медицинской практике. Врачебные ошибки делят на несколько групп диагностические, лечебно-тактические, лечебно-химические и

организационные. Причины врачебных ошибок, могут заключаться в недостатке медицинских знаний методов диагностики и лечения.

Вопрос об анализе врачебных ошибок поднял известный русский хирург Н. И. Пирогов, который последовательно и откровенно анализировал свою врачебную работу с присущими ей ошибками, заблуждениями, неудачами. Врачебная ошибка - это ошибочные действия врача по установлению диагноза или лечения больного, обусловленные состоянием медицинской науки на данном этапе ее развития, особыми, неблагоприятно сложившимися условиями либо обстоятельствами оказания медицинской помощи или недостатками врачебного опыта, без предвидения возможности причинения вреда или при уверенности в его предотвращении. Не всегда возможно предвидеть смертельный исход при введении терапевтических доз лекарств из-за повышенной чувствительности организма. Болезнь может протекать скрыто, принимать атипичное течение, возможна также атипичная локализация процесса.

Ошибки в диагностике могут быть результатом несовершенства медицинских знаний отсутствием у врача необходимых диагностических средств, сложностью объективных условий недостатком времени для обследования, бессознательным состоянием больного или его алкогольным опьянением, отказом пациента от обследования или его поздним обращением к врачу, недостаточной подготовкой и малым опытом врача[3].

Для отграничения ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей от врачебных ошибок следует анализировать такие понятия как согласие больного на медицинскую помощь, врачебный риск и крайняя необходимость.

Каждый случай врачебной ошибки подлежит тщательному изучению и обсуждению в медицинском коллективе в целях улучшения лечебно-диагностической работы, так например, при производстве аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля (например, врачом терапевтом, невропатологом или фельдшером), уголовная ответственность для этого лица наступает независимо от иных обстоятельств, при которых выполнена операция. Уголовная ответственность исключается только при наличии крайней необходимости.

Ответственность за неоказание помощи больному регламентирована ст. 124 УК РФ. «Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности смерть, либо причинение вреда здоровью больного». Ответственность наступает только в случае фактического наступления неблагоприятных последствий в виде смерти или вреда здоровью.

Медицинские работники могут привлекаться к ответственности за причинение смерти по неосторожности при незаконном производстве аборта (ст. 123 УК РФ), неоказании помощи больному (ст. 124 УК РФ) и при умышленном причинении вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) [2]. В таких случаях речь идет об ответственности за правонарушения, совершаемые

с двумя формами вины (ст. 27 УК РФ), то есть умышленное преступление сопряжено с причинением смерти по неосторожности.

Ответственность медицинских работников за причинение смерти по неосторожности исключается: 1) если лицо предвидело возможность причинения смерти другому человеку и, не желая этого, предприняло все необходимые, по его мнению, меры для предотвращения наступления смерти, то смерть наступила по не зависящим от него причинам, 2) если лицо не предвидело, не могло и не должно было предвидеть наступление смерти другого человека. В этом случае имеет место случайное причинение смерти.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) // СПС Консультант Плюс
2. Голубовский В.Ю. Проблемы уголовной ответственности за профессиональные преступления медицинских работников. Сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола «Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики». Санкт-Петербург, 2017
3. Медицинское право России: Учебник для бакалавров / Отв. ред. Мохов А.А. - М.:Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015

УДК 343.2/7

**НЕКОТОРЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ
УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ
SOME OF THE CIRCUMSTANCES EXCLUDING CRIMINAL RESPONSIBILITY
OF MEDICAL WORKERS**

*Антонова Р.Р., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.*

*Antonova R.R., graduate student of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry
of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.*

*Аннотация: Статья анализируются некоторые обстоятельства, исключающие
уголовную ответственность медицинских работников.*

*Annotation: The article analyzes some circumstances precluding the criminal responsibility
of medical workers.*

*Ключевые слова: уголовная ответственность; медицинские работники; казус;
неисполнение закона.*

Keywords: criminal liability; medical workers; incident; failure to comply with the law.

Одним из наиболее сложных вопросов уголовного права, является вопрос об оценке деятельности медицинских работников. Для её решения необходимо проведение не только научно-исследовательских работ, но и приложение усилий для внедрения этих работ на практике. История показывает, что любая врачебная ошибка подвергается критике со стороны людей. Так, ещё во времена Ярослава Мудрого, за вред, причиненный лечением, врач нёс ответственность как за умышленное преступление. Уголовное право трактует обстоятельства, исключающие уголовную ответственность медицинских работников, следующим образом «предусмотренные законом основания обязательного и безусловного не привлечения к уголовной ответственности медицинского работника, причинившего вред охраняемым уголовным законом отношениям в связи с осуществлением медицинской деятельности» [1]. Из этих обстоятельств можно вывести обобщающие признаки:

- 1) «это нормативно-описанные фактические ситуации, которые являются внешними по отношению к деянию;
- 2) распространяются на ограниченный круг лиц, то есть медицинских работников;
- 3) исключают уголовную ответственность медицинских работников, которые причинили вред в ходе осуществления медицинской деятельности, т.е. профессиональной деятельности по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональной деятельности,

связанной с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях;

4) обуславливают обязательное и безусловное исключение уголовной ответственности медицинского работника» [2]. К специальным обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность медицинских работников, стоит отнести казус (ст. 28 УК РФ), крайнюю необходимость (ст. 39 УК РФ), обоснованный риск (ст. 41 УК РФ) и исполнение закона. Под казузом в медицинской деятельности понимается фактическую ситуацию, которая исключает уголовную ответственность медицинских работников, в случаях оказания надлежащей или неоказания надлежащей медицинской помощи, которое влечёт за собой причинение вреда жизни или здоровью пациента. Обычно она обуславливается ограниченными возможностями медицинской теории и практики. На практике следует разграничивать добросовестное и надлежащее исполнение медицинской помощи с неблагоприятным исходом от невинного причинения вреда пациенту. Отсутствие или наличие невинного причинения вреда устанавливается, в случаях доказывания фактора, касающегося констатации допущенного дефекта во время оказания необходимой медицинской помощи и прямой связи этого дефекта со смертью или причинением вреда здоровью пациента. Можно выделить следующие виды невинного причинения вреда медицинским работником: 1) «организационная ошибка (ошибки в ведении медицинской документации); 2) асимптомность и атипичность течения заболевания; 3) отсутствие необходимых условий для правильной и своевременной диагностики заболевания; 4) естественные ограничения существующих методов диагностики; 5) отсутствие необходимых условий для правильного и своевременного лечения; 6) естественное ограничение существующих методов лечения; 7) несоответствие психофизиологических качеств медицинского работника требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам» [3]. В осуществлении медицинской деятельности не стоит объединять крайнюю необходимость и медицинскую необходимость. При наличии деструктивных физиологических процессов в организме человека, которые требуют оказания квалифицированной медицинской помощи, возникает медицинская необходимость. Крайняя необходимость же определяется, как регламентированная уголовным либо отраслевым законодательством в сфере здравоохранения фактической ситуации, в которой медицинский работник не подлежит ответственности. Это касается причинения вреда в целях, связанных с предупреждением более тяжёлых последствий для здоровья личности, охраняемых законом интересов общества и государства, в случаях не возможности устранения опасности иными способами. Крайнюю необходимость делят на пять видов: ситуации, которые позволяют проводить необходимое медицинское вмешательство без согласия пациента; ситуации, которые позволяют проводить необходимое медицинское вмешательство, в случаях наличия относительных и абсолютных противопоказаний; ситуации, которые позволяют проводить необходимое медицинское вмешательство, когда существуют нарушения стандартов оказания медицинской помощи; ситуации, которые позволяют врачу отказать в оказании

медицинской помощи; ситуации, которые позволяют врачу принять решение о разглашении медицинской тайны. Существуют условия правомерности крайней необходимости:

1) «наличие реальной опасности для жизни и здоровья личности, охраняемых законом интересов общества и государства;

2) наличие цели устранения такой опасности;

3) невозможность её устранения посредством медицинского вмешательства;

4) фактически реализованное медицинское вмешательство (иные действия) по своим негативным последствиям не должно явно не соответствовать характеру и степени угрожавшей опасности, и обстоятельствам, при которых эта опасность устранялась» [4]. В медицинской деятельности обоснованный риск определяется как регламентированная уголовным или отраслевым законодательством фактическая ситуация, по которой медицинский работник не подлежит уголовной ответственности за причинение вреда при проведении научно обоснованного эксперимента (исследования) или применении новых методов профилактики, диагностики или лечения. Положения нормативного законодательства РФ о здравоохранении, которые предусматривают правомерное причинение вреда здоровью человека, в определённых ситуациях, а также имеют отдельное правовое значение. «Существуют условия правомерности исполнения закона как обстоятельства, которые исключают уголовную ответственность медицинских работников:

1) нормативная регламентация соответствующих фактических ситуаций на уровне Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и принимаемых в соответствии с ним других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации; 2) действительность юридических фактов, связывающих закон с правом на причинение вреда медицинским работником; 3) выполнение причинивших вред действий уполномоченным на то законодательным актом лицо; 4) соблюдение работником необходимых правил, стандартов и ограничений, которые соответствуют данной ситуации и которые закреплены в соответствующих нормативно-правовых актах»[5]. Имея комплексный анализ должной проблемы, юристы предлагают обоснованное дополнение уголовного законодательства общей нормой, которая бы закрепляла исполнение закона, в качестве обстоятельства, которое бы исключало преступность деяния: статья 41.1. Исполнение закона

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действовавшим во исполнение общеобязательного государственного предписания, предусмотренного Конституцией Российской Федерации, федеральным конституционным законом Российской Федерации, федеральным законом Российской Федерации, а равно принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. 2. В предусмотренных законом случаях лицо несет уголовную ответственность на общих основаниях при злоупотреблении правом, превышении

предоставленных полномочий, а равно неисполнении или ненадлежащем исполнении общеобязательного государственного предписания» [6]. В итоге, все обстоятельства, которые были представлены выше и которые исключают уголовную ответственность медицинских работников, подтверждают то, что они связаны с личностью и качествами, физическим и психическим состоянием самого медицинского работника.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018)
// СПС Консультант Плюс

2. Воропаев А.В., Диллис А.Д., Исаев Ю.С. Профессиональная ответственность медицинских работников // Сибирский медицинский журнал. – 2005. – №4.

3. Абрамов А.Л. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность медицинских работников // Общество и право. – 2017. – №2.

4. Абрамов А.Л. О пределах правомерности крайней необходимости в деятельности медицинских работников // Общество и право. – 2015. – №3.

5. Сариев О.М. Крайняя необходимость в медицинской деятельности и условия её правомерности // Вестник Тамбовского университета. – 2014. – №5.

6. Абрамов А.Л. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность медицинских работников // Общество и право. – 2017. – №2.

УДК 343.265.2

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ
И ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ ОСУЖДЕННЫХ
К ОСВОБОЖДЕНИЮ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
SOME ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE COURTS AND PENITENTIARY
INSTITUTIONS FOR THE PREPARATION OF RELEASE FROM PLACES OF
DEPRIVATION OF LIBERTY**

Еременко С.В., магистр Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Eremenko S.V., master of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с деятельностью судов и пенитенциарных учреждений по подготовке осужденных к освобождению из мест лишения свободы.

Annotation: The article addresses a number of issues related to the activities of courts and prisons to prepare convicts for release from detention.

Ключевые слова: освобождение из мест лишения свободы; условно-досрочное освобождение.

Keywords: release from places of deprivation of liberty; parole.

Количество заключенных в России чрезмерно велико, по их численности наша страна занимает второе место в мире (после США), число заключенных в расчете на 100 тысяч населения в среднем в 3 раза выше, чем в других странах с сопоставимым уровнем развития экономики. В местах лишения свободы в настоящее время отбывает наказание свыше полумиллиона человек[1].

Численность осужденных в России снижается гораздо медленнее, чем в соседних странах. Темпы снижения количества заключенных существенно отстают и от темпов падения преступности. Одновременно с этим растет уровень рецидивной преступности среди лиц, ранее отбывавших наказание. На сегодняшний день почти половина обвинительных приговоров выносится в отношении ранее судимых лиц, хотя еще 10 лет назад повторно был осужден лишь каждый четвертый. Это означает, что общий уровень преступности в стране стремительно падает, в то время как среди ранее отбывавших наказание лиц растет доля рецидивистов.

Причем ситуация за последние годы резко ухудшилась, несмотря на колоссальный рост финансирования, которое выросло за 10 лет почти в 6 раз. Тюремная система в нынешнем состоянии как минимум не справляется со своей основной функцией –

исправлением преступников, а по факту способствует окончательному превращению в закоренелых преступников тех, кто все еще мог вернуться к нормальной жизни.

Хотя бы частично исправить этот перекося могла бы судебная система как за счет судебного обжалования неправомερных действий заключенными, так и за счет использования механизмов досрочного освобождения. Однако на сегодняшний день в спорах между заключенными и тюремным ведомством суды все чаще становятся на сторону последнего. Институт досрочного освобождения и вовсе находится в упадке – если 10 лет назад досрочно освобождался каждый второй осужденный, то сейчас – только каждый пятый, причем случается это обычно даже не со второй попытки.

При этом последние несколько лет Верховный суд РФ уделяет данному вопросу повышенное внимание. Его разъяснения призваны не только упорядочивать процесс УДО, но и реально способствовать освобождению тех, кто не опасен для общества. Несмотря на это, правоприменительная практика в судах чаще всего «хромяет». Требования Верховного суда многими судьями соблюдаются лишь формально, зачастую имеет место нарушение прав осужденных на справедливое разбирательство, а иногда в судах и вовсе нарушается закон.

Среди тех, кто сталкивался с практикой рассмотрения дел об условно-досрочном освобождении осужденных, широко распространено мнение о наличии большой коррупционной составляющей, причем как в тюремном ведомстве, где «покупаются» положительные заключения администрации о целесообразности УДО, так и в судах. К сожалению, такие домыслы не всегда беспочвенны.

Ходатайства в суд могут подаваться как самими осужденными через администрацию учреждения, так и их адвокатами. В случае, если ходатайство подает сам осужденный, администрация учреждения сразу же готовит все необходимые материалы для суда. Если же ходатайство заявляет адвокат, делать соответствующие запросы приходится уже суду.

Чаще всего ходатайства заявляются адвокатами, чтобы ускорить процесс рассмотрения (далеко не во всех исправительных учреждениях предусмотренные законом сроки направления ходатайств соблюдаются), а также для создания иных благоприятных условий для рассмотрения дела клиента.

Как правило, коррупционные действия в судах осуществляются именно через адвокатов, поэтому анализ данных по адвокатам-заявителям позволяет выявлять возможные коррупционные связи в судах. Признаками подобных связей может являться чрезвычайно высокий процент удовлетворения ходатайств у одного из адвокатов, чрезмерно большое количество отозванных решений или случаи, когда ходатайства адвокатов чаще всего попадают к одному и тому же судье.

Не опубликование данных об адвокатах может являться признаком сокрытия недопустимых связей между адвокатами и сотрудниками суда.

При рассмотрении дел об УДО осужденные обычно привлекают местных адвокатов. Нередки случаи, когда добросовестные «сторонние» адвокаты отказываются брать за

подобное дело, мотивируя это тем, что в случае присутствия незнакомого судьё адвоката шансы на удовлетворение ходатайства осужденного резко снижаются.

Участие защитника в делах подобной категории обязательно, чаще всего при рассмотрении ходатайства участвует адвокат по назначению. При этом осужденные и их родственники достаточно активно пользуются услугами адвокатов по соглашению – в среднем они заявляют порядка 13-15% ходатайств об УДО[2]. Нередки случаи, когда адвокат по соглашению вступает в дело уже после поступления в суд ходатайства от осужденного.

Рассмотрение материалов об УДО не относится к категории юридически сложных дел. Здесь не требуется запрос и исследование большого количества доказательств, вызов свидетелей, знание законов и юридическая поддержка. Судья при вынесении решения обычно ориентируется на заключение администрации, материалы личного дела и справки, которые удалось собрать родственникам осужденного для подтверждения возможностей его обустройства после освобождения. Несмотря на это, как минимум каждое пятое дело об УДО рассматривается с участием адвоката по соглашению, гонорар которого чаще всего разбит на две части – за участие в процессе и за результат. При этом зачастую адвокаты намекают на то, что могут повлиять на решение судьи. Являются ли подобные заявления мошенническими или действительно имеет место коррупция, выяснить не представляется возможным. Тем не менее, в ходе исследования выло выявлено несколько случаев, когда деятельность адвокатов носила сомнительный характер.

Отдельной проблемой остается вопрос обоснованности наложения дисциплинарных взысканий на осужденных, поскольку наличие взысканий является важнейшим доводом при принятии судом решения об условно-досрочном освобождении осужденного.

В новой редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 года №8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» четко обозначена позиция Верховного суда о том, что «при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания суд не вправе высказывать суждение о незаконности и необоснованности примененных к осужденному взысканий и поощрений».

Таким образом, наложенные взыскания должны оспариваться в ином порядке – с привлечением органов прокуратуры или в судебном порядке в отдельном производстве. Однако, как показывает практика, обжаловать наложенное взыскание осужденному крайне сложно. Проблемы начинаются уже с того, что осужденным и их представителям структуры ФСИН России зачастую отказывают в получении на руки постановления о наложении взыскания.

Еще менее понятной практика обжалования взысканий стала после введения в действие «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ. В некоторых случаях суды указывают на необходимость обжалования

взыскания административным иском заявлением. С учетом того, что новый закон действует лишь недавно, практика судопроизводства еще не сложилась.

В тоже время не может не радовать то, что ситуация в части повышения прозрачности деятельности судов явно улучшается. В том числе достаточно эффективна работа системы ГАС «Правосудие», где публикуется информация о решениях судов, которая и позволила провести данное исследование[2].

Однако и в ней существуют наиболее типичные ошибки, встречающиеся в ГАС «Правосудие»:

- В некоторых материалах не указан судья;
- Несвоевременно вносится информация о дате поступления материала, несвоевременно вносится информация о принятом решении на официальном сайте суда общей юрисдикции;
- В некоторых рассмотренных материалах не указано решение;
- Сомнительные данные о сроках рассмотрения, в некоторых случаях дата решения указана раньше даты поступления, по некоторым делам срок между датой поступления и датой рассмотрения составляет менее 10 дней, т.е. меньше предусмотренного для уведомления сторон о дате суда;
- Сомнительные данные о дате регистрации – например, 2-3 раза в неделю, возможно нарушение регламента регистрации дел;
- В некоторых судах перед датой поступления и рассмотрения материала ставится пробел, что усложняет автоматическую обработку, есть вероятность намеренного усложнения обработки данных для внешних пользователей;
- В некоторых судах не вносятся данные об адвокатах-заявителях, иногда фамилии адвокатов сокращаются до инициалов;
- В некоторых судах крайне низка доля участия адвокатов в качестве заявителей, возможен неформальный запрет на прием ходатайств от адвокатов либо нарушения при внесении данных;
- Используются непонятные сокращения (в полях «заявитель» и «лица»);
- Тексты решений чаще всего не публикуются в нарушение Постановления Президиума Совета судей РФ от 27.01.2011 N 253[2].

Можно сделать определенный вывод о том что, ситуация с рассмотрением ходатайств осужденных прозрачна, но не во всех судах. Отсутствие текстов постановлений не позволяет проверить соблюдение требований при вынесении решений, однако имеющаяся информация позволяет выявить некоторые нарушения регламентов при рассмотрении иных материалов, например, таких как ходатайство.

Литература

1. Статистические данные URL: http://crimestat.ru/world_ranking_convicted
2. Практика рассмотрения ходатайств о досрочном освобождении осужденных в российских судах [Электронный ресурс] // URL: http://i-pso.ru/2016/04/06/otchet_sud_udo/

УДК 343.28/.29

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА
ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
SOME QUESTIONS OF FORMATION OF THE INSTITUTE OF RELEASE
FROM PUNISHMENT**

Еременко С.В., магистр Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Eremenko S.V., master of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье анализируется ряд вопросов, связанных с процессом становления и развития попыток законодательного закрепления освобождения от отбывания наказания.

Annotation: The article deals with a number of issues related to the process of formation and development of attempts to legislate the release from punishment.

Ключевые слова: освобождение от отбывания наказания; Судебник Казимира 1468 г.; Статут 1588 г.; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Устав о наказаниях 1864 г.

Keywords: release from punishment; Sudebnik Casimir 1468; Statute 1588; Regulations on penalties for criminal and correctional 1845; Statute of penalties, 1864.

В ходе изучения нормативных актов исторического прошлого русского народа становится очевидным, что предпосылки законодательного закрепления оснований освобождения от уголовной ответственности появились задолго до момента вступления в действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, крепления самих таких оснований в законе и до продвижения и об освобождении от уголовной ответственности в российской науке уголовного права Н.С. Таганцевым, А.Ф. Кистяковским и др.

Первоначальным источником уголовного права был обычай, а первыми законодательными актами великого княжества Литовского (далее ВКЛ) стали областные, общеземские грамоты и привилегии. Они содержат нормы, касающиеся только определенных преступлений, причем иногда за них не определено даже наказание, не говоря уже о закреплении норм, предусматривающих смягчение ответственности или освобождение от нее. В обычном праве основной целью наказания считалось возмещение причиненного преступлением вреда путем денежной компенсации. Вознаграждение за вред и убытки заменяло само наказание. Не было такого тяжкого преступления против частного лица, которое бы не допускало возможности от него откупиться, и в то же время не было такого преступления, за которое лицо могло быть просто освобождено от наказания.

Судебник Казимира 1468 г. - первый кодифицированный источник уголовного права ВКЛ — запрещал освобождать преступника от наказания. Прямой запрет освобождения преступника от наказания устанавливается в ст. 12. «А кому татя (злодея, вора) выдадут, а тот не всхочет его казнити, а усхочет на нем заплату побрати, а его пустити, а любо его себе в неволю взяти, а на то будеть довод: тот уже из права выступаете и нам и с паны-радою нашею Вел. кн. Лит. о том погадав, как его казнити, а исказнити его, чого будеть достоин. А над злодеем милости не надобе»[1]. Данная норма, на наш взгляд, является следствием усвоения общегосударственной властью новой системы наказаний, которая постепенно устанавливает размеры платежей в свою пользу, а целями наказания помимо возмездия становятся предупреждение и устрашение потенциальных преступников. О постепенном перемещении наказания из сферы частного интереса в публичную сферу свидетельствует также содержание ст. 14,17,19, где речь идет не о возмещении вреда потерпевшему, а уже исключительно об уплате штрафа (в ст. 19 — об уплате участком земли) в случае совершения кражи впервые.

Тем не менее, в Судебнике Казимира все еще широко используется денежная компенсация в целях частного удовлетворения потерпевшего. «Ино перво заплати истцю, а потом господарь татя того вину свою бери» (ст. 3). Уплату вознаграждения за обиду в пользу потерпевшего, которая предусмотрена в ряде статей, в целом следует рассматривать не в качестве основания освобождения от наказания (которое постепенно становится публичным), а как одну из альтернативных уголовно-правовых санкций. Например в ст. 1 Судебника Казимира предусматривается денежная компенсация потерпевшему одновременно с отправлением виновного в краже на виселицу, в ст. 2, 8 речь идет о необходимости одновременного возвращения украденного и уплате денежной компенсации[1].

Итак, общими чертами источников этого периода являются: нечеткое разграничение частного и публичного интереса, слияние имущественной ответственности в пользу потерпевшего с уголовно-правовыми санкциями. Определенная роль все еще отводилась мести со стороны потерпевшего и его родственников по принципу талиона, как способу реакции на правонарушение, но ответственность рассматривается не только с точки зрения частных интересов, но уже и общих. С учетом этих обстоятельств понятно, что в Судебнике Казимира нет места для института освобождения от уголовной ответственности, обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность. Поэтому едва ли можно согласиться с мнением, что деятельное раскаяние (которое является основанием освобождения от уголовной ответственности) представляет собой «один из наиболее «старых» институтов уголовного права».

Влияние известных социально-экономических, политических и правовых условий обусловило неизбежность кодификации феодального права ВКЛ в XVI в. (Статуты 1529,1566 и 1588 гг.) и определило его основные черты. При феодализме, в эпоху, когда деньги и производство только начинают развиваться, наблюдается резкий рост числа телесных

наказаний — ведь для большинства людей тело является единственной собственностью, имеющейся в их распоряжении. По мере того как понятия о преступлении как общественном зле и наказании как мере общественной безопасности развивались и крепились, применение имущественных выплат в пользу потерпевшего, или системы выкупов, все более сокращалось. Анализ норм Статута 1529 г. позволяет сделать вывод, что интересы потерпевшего имеют определенное значение, однако эти интересы при определении наказания все более замещаются интересами государства.

В ст. 3, 4 и 16 раздела седьмого буквально говорится об освобождении от наказания. «Если бы насильник, убив кого-нибудь, Жал из страны...», а «потом вернулся, и кто-нибудь его убил, то Убивший не должен платить годовщину и штраф». «Если хозяин находясь в доме и защищая свой дом, убьет или ранит в своем доме этого насильника или кого-нибудь из его сообщников», то он не только освобождался от уплаты за убийство и за раны, но имел право «истребовать с этих раненых уплату за нападение в размере двенадцати рублей грошей». «...Если окажется, что он совершил... убийство, защищая свою жизнь, когда на него напал убитый, то он освобождается от уплаты штрафа и годовщины»[1]. Однако указанные нормативные предписания не относятся к институту освобождения от уголовной ответственности, т.к., по сути, закрепляют обстоятельства, исключающие преступность деяния: необходимая оборона, выполнение общественного долга.

Появление условий для зарождения капиталистических отношений, распространение идей гуманизма повлекло за собой новые идеи и в уголовном праве, дальнейшее развитие которого шло по пути экономии уголовной репрессии. Постепенное вытеснение интересов потерпевшего интересами государства, как отмечалось выше, инициировало необходимость смягчения ответственности, а также освобождения виновного от уголовной ответственности при определенных обстоятельствах. Поэтому в Статуте 1588 г. увеличивается количество норм, предусматривающих возможность, в первую очередь, смягчения уголовной ответственности и в исключительных случаях освобождения от уголовной ответственности с учетом просьбы потерпевшего, особенностей совершенного преступления, необходимости, полезности, эффективности наказания. В Статуте 1588 г. закрепляются положения, согласно которым при наличии определенных условий отпадает необходимость применять наказание, и оно может быть отменено (полностью или частично). Так, в ст. 101 раздела 4 о судьях и о судах указывалось: «...ведь же каждый вряд наш согласно доброму уважению и христианскому поведению склонным должен быть к отпущению таких штрафов, чем к их взысканию, особенно сиротам бедным...»[2]. В случаях окончания сроков давности, помилования, примирения с потерпевшим, выкупа от наказания виновный также мог быть освобожден от уголовной ответственности. Особый интерес представляют нормы, предусматривающие примирение с потерпевшим, как возможность освобождения от уголовной ответственности, не только в отношении преступлений, наказываемых штрафом или денежной компенсацией в пользу потерпевшего, но и за тяжкие преступления, караемые смертной казнью, например изнасилование в ст. 12 раздела одиннадцатого («А если бы она

полагала выйти за него замуж, на то будет ее воля»)[2]. Это свидетельствует о появлении законодательных предпосылок закрепления норм об освобождении от уголовной ответственности за конкретные преступления, ныне предусмотренных в Особенной части УК.

В первой половине XIX в. освобождение от наказания было регламентировано в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [3]. Причинами отмены наказания являлись: 1) неизлечимая болезнь преступника, его смерть; 2) примирение с обиженным; 3) давность; 4) помилование [4]. В случае примирения с обиженным право прощения вины распространялось не только на период до вынесения приговора или до вступления его в законную силу, но и до самого исполнения приговора (ст. 160).

В 1864 г. утвержден Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [5], где в ст. 22 закреплялись следующие виды освобождения от наказания: за смертью осужденного, вследствие примирения с обиженным в указанных законом случаях и за давностью [5].

Исходя из вышеизложенного, рассмотрев некоторые вопросы становления института освобождения от отбывания наказания, можно сделать определенные выводы о том что, несмотря на закрепление целого перечня норм, предусматривающих возможность не наказывать виновных в конкретных случаях, не следует утверждать, что в Статуте 1588 г. сформировался институт освобождения от уголовной ответственности наказания. Их закрепление является результатом постепенной гуманизации жестокого по своей сути феодального права, в котором имели место несправедливые и бессмысленные наказания. Сначала имущественные наказания, штрафы, потом основания смягчения наказания и в исключительных случаях основания освобождения от уголовной ответственности выступали в качестве средств экономии уголовной репрессии, факторами гуманизации уголовного законодательства.

Литература

1. Судебник Великого Князя Казимира Ягайловича (текст давньоруською мовою) [Электронный ресурс] // URL: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/monograf/33/7.pdf>
2. Статут 1588 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/statuty-vyalikagaknyastva-lito-skaga/statut-1588-goda/>
3. Российское законодательство X-XX веков; под общ. ред. О.И. Чистякова: в 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века; отв. ред. тома О.И. Чистяков. - М., 1988.
4. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. - Т. 1. - Вып. 1. - СПб., 1863. - С. 425.
5. Российское законодательство X-XX веков; под общ. ред. О.И. Чистякова: в 9 т. Т. 8. Судебная реформа; отв. ред. тома Б.В. Виленский - М., 1991.

УДК 343.9

**ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВ
УБИЙСТВА, СОВЕРШЁННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ
VICTIMOLOGICAL CHARACTERISTICS OF VICTIMS OF MURDER
COMMITTED WITH SPECIAL CRUELTY**

Зиновец Х.С., магистр Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Zinovets Kh.S., master of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье анализируется комплекс вопросов связанных с криминологической характеристикой виктимного поведения жертв убийства, совершённого с особой жестокостью.

Annotation: The article analyzes a set of issues related to the criminological characteristics of the victimization behavior of victims of murder committed with particular cruelty.

Ключевые слова: жертва преступления, виктимологическая характеристика жертв преступлений, криминологическая характеристика виктимного поведения, характеристика жертв убийства, совершённого с особой жестокостью.

Keywords: victim of crime, victimological characteristics of crime victims, criminological characteristics of victimization behavior, characteristics of victims of murder committed with particular cruelty.

Криминологическая характеристика виктимного поведения играет важную роль в процессе изучения жертв преступлений, в том числе и жертв убийства, совершенного с особой жестокостью.

Как показывает судебно-следственная практика по интересующему нас составу, эти преступления в своем подавляющем большинстве представляют собой системное образование, являющееся результатом взаимодействия преступника, осуществляющего противоправное деяние жертвы, её поведения предшествующего преступлению, либо поведения входе его совершения, взаимоотношений между убийцей и жертвой, возникающих задолго до начала преступного деяния либо непосредственно предшествующих преступлению.

Поведение потерпевших от данного вида преступлений может лежать в промежутке от провокационного до абсолютно правомерного.

Практически любой человек может стать жертвой убийства с особой жестокостью, и тем более, когда поведение убийцы подчиняется не обычной, а «больной» логике, причем

такая вероятность выше в регионах (городах), где высокий уровень насилия[2 С. 15].

Прежде всего, следует сказать о том, что в более чем 80 % случаях совершения убийств с особой жестокостью жертвы были ранее знакомы с убийцей, а около 10 % из них находились в отношениях родства, 30 % в фактических брачных и юридических отношениях. Говоря о знакомстве, следует иметь в виду, что в подавляющем большинстве убийцы и их жертвы хорошо знали друг друга. Основную возрастную категорию потерпевших (более 75 %) составляют лица в возрасте 18-50 лет, т.е. наиболее социально активная часть населения. В среднем каждый потерпевший старше своего убийцы.

Уровень образования потерпевших в целом соответствует образованности убийц, т.е. довольно низкий. Наличие высшего и специального образования, которое иногда встречается у жертв подобных преступлений, практически всегда характерно для тех случаев, когда убийца и его жертва ранее не были знакомы друг с другом. Как справедливо замечает Г.И. Чечель «уровень культуры выражается не столько в уровне образования, сколько в уровне воспитанности, в формах проведения досуга, социально политической активности, производственной деятельности, духовной потребности и т.п.»[3]. Тем более, что за последнее время многие образованные люди в нашей стране, потеряли работу, «выбитые из привычной колеи», не справившись с этим и многими другими проблемами, переменами опустили на низшие ступени социальной лестницы. Но, тем не менее, образование остается чуть ли не единственным критерием, по которому можно косвенно судить о культурном уровне потерпевшего, изучая уголовное дело.

Еще одним критерием, характеризующим личность потерпевшего, является место работы, вид и постоянство осуществляемой потерпевшим трудовой деятельности. Естественно, при колоссальных размерах безработных судить по нему о личности можно со значительной долей условности. Тем не менее около четверти всех потерпевших не работали, 30 % осуществляли не квалифицированную трудовую деятельность, 35 % квалифицированный труд, остальная доля потерпевших приходится на учащихся. Из работавших, многие постоянно переходили с одного места работы на другое, не уживаясь в коллективе и имели отрицательную характеристику. Значительная доля потерпевших в момент совершения преступления находилась в состоянии алкогольного опьянения, причем часть из них (по некоторым данным от 40 до 80 %) употребляла спиртное именно с убийцей.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении характеристик жертв убийств с особой жестокостью оказывается, что большинство их практически ничем не отличается от данных, полученных в ходе исследования личности преступника, т.е. «портреты» убийц и их жертв имеют много общего[1]. Изучение же межличностных отношений показывает, что индивид предпочитает общаться с теми людьми, чье отношение, поведение, воспитание, образ жизни и мировоззрение соответствует его собственному миропониманию, его образу жизни, поведению. В этом процессе немаловажную роль играет референтная группа, т.е. группа, с которой индивид чувствует себя связанным, и в которой он черпает нормы, ценности,

интересы, установки для своего поведения и которая чаще всего включает в себя и жертву, и убийцу, задолго до преступления, связывая их друг с другом. И здесь как убийц, так и основную часть их жертв, характеризует узкий круг духовных интересов и запросов, отличающихся бедностью и примитивностью. Они менее всего сдержаны в низменных желаниях, потребностях, стремлениях, которые порой сталкиваются, приводя к преступлению.

Если говорить о морально-психологических и социальных характеристиках жертвы, то, прежде всего они способствуют возникновению отношений, контактам с той социальной группой, в которую входит большинство и убийц и самих жертв. Эти же характеристики во многом определяют характер отношений и поведение потерпевших, которое играет весьма определенную роль в причинности совершения этих преступлений[4 С. 165].

Об отношениях, связывающих преступника и жертву, можно сказать, что в основном это либо совместное проживание в силу родства, сожительства (юридического брака), а также совместное проведение досуга в виде употребления спиртного.

Характер подобных связей неизменно приводит к различным конфликтам между их участниками. Особенности же личности убийц и их жертв, их неспособность в основной массе случаев разрешать эти конфликты цивилизованными средствами, то, что чаще всего в этот момент и потерпевший и преступник находятся в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения, конечно же не способствующее самоконтролю и приводят к кровавым драмам.

Формы поведения потерпевшего в период предшествующий и сопровождающий убийство с особой жестокостью довольно разнообразны. Примечательно то, что более чем в 60 % случаев совершения убийств с особой жестокостью, поведение жертв напрямую связано с произошедшим преступлением, криминально значимо. Сюда следует отнести аморальное, провоцирующее и преступное поведение жертв, т.е. имеется определенная вина жертвы в совершенном, но вина не в правовом, а в нравственном и психологическом аспектах.

Так же криминологически значимым является и неосмотрительное поведение жертвы, когда преступление стало возможным в силу таких её действий, которые при обычной степени осторожности, при адекватной оценке складывающейся ситуации лицо не совершило бы. Степень неосмотрительности поведения чаще всего усугубляется алкогольным опьянением, либо наркотическим.

Значимой категорией участников данного преступления являются лица с психическими расстройствами, которые, как отмечалось ранее, убивают не редко, но подобные же лица способны стать и жертвами.

Это можно объяснить тем, что данная категория лиц является очень доверчивой и в всегда может реально оценить происходящее. Сам факт наличия психических аномалий существенно препятствует должной социализации личности, ее нравственному воспитанию,

формированию у человека необходимой сдержанности и обдуманности поступков. Это справедливо как для жертв, так и убийц, совершающих убийства с особой жестокостью.

При изучении данного состава преступления крайне важно уделять особое внимание как личности субъекта убийства с особой жестокостью, так и личности их жертв, недооценка роли которых приводит к решению лишь одной задачи уголовного права –наказания преступника, превентивные же цели уголовного права не достигаются.

Литература

1. Алауханов Е.О. Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений. – СПб., 2005.
2. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. – М., 1961.
3. Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступления против личности. – Ставрополь. 1994.
4. Шостакович Б.В. Судебная психиатрия. – М., 1997.

УДК 343.611.1

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ
УБИЙСТВА, СОВЕРШЁННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ
CRIMINAL LEGAL SIGNIFICANCE OF THE SUBJECTIVE SIGNS
OF MURDER COMMITTED WITH SPECIAL CRUELTY**

Зиновец Х.С., магистр Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Zinovets Kh.S., master of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье анализируются нормы уголовного законодательства по вопросу уголовно-правовой характеристики субъективных признаков убийства, совершенного с особой жестокостью.

Annotation: The article analyzes the norms of criminal legislation on the issue of criminal law characteristics of the subjective signs of murder committed with particular cruelty.

Ключевые слова: убийство, совершенное с особой жестокостью, субъективная сторона убийства, совершенного с особой жестокостью, характеристика состава преступления.

Keywords: murder committed with particular cruelty, the subjective side of murder committed with particular cruelty, characterization of the crime.

Вопрос о субъективной стороне убийства, совершённого с особой жестокостью, является наиболее интересным и вызывающим наибольшее количество противоречивых мнений, как среди учёных-теоретиков, так и практических работников. Отчасти это подтверждается тем, что наибольшее количество публикаций, посвященное данному составу в периодической печати, либо специально посвящено именно субъективной стороне, либо основная их часть касалась вопроса о субъективной стороне убийства с особой жестокостью.

Как указывает С.В. Бородин «... признание убийства, совершенным с особой жестокостью, без выявления субъективного отношения виновного к данному обстоятельству, обязательно приведет к неправильному применению п. «г», ст. 102 УК РСФСР» (п. «д» ст. 105 УКРФ)[2]. Практические ошибки, большей частью объясняются именно тем, что конкретные признаки, которые могут свидетельствовать об особой жестокости и которые перечисляются в Постановлении Верховного Суда РФ, суды зачастую воспринимают сами по себе.

Некоторую сложность определение субъективной стороны придает тот факт, что данное деяние включает в себя как бы два элемента, необходимо дополняющих друг друга

само убийство и особую жестокость. Всё вышеперечисленное, очевидно, и приводит к отсутствию единства в определении субъективной стороны этого преступления, плюс – множество различающихся между собой признаков, по наличию которых следует судить о характере преступления в целом.

М.К. Анианц считает, что «специальная цель причинить особые мучения не является обязательным признаком данного вида убийства и, что возможны случаи, когда преступник, не ставя перед собой цели причинить особые мучения своей жертве, выбирает особенно мучительный способ убийства потому, что считает его наиболее легким для себя (например, отравление медленно действующим ядом) или такой, который может запутать следствие, либо по иной причине»[1 С. 58].

Если же использовать уголовно правовое понимание умысла, то получается, что определение с умыслом, направленным на совершение убийства с особой жестокостью, следует понимать, как виновный желает, либо сознательно допускает причинение смерти потерпевшему с особой жестокостью, т.е., совершая умышленные действия, приводящие в смерти, он желает совершить, либо сознательно допускает, что это делается способом, который заведомо (несомненно) связан с причинением потерпевшему особых страданий.

Следует разобраться не только с волевым и интеллектуальным моментом относительно всего убийства, но и какой вид умысла возможен, применительно к самому убийству и, проявляемой при этом особой жестокости. Сардеев К. высказал мнение, что «сама постановка вопроса в виде умысла в отношении особой жестокости при умышленном убийстве, неправильна. По его мнению, умысел предполагает, что виновный сознает все фактические обстоятельства деяния, характер своих действий и их последствия, а выделять отдельные виды умысла в отношении каких-либо фактических обстоятельств, в том числе и способа совершения преступления, особо жестокого характера действий неверно. Для квалификации по п. «д» ст. 105 УК РФ достаточно установить, что виновный сознавал, что он совершает убийство с особой жестокостью»[4 С. 31].

Абсолютное большинство убийств с особой жестокостью признаются судами таковыми по признаку причинения смерти путем нанесения большого количества телесных повреждений. Данный признак является весьма, если не самым сложным объективным признаком данного преступления.

Неслучайно ещё М.Д. Шаргородский замечал, что «признак наличия особой жестокости не может быть выведен только из объективных обстоятельств, имевших место при убийстве и, в частности, количество и само собой не является условием, которое во всех случаях рассматривать как свидетельство совершения убийства с особой жестокостью»[6 С. 517].

М.К. Анианц высказал иную точку зрения, что «умышленное убийство путем нанесения множества ранений вне зависимости от иных объективных и субъективных факторов, должно квалифицироваться как совершенное с особой жестокостью»[1]. Это

мнение не нашло поддержки, и в настоящее время, как показывает теория и практика, верным является, что при совершении убийства вывод о его особо жестоком характере делается лишь с учетом всей совокупности объективных и субъективных обстоятельств преступления, что исключает объективное вменение.

Г.И. Чечель справедливо полагает, что «нанесение большого количества ран, как особо жестокий способ убийства, будет иметь место только тогда, когда кроме непосредственной цели – лишения жизни, в обязательном порядке предусматривается причинения особых мучений или страданий, не являющихся необходимыми для умертвления жертвы», т.е. при убийстве подобным способом преобладает в большинстве случаев прямой умысел и в отношении причинения смерти и в отношении особой жесткости. Г.И. Чечель справедливо указывает, что «если виновный стремится лишить жизни потерпевшего путем нанесения множества ударов, то, значит, он не просто осознает, а желает совершить преступление с особой жестокостью»[5].

С.К. Питерцев обоснованно считает, что является ли верной презумпция, которую кладут в основу признания множественности ран критерием особой жестокости, что нанесение жертве большого количества ран не может не причинить ей особых мучений.

Действительно, можно ли утверждать, что нанесение жертве 20-30 ножевых ранений в область груди и живота, от которых смерть наступает через 1-2 минуты, доставляет ей особые мучения, а нанесение одного ранения, например проникающего ранения брюшины, от которого потерпевший, находясь в сознании, умирает при отсутствии медицинской помощи через несколько часов, не оставляет таковых.

В этом случае необходимо прежде всего исходить из возможности осознания виновным (не говоря уже о желании), что данный способ убийства несомненно связан с особыми страданиями потерпевшего, а возможность осознания должна оцениваться исходя из степени развития, знаний (жизненного опыта) виновного, так же необходимо учитывать характер орудия преступления, локализацию ранений, длительности и периодичности их нанесения[3 С. 307].

Как показывает практика, установление вида умысла относительно особой жестокости при убийстве носит вероятностный характер, особенно без наличия признательных показаний виновного и показаний свидетелей. Поэтому есть определенный смысл в высказывании Сардеева К. о том, что возможно, достаточно установления общего умысла относительно проявления особой жестокости, для квалификации по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но при этом всегда необходимо стремиться детализировать деяние и устанавливать все проявленные при этом виды умысла.

Для назначения виновному наказания необходимо учитывать личность в процессе предварительного расследования и рассмотрения дела в суде. Устанавливать мотив и цель совершения им преступления потому, что мотив является одним из внутренних элементов механизма человеческой деятельности, в том числе и преступной, а цель – это результат, к

которому он стремится. Совершая одни и те же по внешним признакам преступления, люди могут руководствоваться различными мотивами, преследовать различные цели.

При совершении убийства, с особой жестокостью, такие признаки субъективной стороны преступления как мотив и цель – будет играть роль обстоятельств отягчающих наказание.

Литература

1. Аниянц М.К. Ответственность за преступления против жизни. – М., 1964.
2. Бородин С.В. Преступления против жизни. – СПб., 2003.
3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рарога. – М., 2008.
4. Уголовное право России. Часть Особенная. Учебник для вузов / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – М., 2011.
5. Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступления против личности. – Ставрополь. 1994.
6. Шаргородский М.Д. Курс советского уголовного права. – Л., 1973. Т. 3.

УДК 347.4

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО
ОКАЗАНИЯ ОХРАННЫХ УСЛУГ
THE LEGAL NATURE OF THE AGREEMENT FOR PROVISION
OF SECURITY SERVICES**

Лычагина Е.О., студент магистратуры, Ростов-на-Дону, Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Lychagina E.O., graduate student of Rostov-on-Don, Rostov Institute (branch) UGUU (RPA of the Ministry of justice of Russia).

Аннотация: определена правовая природа договора возмездного оказания охранных услуг через анализ его существенных условий и содержания.

Annotation: the legal nature of the contract of paid rendering of security services through the analysis of its essential conditions and contents is defined.

Ключевые слова: охранные услуги, существенные условия, права и обязанности.

Key words: security services, essential conditions, rights and obligations.

Договор возмездного оказания охранных услуг является видом гражданско-правового договора. Между охранными предприятиями и заказчиками договорный порядок отношений – явление хотя и не новое, но во многом и неисследованное.

Чтобы выявить понятие договора по оказанию охранных услуг и провести анализ его юридических свойств, следует рассмотреть само понятие «услуга».

Услуги рассматриваются как товар, то есть деятельность, которая предназначена для обмена произведенными благами в соответствии с законодательством РФ. Таким образом, услуга как товар обладает ценовым выражением. Услуга как экономическое отношение, возникает согласно результату труда, формируются потребительские цены и проявляются в виде полезного действия товара или самой деятельности, чтобы удовлетворить определенные потребности человека.

Договор оказания охранных услуг – возмездный договор, потому что его специальное регулирование применяется в пределах гражданско-правовых норм возмездного оказания услуг. В целях удовлетворения потребностей заказчика частные охранные предприятия (ЧОПы) оказывают услугу по охране, которая является в условиях рыночной экономики одним из видов товара. А в порядке ответных действий заказчик оплачивает цену услуги.

Содержание договора возмездного оказания услуг имеет большое теоретическое и практическое значение, так как именно с ним объединены характерные черты, которые возникают у участников данного договора. А именно взаимность субъективных гражданских прав, обязанностей и условия надлежащей их реализации.

Единственной точки зрения, что такое содержание гражданско-правового договора не сложилось. Содержание договора возмездного оказания услуг это совокупность условий, на которых он заключается.

Содержание договора в данном контексте рассматривается как юридический факт, который порождает соответствующие обязательственные правоотношения. И в свою очередь, безусловно, имеет своим содержанием субъективные коррелятивные права и обязанности сторон.

Согласно с п.4 ст. 421 ГК РФ [1], стороны определяют условия договора по усмотрению, кроме тех случаев, когда содержание данного условия установлено законом и иными правовыми актами.

Договор по оказанию услуг рассматривается как совокупность действий физических и юридических лиц, главной целью которой является стремление к достижению определенных последствий. А именно для того, чтобы устранить хищение, повреждение или уничтожения имущества, предотвращение и недопущения причинения вреда жизни и здоровья заказчика или его представителей, партнеров и других лиц. Для приобретения юридической силы такого договора, необходимо прийти к консенсусу по всем существенным условиям.

Таким образом, для того, чтобы выявить правовую природу договора, нужно изучить в том числе его существенные условия. В соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ [1] к существенным условиям гражданско-правового договора относятся:

- условия о предмете договора;
- условия, как существенные для этого вида договора;
- условия, по которым должны прийти к соглашению одной из сторон по заявлению.

В итоге, содержание договора возмездного оказания услуг состоит из его условий, вытекающие из конкретного закона либо определены сторонами при его заключении и учитывают между сторонами обязательство по оказанию конкретной услуги. В юридической науке выделяют условия, которые относятся к содержанию договора:

- законность договора;
- определенность договора;
- реальность договора.

Согласно гл. 39 ГК РФ [2] существенным условием договора возмездного оказания услуг, следует признать условие о предмете договора. Предметом договора считается положительно направленные действия услугодателя, где услугополучатель удовлетворяет свои интересы за счет этого.

Условие о качестве оказываемой услуги, не относятся существенным условиям договора. Отсутствие данных условий в тексте договора не влечет за собой признания о его недействительности.

Если стороны согласовывают конкретные условия в договоре по оказанию услуг, то они будут учитываться, как существенные, а именно:

- условия о сроке мероприятия;
- условие о порядке предоставления информации клиенту и третьим лицам;
- условия для предоставления дополнительных услуг;
- условия о выборе определенного способа их выполнения.

На сегодняшний день существует тенденция правового регулирования отношений в области услуг, а именно по двум направлениям: это договор присоединения и, в перспективе, типовой договор.

В соответствии с п. 1 ст. 428 ГК РФ [1] договор присоединения определяется одной из сторон в определенных стандартных формах, и может быть принят другой стороной через присоединение к предложенному договору в целом.

Типовая форма договора на оказание возмездных услуг должна отвечать следующим требованиям:

- каждая услуга в возмездном договоре должна быть в особой форме. Должна отражать именно ее специфику и условия оказания;
- такие стандартные формы должны быть освобождены от условий, которые устанавливают преимущества и льготы в одностороннем порядке, и обременительны для присоединившейся стороны;
- перечень условий договора необходимо быть закрытым, поскольку добавление расширительных условий или введение круга условий, придаст договору обременительный характер;
- условия договора в стандартной форме должны быть императивными;
- все заключения в стандартной форме условия договора становятся существенными, так как предлагающая сторона их формулирует, а принимает все условия договора в целом присоединяющая сторона через подписи.

Кроме перечисленных требований, которые предъявляются к стандартной форме договора, она также должна содержать блоки. Блоки состоят из информационно-обязательного, условного, ценового, атрибутивного характера, где будет дана вся важная и исчерпывающая информация об услуге.

Информационно-обязательный блок договора включает в себя достоверные и полные сведения об определенной услуге, информация о том, в чем состоит степень надлежащего оказания услуги, какие аспекты об этом подтверждают. Информационный блок должен быть составлен в общедоступной форме. На исполнителе услуги лежит обязанность довести данную информацию до получателя. А именно, должно быть определено, какого характера предоставляется услуга, какие используются средства охраны, какой результат будет достигнут и, каковы будут обязанности исполнителя и заказчика.

К условному блоку договора можно отнести предупреждения и информацию о возможных форс-мажорных ситуациях.

В ценовой блок входят финансовые обязательства сторон. Рассматриваются формы, порядок и способы оплаты услуги или другие эквивалентные условия устраивающие обе стороны договора, например договора с правоохранительными органами по поддержанию общественного порядка в массовых местах проведения мероприятий. По данным договорам сотрудники ЧОПа производят наряду с сотрудниками полиции охрану общественного порядка при этом по данным договорам вместо оплаты в денежном эквиваленте выступает информация и консультация ЧОПа или частного детектива со стороны правоохранительных органов.

Атрибутивный блок договора устанавливает способы сервисных удобств, если они выходят за пределы общепринятых норм.

В юридической науке нет единственной позиции по поводу вида и классификации условий, которые составляют содержание договора. Большинство авторов систематизируют условия договора на разные виды, связывая конкретные условия к данной классификационной группе с точными правовыми последствиями. К примеру, существуют предложения все входящие в содержание договора условия рассматривать на случайные, обычные и существенные.

Существенные условия договора объединяют в одну группу признаки и особенности. Как правило, споров и разногласий в юридической литературе, не вызывают. По общему признанию существенные являются такие условия, которые достаточны и необходимы, чтобы договор считался заключенным и смог бы установить права и обязанности участников.

Общие нормы, посвященные договорам, и в специальные нормы, относящиеся к отдельным видам договоров, законодатель может определить такие условия и выявить их сущность, а так же указать на такие правовые последствия, которые появляются при отсутствии в договоре тех или иных существенных условий.

Вопрос остается открытым об определении размера оплаты предоставляемых услуг в специальных нормах, которые посвящены регулировке договоров возмездного оказания услуг. Исполнение договора будет оплачиваться по цене, которая установлена, по согласию сторон согласно пункту 1 статьи 424 ГК РФ [1]. Допускаются исключения из этого правила, предусмотренные законом: будут применяться цены, тарифы, расценки, ставки, которые устанавливаются или регулируются уполномоченными государственными органами. Цена будет являться обязательной для сторон договора, установленная законом или иными правовыми актами. В силу своего особенного характера договора эти общие положения о цене не могут использоваться, если такой договор является договором присоединения согласно ст.428 ГК РФ [1].

Что касается правовой природы договора возмездного оказания охранных услуг, то можно сделать следующие выводы:

- данный договор относится к группе договоров по оказанию услуг;

- договор возмездного оказания услуг выполняет роль общих положений для данного договора;

- данный договор часто конструируется как смешанный (нетипичный) договор, который содержит в себе элементы различных договоров по оказанию услуг;

- данный договор всегда является возмездным.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ //СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

УДК 347.4

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОХРАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
THE LEGAL POSITION OF THE SECURITY ORGANIZATION**

Лычагина Е.О., студент магистратуры, Ростов-на-Дону, Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Lychagina E.O., graduate student of Rostov-on-Don, Rostov Institute (branch) UGUU (RPA of the Ministry of justice of Russia).

Аннотация: определено правовое положение охранной организации.

Annotation: the legal status of the security organization is defined.

Ключевые слова: частная охранная организация, предприятие, охранная деятельность.

Key words: private security organization, enterprise, security activities.

Правовое положение охранной организации установлено Законом РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности»[1], который в своих первых редакциях, вплоть до конца 2010 года, не содержал понятия «частная охранная организация».

В практике охраны это приводило к неоднозначным, противоречивым толкованиям их положения, способствовало возникновению необоснованных запретов и ограничений и создавало проблемы на рынке охранных услуг[2]. Например, в период с 11 марта 1992 года по 01 января 2010 года применялось понятие «частное охранное предприятие», вошедшее в гражданский оборот как «ЧОП».

Вместе с тем понятие «частная охранная организация» (ст. 1.1 Закона «О частной детективной и охранной деятельности»[1]) является некорректным по отношению к специальным нормам закона и по отношению к ГК РФ[3] и не обладает концептуальным характером.

Элементами содержания охранной деятельности выступают: 1) наличие статуса коммерческой охранной организации;

2) наличие объектов, подлежащих охране (объектов охраны);

3) наличие договора охраны.

При этом реализация муниципалитетами своих прав на охрану имущества и общественного порядка с использованием гражданско-правовых способов защиты, предусмотренных ст. 12 ГК РФ[3], не является охранной деятельностью. Не относится к этому виду деятельности и принятие специальных мер по охране окружающей среды, памятников истории и культуры, а также деятельность «муниципальной милиции» и «муниципальных дружин». Например, в Ставропольском крае суд указал, что охранные обязательства на объект культурного наследия представляет собой совокупность требований

к «эксплуатации объекта, порядку и срокам проведения реставрационных, ремонтных и иных работ».

Во-первых, Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности»[1] и не предусматривают участия в гражданском обороте местного самоуправления в качестве исполнителя охранных услуг, в то время как эти органы наряду с физическими лицами и организациями вправе заниматься предпринимательством (ст. 124 ГК РФ)[1]. Исследователи отмечают, что участие местного самоуправления в гражданских отношениях обусловлено не властно-публичными полномочиями, а принципом равенства с иными их участниками, поскольку муниципалитеты выступают в гражданском обороте через созданных ими юридических лиц.

Во-вторых, эти акты практически оформляют запрет на учреждение охранных организаций в форме «муниципальное унитарное предприятие» (далее – МУП), который является необоснованным. В настоящее время в России насчитывается десятки тысяч муниципальных образований. Следовательно, форма местного самоуправления является наиболее распространенной и вовлекает в сферу своей деятельности миллионы российских граждан. Кроме того, в собственности местного самоуправления находится много имущества, которое не всегда подлежит государственной охране. Представляется, что его конституционные полномочия в сфере охраны имущества и общественного порядка могут быть реализованы через «муниципальные унитарные предприятия» (далее – МУП). В соответствии с ч. 2 ст. 1 ГК РФ[1], муниципалитеты приобретают и реализуют свои гражданские права исходя из своей воли и интереса. В этом случае они не обязаны обращаться в охранные организации для защиты муниципальной собственности, а вправе делать это самостоятельно.

В-третьих, невозможность самостоятельного участия муниципалитетов в охране муниципального имущества ставит их в неравное положение с полномочиями физических и юридических лиц, в том числе государства, в области охранный деятельности. Это не соответствует принципам гражданского права о признании равенства участников гражданского оборота. Становится очевидным, что вышеперечисленным редакциям законов разрешить эту проблему невозможно.

Проведенный анализ позволяет подойти к формулированию понятия «охранная организация». При этом в основу методологии будет положено предпринимательское содержание охранный деятельности, ее принципы и функции, общие положения о правоотношении охранный деятельности и объектах охраны.

Охранная организация - это коммерческая организация, непосредственно учрежденная для оказания охранных услуг, имеющая лицензию на их оказание, зарегистрированная в установленном законом порядке и обладающая правовым положением работодателя.

Сформулированное определение позволяет установить признаки охранный организации, обусловленные предпринимательским содержанием охранный деятельности.

Исследователи отмечают, что наличие признаков позволяет отграничить организацию от смежных категорий и определить ее правовой статус как коммерческой организации. Значимость признаков охранных организаций заключается в том, что они позволяют отличить их от других субъектов обеспечения безопасности (органы государства, народные дружины и др.).

Кроме того, наличие изучаемых признаков позволяет отличить и охранную деятельность от других видов предпринимательства и другой деятельности, направленной на обеспечение безопасности объектов гражданских прав[4].

Признаки охранной организации можно классифицировать по двум основаниям: 1) общие признаки, присущие любому юридическому лицу (имущественная самостоятельность, способность быть истцом и ответчиком в суде и др.);

2) специальные признаки, присущие охранным организациям. Общие признаки в виду их принадлежности ко всем юридическим лицам в настоящей работе не рассматриваются.

К специальным признакам относятся:

1) организационно-правовая форма коммерческой организации, предусмотренная наряду с ГК РФ специальными правовыми актами;

2) закрепление в качестве уставной цели деятельности организации извлечение прибыли посредством оказания охранных услуг;

3) наличие лицензии на выполнение соответствующего вида охранных услуг;

4) наличие специальной правоспособности;

5) наличие специальных трудовых ресурсов (охранников) в штате организации и обладание организацией правовым положением работодателя.

Заметим, что эти признаки носят межотраслевой характер, представляющий собой совокупность частноправовых элементов организации и субъектного состава трудового правоотношения (работодатель и работники).

Полученные в статье результаты, позволяют провести классификацию охранных организаций.

Предлагается классификация охранных организаций по следующим основаниям:

1) по организационно-правовой форме (ООО, МУП, ФГУП);

2) по средствам достижения уставной цели;

3) по правовому положению учредителя (частные охранные организации, частно-публичные охранные организации);

4) по правоспособности (специальная, ограниченная);

5) по органам и механизму управления охранной организацией.

Таким образом частная охранная организация может создаваться только в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью. Это коммерческая унитарная организация.

Основной целью ее создания и деятельности является получение прибыли и распределение этой прибыли между участниками охранной организации. Учредители

охранной организации имеют корпоративные права, предусмотренные уставом охранной организации, в том числе имеют право избирать органы управления охранной организации. Оригинальным требованием законодателя является условие о том, что руководитель частной охранной организации должен иметь высшее образование.

Охранная организация наделена специальной правоспособностью, то есть имеет право осуществлять только охранную деятельность.

Литература

1. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 // Российская газета - № 100 -1992.
2. Шаронов С. А. Современные проблемы рынка охранных услуг // Предпринимательское право. – 2011. – № 3. – С. 28-32.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ //СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
4. Шаронов С. А. О соотношении охранной и антитеррористической деятельности // Европейский журнал социальных наук. – 2014. – № 4.– С. 546-551.

УДК 340.1

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ
POLITICAL STABILITY AS A FACTOR OF THE DEVELOPMENT
OF A LEGAL STATE IN RUSSIA**

Мамичев В.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права. Филиал РТУ МИРЭА в г.Ставрополе.

Mamichev V.N., PhD in Law, Associate Professor at the Department of History and Theory of State and Law. Branch of RTU MIREA in Stavropol.

Аннотация. В статье дается анализ основных критериев и показателей политической стабильности правового государства в России. На основе исторического анализа и объективной реальности указываются на особенности и сложности формирования политической стабильности, присущей российскому государству на современном этапе.

Annotation. The article analyzes the main criteria and indicators of political stability of the rule of law in Russia. On the basis of historical analysis and objective reality, the author points out the peculiarities and difficulties of formation of political stability inherent in the Russian state at the present stage.

Ключевые слова: правовое государство, политическая стабильность, политическая система.

Keywords: legal state, political stability, political system.

Политическая стабильность представляет собой способность государственной системы длительное время функционировать без значительных изменений, обеспечивая планомерное развитие, преемственность власти, благоприятный инвестиционный климат и экономический рост [1].

Одним из основных критериев формирования политической стабильности является политическая система общества.

Принятие Конституции РФ путем всероссийского референдума 12 декабря 1993 г. способствовало созданию нормативно-правовой базы для нового этапа реформирования политической системы российского общества.

Одним из важнейших элементов политической системы, наряду с политическими партиями, общественно-политическими движениями и группами по интересам, является государство и его органы.

Политическая система должна эффективно функционировать, должна успешно решать все текущие проблемы и обеспечивать стабильный прогресс государства. Слаженный государственный аппарат позволяет эффективно реагировать на проблемы внутри страны.

При этом время реагирования будет максимально быстрым. Эффективное решение проблем будет способствовать поднятию авторитета власти. Количество довольных людей текущим положением дел будет возрастать. Внутренняя стабильность государственных органов будет повышать авторитет страны так же и на мировом уровне. Уважение к власти будет способствовать становлению политической стабильности.

Согласование социальных групп с выражающими их интересы политическими организациями по основным вопросам общественного развития. Согласованность государства с социальными группами всегда будет одним из самых главных факторов стабильности внутри государства. Что позволит быстрее принимать важные политические решения. При согласовании с социальными группами такие решения будут иметь максимальную эффективность для развития государства.

Высокий уровень доверия населения к государственным структурам. Управление государством с максимальным учетом мнения населения вызывает доверие к правительству.

После выборов Президента РФ в 2018 году существенных изменений в структуре органов государственной власти по сравнению с 2013 годом не произошло. Структура правительства состоит из:

I. Федеральных министерств, федеральных служб и федеральных агентства, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, федеральные службы и федеральные агентства, подведомственные этим федеральным министерствам

II. Федеральных министерств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральные службы и федеральные агентства, подведомственные этим федеральным министерствам

III. Федеральных служб и федеральных агентств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации [2].

Можно сказать, что прежний состав правительства особого доверия у населения страны не вызывал. Опрос ВЦИОМ был проведен 12-13 и 14-15 мая 2018 года среди 2000 респондентов, максимальная погрешность не превышает 2,2%. 38% россиян отрицательно оценивают работу правительства за последние годы.

Половина опрошенных (49%) считают, что новое правительство будет не хуже и не лучше прежнего. 37% респондентов выражают надежду, что оно станет более эффективным, негативный прогноз дают только 3% [2].

Это впоследствии позволяет уменьшить уровень сопротивления общества к новым реформам, что дает государству возможность эффективно развиваться.

Легитимность политического режима в государстве, его легальность. Легитимность – признание текущей власти народом. Признание ее правомерности. Власть должна состоять

из честных некриминальных людей, должна действовать исключительно в рамках правовых норм. Это позволяет снизить преступную деятельность в государстве. Повышает авторитет государства на мировой арене.

Наличие эффективной правовой системы в государстве. Правовая система позволяет избежать хаоса внутри государства. При наличии эффективной правовой системы все конфликты регулируются исключительно в рамках закона, что позволяет достичь внутренней стабильности государства.

Можно констатировать, что современная правовая система России является недостаточно оптимальной, эффективной в своем действии. Сегодня перед ней стоят совершенно новые цели, обусловленные изменением многих ценностных параметров ее функционирования в общественной жизни.

Поддержание прав и свобод человека, поддержание оптимального уровня участвующих в политике и абсентеистами. Уважительное отношение к человеку в государстве будет вызывать у людей только положительную реакцию. Общество будет больше участвовать в политической жизни государства. Количество абсентеистов будет минимальным. Абсентеист – человек, который уклоняется от какого либо политического участия (например, участия в выборах или каком либо голосовании).

Правильное распределение полномочий между разными политическими структурами, оптимизация количества таких структур. Разумное распределение полномочий между центральными и региональными структурами позволяет повысить эффективность управления. Это уменьшит возможность злоупотребления слишком большой властью, предоставленной высшими государственными органами. Оптимально количество государственных структур позволит избежать бюрократических проблем, ускорит выполнение различных указаний, позволит эффективнее решать текущие проблемы.

Управление страной с правильным соотношением моральных и правовых норм. У каждого государства есть своя культура, свои моральные и правовые нормы. Нахождение максимального баланса между этими нормами будет приводить к удовлетворению населения, большему признанию власти обществом.

Избегание сильного классового разделения в обществе. Сильное классовое разделение будет вызывать недовольство у низшего класса населения. Это может привести к протестам или более агрессивным действиям против власти. Так как это самый массовый класс любого государства, протесты ни к чему хорошему не приведут. Государство должно поддерживать оптимальный классовый баланс, определенный уровень жизни в обществе. Это позволит избежать конфликтов в обществе.

Предотвращение острых социально-этнических и религиозных конфликтов внутри государства. Данные конфликты являются довольно большой проблемой для государства, так как могут привести к вооруженным конфликтам между разными этническими или религиозными группами. Правительству необходимо пресекать конфликты такого рода в

самом начале. Так как это одна из самых сильных угроз внутренней стабильности государства.

Эффективная политическая коммуникация. Эффективное двухстороннее взаимодействие власти с народом. Позволяет поддерживать политическую грамотность населения, что способствует принятию наиболее рациональных решений для государства.

Умение власти использовать международный опыт по развитию государства. Это умение наиболее необходимо молодым государствам, так как позволяет избежать основных ошибок в развитии государства на примерах других моделей государств. Использование международного опыта позволяет максимально эффективно решать основные проблемы государства.

Наличие общих элементов политической культуры, как у власти, так и у народа. Это позволяет народу больше понимать власть, что приводит к большему пониманию принятых политических решений.

Политическая стабильность в процессе развития правового государства приводит к развернутой демократии, широкой гласности, становлению многопартийности, построению государства на принципах разделения властей, реформе всего законодательства, судебной реформа, укреплению законности и правопорядка, повышению правовой культуры и соблюдению прав и свобод человека и гражданина.

Актуальной задачей станет укрепление законности в стране, исключив, чей бы то не было произвол, обеспечения равенство перед законом всех, невзирая на лица; эффективно противостояние бюрократизму; исключение возможности узурпации власти и злоупотреблений.

Рассмотренные факторы позволяют достичь максимальной политической стабильности. Правильность соотношения этих факторов зависит от социальной культуры общества и политического режима в стране. У разных народов разные моральные принципы и политические взгляды. В связи с этим у каждого государства приоритет этих факторов может отличаться.

Литература

1. Большая актуальная политическая энциклопедия // https://greater_political.academic.ru/182/
2. Указ Президента РФ от 15.05.2018 г. №215 // СПС «Консультант Плюс»
3. Досье NEWSru.com : Опросы: Общество. Власть // <https://www.newsru.com/russia/17may201>

УДК 343.412

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КЛЕВЕТУ
THE HISTORICAL ASPECT OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL
LIABILITY FOR DEFAMATION**

Ситников И., магистр Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Sitnikov I., master of the Rostov Institute (branch) of VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье анализируются нормы устанавливающие уголовную ответственность за клевету начиная с первого исторического правового памятника Древней Руси «Русской Правды» и заканчивая современным уголовным законодательством.

Annotation: The article analyzes the norms establishing criminal responsibility for defamation, starting with the first historical legal monument of Ancient Rus "Russkaya Pravda" and ending with modern criminal legislation.

Ключевые слова: клевета, честь, достоинство, уголовная ответственность.

Keywords: defamation, honor, dignity, criminal liability.

Анализируя отечественные исторические правовые источники нетрудно заметить, что клевета не существовала как отдельное преступление, она растворялась в ложном доносе. Анализируя первый исторический правовой памятник Древней Руси «Русскую Правду» можно найти положения об ответственности за ложное обвинение в убийстве[1 С. 65]. При этом был указан и процессуальный аспект этого преступления, а именно то, что сторона обвинения должна была предоставить доказательства преступления. Иначе обвинение считалось ложным, а дело проигранным[1 С. 65].

В ст. 8 Судебника 1497 года появилось преступления имеющее сходные черты с клеветой, а именно ябедничество. Сущность данного преступления сводилась к обвинению невиновного лица в совершении преступления[2 С. 56].

Следующим законодательным актом в котором есть упоминание о схожих преступлениях явилось Соборное уложение 1649 года. В нем есть упоминание о нескольких преступлениях, в том числе о ложном доносе царю по обвинению бояр в получении взятки, или ложное обвинение военнслужащих в совершении какого-либо преступления[3 С. 56].

В Воинском Артикуле Петра I 1715 года появилось новый термин «пасквиль», который очень напоминает клевету.

Так, в Артикуле 149 сказано: «Кто пасквили, или ругательные письма тайно сочинит, пришьет и распространит, и тако кому непристойным образом какую страсть или зло причтёт, чрез что его доброму имени некакой стыд причинён быть может, онаго надлежит наказать таким наказанием, каковую страстью он обруганного хотел обвинить». Анонимное письмо сжигалось палачом под виселицей. В случае подтверждения данных, содержащихся в письме, автора всё равно наказывали, но менее строго[4 С. 345].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года содержалось несколько упоминаний о клевете. В одной из статей Уложения 1845 года есть упоминание о том, что клевета это заведомо ложное обвинение кого-либо в деянии, противном правилам чести[5 С. 253]. Другая статья Уложения 1845 года гласила: «кто дозволит оклеветать кого-либо несправедливо, обвиняя его, или жену его, или членов его семейства в деянии, противном правилам чести»[5 С. 254].

В марте 1903 года было принято Уголовное Уложение, в котором появляется термин – «опозорение». В опозорении объединяются два вида посягательства, известные старому Уложению 1845 года, – клевета и диффамация.

Уголовное Уложение 1903 года современники считали лучшим законом в области уголовного права, ничем не уступающим законом европейских государств. В нем содержалась статья об уголовной ответственности за распространение клеветы. Клевета описывалась через разглашение определенных обстоятельств позорящих человека.

После Октябрьской революции происходит кардинально новый поворот в развитии правовых институтов, в том числе и развитие уголовного права. Данный период может характеризоваться становлением законодательных основ уголовного права в условиях классового противостояния.

В первые годы советской власти преступлениям против личности уделялось мало внимания. Хотя такое преступление как клевета нередко оказывалось направленным против молодого советского государства и его руководителей. В этой связи у государства стала возникать потребность в усилении борьбы с данным видом преступлений.

Новой вехой уголовно-правовой борьбе с клеветой явилось принятие Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. Просуществовал УК РСФСР 1922 года недолго, однако он добился определенного прогресса в борьбе с указанным преступлением, а именно впервые было дано законодательное определение клеветы, под которой понималось оглашение заведомо ложного и позорящего другое лицо обстоятельства. Примечательно, что клевета содержала как основной состав преступления, так и его квалифицированные виды, наказание за которые было более суровым, чем за совершение основного состава клеветы.

Уголовно-правовой состав клеветы располагался в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года рядом с другими смежными составами преступлений (заведомо ложный донос, оскорбление и др.). Таким образом, общим для этих составов преступлений является то, что они посягают в первую очередь на свободу, честь и достоинство личности.

Развитие уголовного законодательства той поры привело к принятию Уголовного кодекса РСФСР 1926 года. По сравнению с предыдущим УК РСФСР 1922 года в новом УК РСФСР 1926 года содержалось видоизмененное определение клеветы. Под клеветой стали понимать распространения заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений. Термин распространение трактовался как совершение лицом активных действий направленных на подрыв репутации другого лица посредством заведомо ложных и позорящих измышлений.

Наказание за совершение клеветы дифференцировалось в зависимости от наличия отягчающих обстоятельств. При этом следует отметить, что законодатель предусмотрел наличие альтернативных санкций: исправительно-трудовые работы или штраф.

Следующим законодательным актом в области уголовного права явилось принятие Уголовного кодекса РСФСР 1960 года. Следует сразу отметить одну особенность, которая показывает наличие преемственности в новом УК РСФСР 1960 года по отношению к предыдущему УК РСФСР 1926 года. Данная особенность проявляется в том, что была сохранена прежняя формулировка понятия клеветы. Изменению подвергся только список отягчающий обстоятельств. В этот перечень попали: клевета в средствах массовой информации и рецидив клеветы. Кроме этого клевета стала иметь и особо отягчающее обстоятельство, если она касается обвинения в совершении тяжкого преступления. При этом, по сравнению с утратившим силу УК РСФСР 1926 года новый УК РСФСР 1960 года усилил уголовно-правовые санкции за совершение клеветы.

В рассматриваемый период действия УК РСФСР 1960 года появилось достаточно много монографических исследований посвящённых вопросам уголовно-правовой борьбы с преступлениями против чести и достоинства личности. Исследованию подвергались как общие вопросы борьбы с указанными преступлениями, так и вопросы характеризующие отдельные аспекты борьбы с указанными явлениями.

Окончанием советской эпохи в области уголовного права явилось вступление в законную силу с 1 января 1997 года нового Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года. Как и прежде законодатель уделил особое внимание борьбе с преступлениями против чести и достоинства личности. В УК РФ 1996 года были включены составы клеветы и оскорбления, как общие составы преступлений. При этом, следует отметить, что наряду с общими составами преступлений против чести и достоинства личности появились и специальные составы: клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица производящего дознание, судебного пристава; неуважение к суду, вызвавшееся в оскорблении участников судебного разбирательства и т. д.

По сравнению с УК РСФСР 1960 года новый УК РФ 1996 года усилил санкции статьи за совершение квалифицированной клеветы.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ статья 129 УК РФ «Клевета» – утратила силу. Кроме клеветы этими же поправками был упразднён и состав оскорбления. Клевета и оскорбления перестали быть уголовно-наказуемыми деяниями. Объяснялся этот шаг общими тенденциями гуманизации уголовного законодательства.

Прошло около полгода и состав клеветы вновь появился в Уголовном кодексе РФ 1996 года. А именно, федеральным законом от 28 июля 2012 года № 141-ФЗ была введена статья 128¹ «Клевета». Обращает на себя внимание тот факт, что в соответствии с законодательной техникой состав клеветы появился под новым номером статьи в УК РФ 1996 года.

В сравнении с отмененной статьей 129 УК РФ, новая статья предусматривает наличие новых квалифицирующих признаков:

- 1) клевета, совершенная с использованием своего служебного положения и;
- 2) клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера.

Литература

1. Российское законодательство X-XX веков. Т.1. – М., 1984.
2. Российское законодательство X-XX веков. Т.2. – М., 1985.
3. Российское законодательство X-XX веков. Т.3. – М., 1985.
4. Российское законодательство X-XX веков. Т.4. – М., 1986.
5. Российское законодательство X-XX веков. Т.5. – М., 1987.

УДК 343.412

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТА КЛЕВЕТЫ
CRIMINALLY-LEGAL CHARACTERISTIC OF THE OBJECT OF SLANDER**

Ситников И., магистр Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Sitnikov I., master of the Rostov Institute (branch) of VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье анализируются нормы уголовного законодательства по вопросу определения объекта уголовно-правовой охраны статьи 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Annotation: The article analyzes the norms of criminal law on determining the object of criminal law protection of article 128¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: объект клеветы, клевета, честь, достоинство, объект преступления.

Keywords: object of slander, slander, honor, dignity, object of crime.

В уголовно-правовой науке под объектом традиционно понимают то, на что направлено преступление, чему причиняется или может быть причинен вред (ущерб).

Как объект клеветы законодатель в диспозиции ч. 1 ст. 128¹ УК РФ называет три блага – честь, достоинство и репутацию. В юридической литературе не все согласны с таким перечнем объектов клеветы. Одни ученые высказывают точку зрения, и в этом они совпадают с позицией законодателя, что объектом клеветы следует считать – честь, достоинство и репутация личности. Другие ученые считают, что объектом клеветы честь и достоинство личности. Третьи считают, что объектом выступает только честь. Есть также мнение, что клевета посягает на доброе имя.

Каждая из этих точек зрения заслуживает право на существование. Однако нельзя не согласиться, например, с тем, что клевета не причиняет вред достоинству человека. Так, Ю.В. Ганжа в своём диссертационном исследовании обосновывает такое сужение объекта клеветы тем, что «распространение заведомо ложных сведений направлено на изменение отношения к потерпевшему со стороны окружающих, а сам потерпевший осознаёт ложность распространяемых сведений, соответственно, действия виновного не могут повлиять на осознание им своей моральной ценности и полезности обществу»[3].

Необходимо отметить, что умысел виновного при клевете в большинстве случаев направлен именно на то, что бы изменить общественное мнение о человеке, тем самым опозорив его честь. Хотя думается, есть немало преступлений, когда распространяя ложные порочащие сведения, лицо желает в том числе, понизить самооценку человека. Особенно это касается потерпевших с изначально заниженной самооценкой, которая, по мнению специалистов, нередко обусловлена внешней оценкой социума. Это ещё раз подтверждает тезис о том, что достоинство человека складывается из нескольких моментов, в том числе и из признания его другими членами общества. Исходя из этого, следует предположить, что

достоинство человека также должно рассматриваться в качестве объектов клеветы, хотя и не каждое преступление посягает на него.

В УК РФ репутация человека впервые названа в качестве объекта клеветы, и это не могло не вызвать спор среди учёных. Одни ученые полагали, что такие термины как честь и репутация соотносятся как часть и целое, и поэтому нецелесообразно их использовать при описании состава клеветы. В некоторых учебных пособиях и комментариях это благо просто не указывалось в качестве непосредственного объекта клеветы без каких-либо объяснений.

Некоторые из практических работников считают, что клевета вообще направлена только на подрыв репутации. Речь идет о таких преступлениях, когда распространяемые заведомо ложные сведения касаются профессиональной деятельности потерпевшего и порочат сложившуюся у него там репутацию.

Честь и репутация тесно связаны между собой. Более того, репутация человека складывается в зависимости от того, какое мнение о нём существует в обществе, а следовательно, она является составной частью понятия «честь», причем, репутация может быть как положительной, так и отрицательной. Представляется, что уголовное законодательство направлено на охрану именно положительной репутации, то есть того позитивного мнения, которое удалось сформировать человеку в глазах окружающих.

Таким образом, нет оснований не рассматривать репутацию в качестве объекта клеветы. В противном случае исключается возможность осуждения виновного лица за клевету тогда, когда умысел виновного был направлен именно на подрыв репутации потерпевшего. УК ФРГ ещё шире подходит к определению объекта клеветы. Так в ст. 187 указывается: кто умышленно утверждает или распространяет факт, который порочит это лицо или может унижить его достоинство или угрожает его кредитоспособности, доверию или репутации. Благодаря такой формулировке расширяется сфера уголовно-правовой защиты.

Итак, мы выяснили, что объектом клеветы являются все названные в законе блага: честь, достоинство и деловая репутация. Теперь попробуем разобраться, что каждый из них представляет.

Такие термины как честь, достоинство и репутация являются сложными для понимания категориями, так как отсутствует законодательное закрепление данных понятий.

Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. под честью понимают достойные уважения и гордости моральные качества человека, его соответствующие принципы[5 С. 882]. Честь – это положительная оценка личности даваемое обществом.

В своих рассуждениях М.Д. Шаргородский указывал на то, что объектом клеветы является именно честь личности. Шаргородский М.Д. указывал, что в человека в этом случае следует рассматривать как биологическое понятие: ребенок является человеком с момента рождения, человек, даже психически больной, все же человек. С другой стороны, личность есть понятие социальное, совокупность общественных отношений, и притом совершенно определенная, конкретизированная, идеальная совокупность этих отношений[4 С. 611].

Далее он уточняет, что умерший, не будучи ни человеком, ни личностью, не может быть объектом клеветы[4 С. 611]. Данное утверждение является спорным, так как и после своей смерти о человека может быть распространена заведомо ложная информация порочающая его честь и достоинство.

Говоря о достоинстве, Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. под ним понимают совокупность свойств, характеризующих высокие моральные качества, а также сознание ценности свойств и уважение в себе[5 С. 172]. Достоинство – это внутренняя самооценка личности. Конституция Российской Федерации 1993 года содержит положения об охране личности.

Таким образом, достоинство есть совокупность нравственных качеств человека, которые осознаются им самим и окружающими его людьми. Честь, в свою очередь, предполагает, отношение к человеку и признание его достоинства со стороны общества.

Разграничивая эти понятия, А.Л. Анисимов справедливо отмечает, что основное различие между ними заключается в том, что «честь – объективное общественное свойство, а в достоинстве на переднем плане – субъективный момент, самооценка. Достоинство человека находится в определённой зависимости от его воспитания, от внутреннего духовного мира, особенностей его психического склада. В конечном итоге – от способностей человека должным образом оценить то, мнение, которое сложилось о нём у окружающих»[1 С. 16]. При этом, отмечает А.Л. Анисимов, «общественная оценка не зависит от воли и желания самого оцениваемого лица, ибо, как известно, вся жизнедеятельность человека проходит под контролем общества и именно общество формирует оценку нравственных качеств каждого конкретного человека»[1 С. 13].

А.А. Власов пишет, что честь – это и общественная оценка личности и в то же время осмысление самой личностью такой оценки, то есть самооценка. То есть понятие чести имеет как бы два аспекта – внешний или, как его иначе называют объективный и внутренний или субъективный[2 С. 11].

Репутация – это положительное или отрицательное мнение об объекте, существующее в общественном сознании. Репутация – это всегда мнение, складывающееся на основе имеющейся конкретной информации об объекте[6 С. 1132].

При такой трактовке понятия репутация можно заметить, что оно близко стоит к понятию чести.

Исходя из вышеизложенного можно дать следующую характеристику непосредственного объекта клеветы, под которым следует понимать общественные отношения, направленные на охрану морально-этических качеств человека в обществе.

Литература

1. Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. – М., 1994.
2. Власов А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. – М., 2000.
3. Ганжа Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. Дисс.канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007.
4. Курс советского уголовного права. – Л., 1973. Т. 3.
5. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2008.
6. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. – М., 1989.

УДК 331.31

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РАБОТЫ
НА УСЛОВИЯХ НЕНОРМИРОВАННОГО РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ
TO THE QUESTION ABOUT THE LEGAL REGULATION OF WORK CONDITIONS,
IRREGULAR WORKING TIME**

Барков А.Д., Ростов-на-Дону, магистрант 2 года обучения Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Barkov A.D., Rostov-on-don, master's student 2 years of study of Rostov Institute (branch) of the Ministry of justice of RUSSIA (RPA) in Rostov-on-don.

e-mail: elena.barckova2017@yandex.ru

Аннотация: О правовом регулировании и проблемах применения рабочего времени за пределами установленной продолжительности. Особое внимание уделено работе с ненормированным рабочим днем.

Annotation: About legal regulation and problems of application of working hours outside the established duration. Special attention is paid to work with irregular working hours.

Ключевые слова: режим рабочего времени, сверхурочная работа, ненормированный рабочий день.

Keywords: working hours, overtime, irregular working day.

Неизбежность определения рабочего времени за пределами установленной продолжительности, как правило, возникает в сложных экономических ситуациях и при сложившихся социальных условиях труда у конкретного работодателя. Между тем такой вид рабочего времени предусмотрен действующим трудовым законодательством и регулируется специальной статьей 97 ТК РФ.

Во избежание злоупотреблений со стороны работодателя и бесконтрольности применения сверхурочных работ, нормы трудового законодательства обеспечивают правовую регламентацию работы за пределами установленной продолжительности.

Ю.П. Орловский[1] называет такой подход новым, поскольку, как правило, работа сверх установленного количества рабочих часов, относилась к сверхурочной. И лишь поэтому, работа, при неполном рабочем дне, сверх установленной половинной нагрузки, не считалась сверхурочной.

В настоящее время, для лиц, которым установлено сокращенное рабочее время, работа, выполненная сверх этой нормы, не может считаться сокращенной, поскольку выходит за пределы сокращенного рабочего времени.

Как справедливо замечает В. Егоров, время переработки в таких случаях не может быть признано нормальной продолжительностью рабочего времени, поскольку работникам с

неполным рабочим временем, по соглашению с работодателем, устанавливаются нормативы рабочего времени [2]. В связи с чем, продолжительность неполного рабочего времени, установленная работнику всегда должна соблюдаться[3].

Действующее законодательство предусматривает лишь два случая возможности привлечения работника к работе сверх установленной продолжительности: в случае выполнения сверхурочных работ (ст. 99 ТК РФ) и при выполнении работы на условиях ненормированного рабочего времени (ст. 101 ТК РФ).

Как видим, общим для этих норм является то, что и в том, и в другом случае работник выполняет работу за пределами установленной продолжительности рабочего времени.

В настоящей статье уделим внимание особенностям правового регулирования работы с ненормированным рабочим днем. Отметим, что в действующем законодательстве понятие «ненормированного рабочего дня» закреплено отдельной правовой нормой, что по справедливому мнению В. Егорова «само по себе является положительным фактом» [4]

Согласно ст. 101 ТК РФ «ненормированный рабочий день — особый режим работы, в соответствии с которым отдельные работники могут по распоряжению работодателя при необходимости эпизодически привлекаться к выполнению своих трудовых функций за пределами, установленной для них продолжительности рабочего времени.

Перечень должностей работников с ненормированным рабочим днем устанавливается коллективным договором, соглашениями или локальным нормативным актом, принимаемым с учетом мнения представительного органа работников».

Обращает на себя внимание часть вторая статьи, где указано на необходимость определения работодателем перечня должностей работников, для которых устанавливается ненормированный рабочий день.

На практике, в большинстве случаев, в организациях отсутствует, утвержденный в установленном порядке перечень таких должностей, а ненормированный рабочий день устанавливается «для работников, выполняющих организационно-распорядительные функции; рабочее время, которых не поддается точному учету либо распределяющих рабочее время по своему усмотрению, и др.»[5]. Условия работы с ненормированным рабочим временем оговариваются сторонами на стадии заключения трудового договора, когда работник, подписывая договор, дает согласие на выполнение работы за пределами установленной продолжительности рабочего времени.

Вместе с тем для этой категории работников устанавливается определенный режим рабочего времени с началом и окончанием рабочего дня, предоставлением времени для приема пищи (перерывы на обед), запретом работы в выходные и праздничные дни.

Объем рабочего времени для лиц с ненормированным рабочим днем определяется таким образом, чтобы работник выполнял свои трудовые функции, как правило, в пределах нормального рабочего времени. Работодатель не имеет права возлагать на таких работников выполнение функций, не обусловленных трудовым договором.

И как отмечает Н. Бацвин, эти категории работников, «лишь эпизодически, по

распоряжению работодателя, а не по своей инициативе, при наличии бизнес-необходимости работают за пределами установленной нормы рабочего времени, что может быть выражено или в более раннем прибытии на рабочее место, или в более позднем убытии с рабочего места домой» [6].

Таким образом, работник, выполнивший по своей инициативе работу за пределами установленной продолжительности, не может претендовать на повышенную оплату своего труда.

Согласно требованиям части 1 статьи 101 ТК РФ, работодатель вправе привлекать работника к работе сверх установленной продолжительности лишь эпизодически и по соответствующему распоряжению.

Следует отметить, что указанная норма, не смотря на неоднократные замечания, до настоящего времени не носит конкретного характера. Законодатель не определяет количество возможных «эпизодов» за определенный период времени, дающих право работодателю привлекать работника в работе сверх установленной продолжительности. Отдельные работодатели, злоупотребляя правом, привлекают работников к сверхурочной работе довольно часто, прикрываясь установленным ненормированным рабочим днем. При этом сверхурочная работа не оплачивается, а переработанное время компенсируется предоставлением дополнительного отпуска.

Законодатель не определяет и количество часов, которые работник должен отработать на условиях ненормированного рабочего времени.

Кроме того, в законодательстве нет конкретного указания на форму вынесения распоряжения (письменную или достаточно устного) работодателя о привлечении работника к работе сверх установленной продолжительности.

Не решенными остаются вопросы о правомерности предоставления работнику, работающему на условиях ненормированного рабочего времени, дополнительного отпуска в случаях, если он не привлекался к работе сверх установленной продолжительности ни разу в течение года; о необходимости ведения учета фактически отработанного работником сверх установленной нормы.

Отметим, что согласно требованиям части 4 статьи 91 ТК РФ работодатель обязан вести учет времени, фактически отработанного каждым работником. При этом в статье не даны указания, на какой либо определенный режим рабочего времени, таким образом, учет рабочего времени должен производиться и работников, работающих в режиме ненормированного рабочего времени.

Что же касается предоставления дополнительного отпуска, компенсирующего работу в режиме ненормированного рабочего времени, то следует обратиться к статье 119 ТК РФ, где указано, что ежегодный дополнительный отпуск предоставляется «работникам с ненормированным рабочим днем», а не за работу в режиме ненормированного рабочего времени.

Действующее законодательство также не стоит на месте. С июня 2017 года статья 101 ТК РФ дополнена частью 2 предусматривающей возможность привлечения к работе с ненормированным рабочим днем лиц, работающих на условиях неполного рабочего времени. При этом, ненормированный рабочий день может устанавливаться, только если соглашением сторон трудового договора установлена неполная рабочая неделя, но с полным рабочим днем (сменой) [7].

Кроме того, в литературе отмечается, что в Госдуме России обсуждается законопроект, которым предлагается существенным образом реформировать возможность применения ненормированного рабочего дня. В нем содержится немало неоднозначных положений, относящихся, например, к понятию ненормированного рабочего дня, ограничению его продолжительности и предоставлению за работу на таких условиях гарантий.

Вместе с этим нельзя не обратить внимания на повсеместное злоупотребление работодателями возможностью установления ненормированного рабочего дня без реальной необходимости, что существенно ограничивает право работников на отдых. Что еще раз указывает на необходимость более четкого законодательного регулирования данной сферы трудовых отношений. На наш взгляд необходимо законодательно закрепить количество эпизодов для определенного времени (недели, месяца), в течение которого работодатель может привлекать работника к работе сверхустановленной продолжительности на условиях ненормированного рабочего времени, а также предусмотреть ответственность за нарушение установленной нормы.

Литература:

1. Трудовое право России: Учебник / Отв. ред. А.Ф. Нуртдинова, Ю.П. Орловский. - 3-е изд. - М.: НИЦ ИНФРА-М: Контракт, 2013. - VIII, 648 с. // <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=397615>
2. Егоров В. Режим неполного рабочего времени / В. Егоров // ЭЖ-Юрист.- 2015.- № 21.- С. 11.
3. Бабинцев А. На условия неполного рабочего дня / А. Бабинцев // ЭЖ-Юрист.- 2014.- № 4.- С. 11.
4. Егоров В. Тонкости ненормированного рабочего времени / В. Егоров // ЭЖ-Юрист. - 2017.- № 15.- С. 13.
5. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (краткий, постатейный) / И.Я. Белицкая, А.Ф. Нуртдинова, Ю.П. Орловский и др.; отв. ред. Ю.П. Орловский. 3-е изд. М.: КОНТРАКТ, 2017. 608 с.
6. Бацвин Н. Анализ судебной практики по делам, связанным с работой в условиях ненормированного рабочего дня / Н. Бацвин // Трудовое право.- 2012.- № 10.
7. Бережнов А. Какие новшества грядут в трудовом законодательстве? / А. Бережнов // ЭЖ-Юрист.- 2017.- № 50.- С. 6.

УДК 349.22

**ПРАВА РАБОТНИКОВ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ
THE RIGHTS OF WORKERS IN THE FIELD OF PERSONAL DATA PROTECTION**

Гейко А.О., Ростов-на-Дону, магистрант 2 года обучения Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Gayko A.Oh., Rostov-on-don, master's student 2 years of study of Rostov Institute (branch) of the Ministry of justice of RUSSIA (RPA) in Rostov-on-don.

e-mail: stasya7777@bk.ru

Аннотация: В статье отражены основные права работников в сфере защиты его персональных данных, переданных для хранения, использования и обработки работодателю. О нарушениях установленных прав работников в этой сфере и путях их устранения.

Annotation: The article reflects the basic rights of employees in the field of protection of their personal data transferred for storage, use and processing to the employer. About violations of the established rights of workers in this sphere and ways of their overcoming.

*Ключевые слова: персональные данные, обработка информации, защита информации.
Keywords: personal data, information processing, information protection.*

В современном мире, когда стремительное развитие технологий изменяет образ жизни населения планеты, возрастает риск утечки информации о частной жизни человека. В связи с этим возникает необходимость в усовершенствовании правового механизма защиты персональных данных с учетом быстро развивающихся информационных технологий.

Особенно актуальна данная проблема в сфере трудовых правоотношений. Соискатель вакантной должности, работник, руководитель организации постоянно сталкиваются с вопросом правомерности предоставления, получения и обработки тех или иных сведений частного характера. В трудовом законодательстве поверхностно регламентированы механизмы защиты права неприкосновенности частной жизни работников, не урегулированы границы вмешательства работодателя в частную жизнь работников на рабочем месте. Этот вопрос особенно остро встает при осуществлении работодателем мониторинга работников с применением таких средств, как прослушивание служебного телефона, видеонаблюдение, просмотр и использование электронной почты и др. Личная жизнь работника не ограничивается только тайнами переписки, переговоров и иными правами, закрепленными в ст. 24 Конституции РФ, она охватывает куда более широкий спектр явлений.

В нашей стране впервые вопросы о защите информации в общих чертах были закреплены в Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» [1], на сегодняшний день уже утратившем силу. Закон не решил всех проблем, возникающих в сфере защиты персональных данных. На

данный момент положение коренным образом изменилось.

Право на защиту персональных данных работника является проявлением конституционного права на неприкосновенность частной жизни и составляет следующий комплекс прав:

- 1) право обладать персональными данными;
- 2) право на их защиту;
- 3) право пользоваться иными смежными правами, установленными законодательно (например, правом на семейную тайну, на защиту доброго имени).

Однако, на практике зачастую сложно определить границы, нарушаемые при запросе работодателем персональных данных. Пользуясь недостаточно точными формулировками, пробелами в законодательстве, на предприятиях операторы персональных данных сознательно нарушают обозначенные права.

Так, трудовым законодательством предусмотрено право работодателя на охрану своего имущества, однако в нем нет запретов на осуществление контроля за работником путем прослушивания телефонных переговоров, просмотра переписки, компьютерных файлов и т.д. Таким образом, с одной стороны ТК РФ предусматривает нормы, требующие уважения и неприкосновенности частной (личной) жизни работника, с другой — предоставляет работодателю свободу контроля над личной жизнью работника.

В частности, проблематично установить рамки допустимого видеонаблюдения на производстве. К правилам организации видеомониторинга относятся: строгое соответствие использования видеозаписи целям производства, при этом работник уведомлен под расписку заранее, применяется принцип открытости, то есть имеют место предупреждающие таблички, обозначающие местоположение камеры. Однако на практике зачастую на видеозаписи попадают моменты частной жизни работников, например, прием медикаментов. В отношении сведений о состоянии здоровья работника законодательством предусматриваются жесткие рамки, запрещается истребовать данные сведения. Исключением является информация, которая требуется работодателю при допуске тех или иных лиц к исполнению определенных обязанностей. Таким образом, мы видим несоответствие практического применения законодательству.

Работник занимает подчиненное положение по отношению к работодателю, так как правила внутреннего трудового распорядка утверждаются работодателем, что предполагает наличие ограничений свободы и личных прав работника. Тем не менее, работодатель обязан предусматривать способы защиты частной жизни сотрудников [2].

Согласно п. 1 ст. 89 ТК РФ работник имеет возможность беспрепятственно знакомиться с локальным нормативным актом организации, регулирующим получение, обработку, хранение, предоставление и т.д. персональных данных работников [3].

Оператор, к которому обратился работник, должен безвозмездно предоставить ему сведения о его персональных данных в доступном виде.

В случаях отказа в предоставлении таких сведений «оператор должен дать в

письменной форме мотивированный ответ в срок до 30 рабочих дней со дня обращения работника или его представителя» [4].

Однако, в связи с низким уровнем информированности граждан о положениях Конституции РФ и Трудового Кодекса РФ, а также в связи с некоторой нечеткостью формулировок, часто возникают сложности при истребовании работником указанных сведений.

Не так давно трудовое законодательство было дополнено требованием о наличии в организациях, предприятиях и учреждениях локального нормативного акта – Положения о защите персональных данных работников, который обязан разработать работодатель с целью охраны персональных данных работников.

Положение о персональных данных работников принимается работодателем единолично. При этом коллективным договором, соглашениями может быть предусмотрено принятие этого документа по согласованию с представительным органом работников. Положение о персональных данных работника, как и любые положения, относится к документам, вступающим в силу после процедуры их утверждения, подписывается руководителем кадровой службы. Документ может быть согласован с заинтересованными должностными лицами, например, работниками бухгалтерии, юридической службы, службой безопасности. С ним следует ознакомить весь персонал организации под роспись. Роспись об ознакомлении с положением содержит следующие данные: фамилия, имя, отчество работника, структурное подразделение, должность, дата, подпись.

К наиболее часто встречающимся нарушениям порядка обработки персональных данных в организации относят:

- несоответствие внутренних документов оператора требованиям действующего законодательства или не раскрываются должным образом;
- сотрудники оператора не имеют специальных познаний в области защиты прав субъектов персональных данных; отсутствие лица, ответственного за организацию обработки персональных данных;
- операторы осуществляют сбор избыточных сведений персонального характера, запрашиваемых у субъектов;
- практика «сознательного правонарушения», когда оператор предпочитает заплатить незначительный административный штраф вместо приведения своей деятельности в соответствие с требованиями законодательства в области персональных данных;
- обработка персональных данных без уведомления Роскомнадзора, а равно несоответствие информации, содержащейся в уведомлении, фактической деятельности;
- обработка персональных данных продолжается и после достижения цели обработки[5].

Итак, обобщая рассмотренные выше положения, хочется отметить, что в целом при обработке, хранении и использовании персональных данных недопустимо принятие решений, основанных только на автоматизированной обработке персональных данных,

которые порождают юридические последствия относительно субъекта персональных данных или как-то иначе затрагивают его права и законные интересы. Представляется целесообразным направить внимание на совершенствование работы кадровой службы, повышение юридической грамотности операторов персональных данных. Большое количество ошибок возникают в связи с низким уровнем информированности работников о положениях действующего законодательства.

Мероприятия по защите персональных данных должны включать организацию регулярных разноуровневых проверок соблюдения законодательных предписаний, регламента организации по хранению и работе с такими сведениями.

Работникам и иным субъектам персональных данных должно быть предоставлено право защиты своих прав и законных интересов, а также право возмещения убытков, компенсация морального вреда. Поэтому было бы целесообразным распространить понятие «личная жизнь» на личное время работника, которым он вправе распоряжаться по своему усмотрению.

При определении допустимых границ в запрашиваемой работодателем информации следует руководствоваться целевым назначением ее получения. По большому счету любое действие с персональными данными будет считаться обработкой. Потому даже если кто-то видит персональные данные на экране монитора, или использует их для ведения служебных переговоров – все это обработка. Таким образом, регламент работы отдела кадров должен быть направлен на решение задач обеспечения безопасности персональной информации с применением современных технологий и средств защиты.

Также предлагается определить перечень ситуаций, в которых вмешательство работодателя в частную жизнь работника недопустимо. В частности, правомерность применения таких методов контроля качества производства, как видеонаблюдение, аудиозапись, мониторинг служебной переписки, требуют уточнения и приведения в соответствие с конституционными нормами.

Литература:

1. Об информации, информатизации и защите информации: Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ (ред. от 10.01.2003) (Утратил силу) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 8. – ст. 609.
2. Осипова О.О. Правовое регулирование прослушивания работодателем служебных переговоров работника // Законодательство и экономика. 2014. № 12. С. 62 - 65.
3. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. / ред. К.Н. Гусова, З.Г. Тучкова; 9-е изд., испр., доп. и перераб. – М.: Проспект, 2014. – С. 90.
4. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / М.А. Бочарникова, З.Д. Виноградова, А.К. Гаврилина и др.; отв. ред. Ю.П. Орловский. 6-е изд., испр., доп. и перераб.— М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2014. – С. 173.
5. Буркова А.Ю. Пути совершенствования законодательства и практики о персональных данных // Право и экономика. 2016. № 10. С. 8 - 12.

УДК 349.222

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОТПУСКОВ
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF GRANTING LEAVES**

Барков А.Д., Ростов-на-Дону, магистрант 2 года обучения Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Barkov A.D., Rostov-on-don, master's student 2 years of study of Rostov Institute (branch) of the Ministry of justice of RUSSIA (RPA) in Rostov-on-don.

e-mail: elena.barckova2017@yandex.ru

Аннотация: В данной статье исследованы вопросы правового регулирования прав работников на отдых и его видах. Рассмотрен порядок предоставления различных видов отпусков и проблемы, возникающие в ходе реализации соответствующих правовых норм.

Annotation: This article examines the issues of legal regulation of workers' rights to rest and its types. The order of granting different types of holidays and the problems arising in the course of implementation of the relevant legal norms are considered.

Ключевые слова: время отдыха, трудовой отпуск, дополнительные отпуска, ученический отпуск, специальный отпуск.

Keywords: rest time, work leave, additional leave, student leave, special leave.

Одним из гарантированных Конституцией РФ прав граждан является право на отдых, которое может быть реализовано путем установления определенной продолжительности рабочего дня, предоставление перерывов в работе, выходных и праздничных дней, отпусков и т.д. Такие виды отдыха предоставляется лицам, работающим по трудовому договору [1].

Все виды предоставляемого работнику отдыха законодательно закреплены в статье 107 ТК РФ, это: перерывы в течение рабочего дня (смены); ежедневный (междусменный) отдых; выходные дни (еженедельный непрерывный отдых); нерабочие праздничные дни; отпуска.

Порядок предоставления времени отдыха другим категориям лиц, например, лицам, проходящим военную службу по контракту, служащим органов МВД и т.п., предоставление времени отдыха регламентируется кроме трудового законодательства и иными специальными нормативными актами. Однако цель предоставления времени отдыха является для всех одинаковой – освобождение от исполнения трудовых обязанностей и использование свободного времени для восстановления физических сил и трудоспособности, саморазвития и самообразования, выполнения иных дел. Реализация права на полноценный отдых, безусловно, способствуют повышению производительности труда, поддержанию дисциплины труда на более высоком уровне, а в иных сферах – обеспечению «обороны и безопасности нашего государства» [2].

Говоря об отпусках, следует отметить, что их можно условно разделить на две группы: предоставляемые для отдыха и специальные отпуска, предоставляемые для определенных целей.

Основной целью первой группы отпусков является отдых и восстановление работоспособности работника [3]. Специальные отпуска предоставляются работнику для осуществления каких-то целей, например, творческий отпуск для выполнения научной работы; отпуск по уходу за ребенком и т.д. [3].

Отпуск как время отдыха включает ежегодный основной и дополнительный оплачиваемые отпуска. Однако перечень отпусков не является исчерпывающим.

Трудовым законодательством закреплено право работника на отпуск без сохранения заработной платы. По поводу данного вида отпуска автор разделяет мнение Е.Г. Ситниковой и Н.В. Сенаторовой [4], которые подчеркивают факт, свидетельствующий о том, что отпуск без сохранения заработной платы, не всегда можно отнести к отпуску для отдыха, поскольку его чаще используют при определенных обстоятельствах, например, в случае поступления в учебное заведение, болезни, ухода за больным родственником и т.д. Аналогичного мнения придерживаются Т. Ю. Сергеева и В. А. Фролов [5].

Интересным представляется высказывание Г.О. Кутафиной, которая не только относит отпуск без сохранения заработной платы к отпускам для отдыха, но и подчеркивает, что «некоторых случаях цели отпусков связаны с гуманностью и нравственным долгом» [6].

Продолжительность основного трудового отпуска, предоставляемого в Российской Федерации (28 календарных дней), соответствует требованиям, ратифицированной в июле 2010 года на территории нашего государства Конвенции № 132 Международной организации труда «Об оплачиваемых отпусках» [7], обязывающей государства членов МОТ устанавливать оплачиваемый отпуск продолжительностью не менее трех недель. Указанные рекомендации Конвенции вовсе не означают, что наш работодатель обязан исполнять нормы Конвенции буквально и снизить продолжительность отпуска российским работникам. К примеру, французское законодательство установило ежегодный отпуск для работников сроком на 5 недель.

В целях приведения российского законодательства в соответствие нормам международных правовых актов, в Государственной Думе России неоднократно предпринимались попытки скорректировать количество нерабочих праздничных дней. В частности обсуждалось предложение о сокращении до минимума количества праздничных дней в году и одновременно внесении дополнений в статью 116 ТК РФ, регламентирующую предоставление дополнительных отпусков. Продолжительность такого отпуска должна быть не менее 10 календарных дней. Использовать дни такого отпуска работник мог бы по своему усмотрению, не зависимо от срока предоставления основного отпуска.

Замена праздничных дней дополнительным отпуском аргументирована тем, что на территории России работает значительное число иностранных мигрантов, которым

русские праздники не интересны. В связи с чем, предоставление дополнительных отпусков не должно распространяться на иностранных лиц и лиц без гражданства.

Таким образом, получается, что в период русских праздников иностранные лица могут (или должны) работать при этом не получая никаких компенсаций, а россиянам работа в праздничные дни может быть компенсирована предоставлением дополнительного отпуска.

На наш взгляд, такие предложения не могут быть приняты, поскольку они носят явный дискриминационный характер.

Следует отметить, что материалы судебной практики и проведенные исследования свидетельствуют о довольно часто допускаемых фактах нарушений требований трудового законодательства, регулирующего порядок предоставления отдыха работникам.

Самыми распространенными нарушениями со стороны работодателей являются:

- не предоставление в течение двух лет подряд очередного отпуска работнику; а лицам, работающим на работах с вредными и опасными условиями труда – дополнительного отпуска;
- предоставление более короткого отпуска, по сравнению с установленной законом продолжительностью;
- необоснованная замена причитающегося основного трудового отпуска денежной компенсацией и другие.

Рассмотрим особенности некоторых проблем в сфере реализации права на отдых.

Действующее трудовое законодательство внесло некоторые коррективы в общий порядок предоставления трудового отпуска и закрепило в статье 122 ТК РФ право работника на использование первого очередного трудового отпуска через шесть месяцев непрерывной работы у одного работодателя. Отпуск предоставляется в полном объеме, т.е. как за отработанный год. Таким образом, работнику, проработавшему шесть месяцев, отпуск предоставляется авансом. А это обстоятельство создает работодателю определенные проблемы. Как справедливо указывает Е. Вершкова, у работодателя возникает «риск причинения убытков в виде задолженности по отпускным за неотработанные дни отпуска в случае увольнения этого работника до окончания того рабочего года, за который был предоставлен отпуск» [8]. Так, если работник, использовав отпуск авансом, принял решение уволиться по собственному желанию, не отработав положенный период (год) и при этом отказывается от уплаты суммы неотработанных отпускных, а работодатель при расчете не может произвести удержания указанной суммы из заработной платы из-за недостаточности средств. То подлежащая возврату сумма неотработанных дней отпуска будет отнесена на убытки работодателя, поскольку действующее законодательство не содержит оснований взыскания указанной суммы задолженности в судебном порядке.

До настоящего времени одной из главных проблем предоставления дополнительных отпусков лицам, работающим во вредных и тяжелых условиях труда, является вопрос о статусе Списка производств, цехов, профессий и должностей с вредными условиями труда, а также Инструкции о порядке его применения [9].

Надо ли предоставлять работнику ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск, если соответствующее производство, цех, профессия или должность поименованы в Списке, но по результатам аттестации рабочего места по условиям труда установлены безопасные условия труда?

И надо ли устанавливать работнику ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск, если по результатам аттестации рабочего места по условиям труда оно признано не соответствующим государственным стандартам и нормам, но соответствующее производство, цех, профессия или должность отсутствуют в Списке?

Эти вопросы рассматривались Верховным и Конституционным Судами Российской Федерации. Суды пришли к единому мнению, согласно которому «в качестве основания предоставления компенсаций работникам, занятым на работах во вредных и (или) в опасных условиях труда, следует признавать конкретные условия труда, определяемые по результатам аттестации рабочих мест, а не наличие указания на профессию, должность в каком-либо перечне, в частности в указанном Списке».

С другой стороны, замена натуральных гарантий на отдых денежной компенсацией не лучшим образом может «способствовать» укреплению здоровья работающих граждан нашей страны и сохранению генофонда.

Исследуя виды специальных отпусков, предусмотренных российским трудовым законодательством, остановимся на характеристике ученического отпуска, ставшего в нашей стране наиболее популярным [3].

Отметим, что на протяжении нескольких лет, представители работодателей предпринимают попытки к изменению порядка предоставления и оплаты ученических отпусков. Предлагается не предоставлять и не оплачивать ученические отпуска работникам, обучающимся без отрыва от производства, но по профилю не связанному с работой. Объясняется это тем, что работники удовлетворяют свои потребности в повышении образования, а работодатель к этому не имеет ни какого отношения, поэтому и не должен оплачивать ученический отпуск. Многие работодатели, в нарушение действующего законодательства отказываются предоставлять и оплачивать дополнительный ученический отпуск работнику, поступившему по своей инициативе в учебное заведение и обучающемуся без отрыва от производства.

На первый взгляд, действительно, почему работодатель должен предоставлять в ущерб своего производства, а еще и оплачивать отпуск работнику, который после окончания учебного заведения будет искать работу по профилю и полученному образованию? Ведь ему самому нужны высококвалифицированные специалисты.

С другой стороны, стране нужны специалисты всех направлений, а работники не все могут работать там, где им интересно и где они больше всего нужны. При нынешней растущей безработице и низкой занятости молодого населения, граждане устраиваются на любую работу, где можно получить хоть какой-то доход. И в этой ситуации государство гарантирует лицам, обучающимся без отрыва от производства определенные льготы, а не

работодатель. Работодатель здесь выступает в качестве исполнителя законодательных норм и обязан предоставлять и оплачивать ученические отпуска, независимо от того обучается работник по его направлению, или по своей инициативе, по профилю работы или нет.

Кроме того следует учитывать требования Всеобщей декларации прав человека 1948 г., и ратифицированной Россией 27 мая 2014 года Конвенции МОТ № 140 «Об оплачиваемых учебных отпусках» [7], предусматривающие необходимость осуществления постоянного процесса образования, подготовки и переподготовки, обусловленного научно-техническим прогрессом и изменяющейся структурой экономических и социальных отношений.

Таким образом, в заключении можно сделать вывод о том, что, несмотря на относительную урегулированность исследуемой тематики, в вопросах порядка предоставления отпусков возникают проблемы, требующие дальнейшей разработки и совершенствования.

Литература:

1. Костян И.А. Ежегодный оплачиваемый отпуск: отдельные вопросы применения трудового законодательства / И.А. Костян // Трудовое право в России и за рубежом.– 2014.– № 4.– С. 40 - 44.
2. Кузнецов А.Р. Особенности реализации военными служащими, проходящими военную службу по контракту, конституционного права на отдых // Право в Вооруженных Силах.– 2017.– № 6.– С. 29 - 34.
3. Постников Н. А. Виды и основания классификации отпусков // Научные новации трудового права и права социального обеспечения: Сборник материалов участников секции трудового права и права социального обеспечения Московского юридического форума / отв. ред. К. Д. Крылов, Э. Г. Тучкова, О. А. Шевченко.– М., 2014.– С. 119.
4. Ситникова Е. Г. Трудовой кодекс Российской Федерации. Раздел IV. Рабочее время. Раздел V. Время отдыха: постатейный научно-практический комментарий / Е.Г. Ситникова, Н.В. Сенаторова.– М.: Библиотечка «Российской газеты».– 2013. Вып. IX–X. – С. 483.
5. Сергеева Т. Ю. Все об отпусках, 2-е изд., испр. / Т.Ю. Сергеева, В.А. Фролов.– М.: Омега-Л, 2013. – С. 93.
6. Кутафин Г. О. Отпуск без сохранения заработной платы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.О. Кутафина.– М., 2012.– С. 11.
7. О ратификации Конвенции (пересмотренной в 1970 году) об оплачиваемых отпусках (Конвенции № 132): федеральный закон от 1 июля 2010 г. № 139-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010.– № 27.– Ст. 3423 // СПС «Консультант Плюс».
8. Вершкова Е. Риски работодателя при предоставлении отпусков авансом / Е. Вершкова // «Трудовое право». – 2015.– № 7.
9. Назаров Р. Главная правовая проблема при реализации работниками права на дополнительный отпуск за работу во вредных и (или) опасных условиях труда / Р. Назаров // «Трудовое право». – 2013.– № 4.

УДК 349.22

**ОБРАБОТКА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ РАБОТНИКА, ОБЯЗАННОСТИ
ОПЕРАТОРА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ
THE PROCESSING OF PERSONAL DATA OF THE EMPLOYEE, THE DUTIES
OF PERSONAL DATA OPERATOR**

Гейко А.О. Ростов-на-Дону, магистрант 2 года обучения Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Gayko A.Oh. Rostov-on-don, master's student 2 years of study of Rostov Institute (branch) of the Ministry of justice of RUSSIA (RPA) in Rostov-on-don.

e-mail: stasya7777@bk.ru

Аннотация: О правах и обязанностях работника по предоставлению персональных данных работодателю и обязанностях работодателя по соблюдению норм в сфере сбора, обработки и хранения информации о персональных данных работников.

Annotation: About the rights and duties of the worker on providing personal data to the employer and obligations of the employer on observance of standards in the field of collecting, processing and storage of information on personal data of worker.

Ключевые слова: персональные данные работника, оператор информационных систем, хранение персональных данных, обработка персональных данных.

Keywords: personal data of the employee, operator of information systems, storage of personal data, processing of personal data.

В настоящее время развитие информационных технологий и активное внедрение их в условия работы предприятий остро ставит вопрос о защите персональных данных работников. Современные технологии обработки и хранения информации зачастую недоработаны, нуждаются в серьезной технической базе, обеспечить которую организации не в состоянии. Как следствие, могут возникать сбои в работе отделов кадров. Предоставляя работодателю информацию о себе, работник должен быть уверен, что установленные законом права на неприкосновенность частной жизни не будут нарушены.

Персональные данные работника — это «в первую очередь информация, которая имеет отношение к профессиональной квалификации работника, его деловым, профессиональным качествам и к требованиям, которые могут быть к ним предъявлены в связи с характером работы»[1].

С принятием Закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» все работодатели получили статус операторов информационных систем персональных данных, и это наложило на них целый комплекс дополнительных обязанностей, потребовало организационной перестройки кадрового дела и документооборота [2].

В целях унификации структуры понятия «оператор персональных данных», законодатель охватил вышеуказанным понятием деятельность всех организаций, в которых предусмотрена работа с персональными данными.

В законе особо подчеркнута необходимость обозначения целей сбора и обработки персональных данных. Как следствие, цели имеют определяющее значение при определении степени допуска операторов к персональной информации при работе с ней. По признаку цели обычно выделяют организационную деятельность, обоснование целей и способов работы с персональной информацией, а также сам процесс обработки.

При этом лишь в третьем случае работодатель может затронуть гражданские права и свободы своих сотрудников, их частную жизнь. Поэтому именно последнему этапу следует уделить большое внимание при формировании законодательных ограничений, необходимо создать гарантии защиты личных интересов работников.

Получая персональные данные от работника, работодатель обязан:

- разрабатывать и принимать локальные нормативные акты, регламентирующие порядок хранения и использования персональных данных работников;
- назначать сотрудника, в чьи непосредственные обязанности входит контроль процесса обработки персональных данных;
- определять способы, формы и средства хранения таких данных;
- предусматривать меры по обеспечению сохранности персональных данных;
- знакомить работника под роспись с положением об организации работы с персональными данными;
- брать письменное согласие с работника на обработку персональных данных, которое должно содержать в себе перечень информации, предоставленной для обработки, а также согласие для передачи своих персональных данных третьим лицам с указанием этих лиц;
- направлять уведомление в Роскомнадзор об обработке персональных данных работников в случаях, предусмотренных законодательством РФ [3].

При взаимодействии представителя работника, работодателя, должностных лиц, осуществляющих обработку персональных данных, а также третьих лиц, получающих сведения о работнике, все эти лица выступают в качестве субъектов персональных данных. Работник, выразивший свое согласие на обработку персональных данных имеет право в любой момент отменить его.

Законодатель не обязывает работодателя получить письменное согласие работника на передачу его персональных данных, однако во избежание возможных споров с работником в дальнейшем работодателю целесообразно получить именно письменное согласие работника на такую передачу [4].

Тем не менее, это происходит только с момента заключения трудового договора, а вопрос получения и охраны персональной информации работников актуален уже при подборе персонала организацией. Работодатель вправе получить от соискателя документы, содержащие достаточно ограниченную информацию.

К основным обязанностям потенциального работника относится предоставление документов, указанных в ст. 65 ТК РФ, а также в иных федеральных законах, указах Президента РФ и постановлениях Правительства РФ. К примеру, Федеральный Закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 03.04.2017) «О государственной гражданской службе РФ» [5] говорит о необходимости предоставлять государственным служащим, помимо сведений, указанных в ст. 65 ТК РФ, справки из органов Федеральной налоговой службы, отражающей имущественное положение. Дополнительные требования также предъявляются при осуществлении приема на работу судей и служащих правоохранительных органов.

Зачастую работодатели считают, что лица, проходящие процедуру подбора и отбора на должность, пока не являются поступающими на работу, в связи с чем, организация вправе истребовать больший объем сведений, содержащихся в дополнительных документах, характеристиках, рекомендациях и т.д. Однако есть все основания считать указанную позицию неверной. Так, согласно ч. 2 ст. 1 ТК РФ, возникающие при трудоустройстве у работодателя отношения непосредственно связаны с трудовыми, и на них в полном объеме распространяется действие трудового законодательства.

Законом не регламентируются правовые последствия, наступающие при отказе лица на предоставление работодателю третьими лицами сведений, необходимых при заключении трудового договора. Тем не менее, логично предположить, что после подобного поведения лица, намеревающегося получить должность в организации, работодатель имеет все основания отказать ему в этом.

Отсутствие указанных в трудовом законодательстве документов препятствует вынесению работодателем решения о возможности заключить с таким претендентом трудовой договор, не нарушая обязательные правила приема на работу, установленные ТК РФ или иными правовыми актами. Не предоставив свое согласие на получение необходимой информации (необходимых документов) от третьих лиц, кандидат демонстрирует отсутствие деловых качеств, тем самым работодатель может отказать в заключении трудового договора [6]. Работодатель должен оповестить лицо, претендующее на получение должности, о последствиях заключения трудового договора в случае отказа предоставления персональных данных.

В обязанности работодателя входит ведение особой группы документации, представляющей собой документы по личному составу. Работа по документированию информации – обязательное условие внедрения в информационные ресурсы сведений. Для данной процедуры установлен специальный порядок документирования информации.

Работодателю необходимо обеспечить надлежащий уровень защиты персональных данных работников, используемых в период трудовых отношений, не противореча федеральным законам, иным нормативным правовым актам, регламентирующим охрану персональных данных работников от незаконного применения или утраты. Как справедливо отмечает В.И. Егоров, «важно сформировать систему хранения персональных данных работника так, чтобы не только не допустить неправомерное использование или утрату

сведений, но и обеспечить работнику возможность реализации своего права на ознакомление со всеми сведениями о нем, имеющимися (хранящимися) у работодателя» [7].

Обеспечить такие условия можно, например, предоставив необходимое помещение, иные технические средства (сейф, металлический несгораемый шкаф); ограничив доступ лиц к персональным данным работника; нормативно закрепив определенные условия получения, обработки, хранения и использования персональных данных; ознакомив с требованиями к обработке персональных данных лица, занимающиеся их обработкой, установив персональную юридическую ответственность специалистов, непосредственно выполняющих их обработку, за ненадлежащее получение, хранение, использование указанных сведений и передачи их третьим лицам.

В случаях, когда необходимость в хранении персональных данных работника утрачивается, либо цели обработки достигнуты, такие данные должны подвергаться процедуре уничтожения или обезличивания, если федеральным законом не предусмотрено иное.

Литература:

1. Овсянникова Е. Насколько эффективна защита персональных данных работников? / Е. Овсянникова // Трудовое право.– 2013.– № 2.– С. 91 – 102.
2. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / М.А. Бочарникова, З.Д. Виноградова, А.К. Гаврилина и др.; отв. ред. Ю.П. Орловский. 6-е изд., испр., доп. и перераб. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2014.
3. Маслова А. Как хранить персональные данные? // Трудовое право.– 2017.– № 1.– С. 57 - 69.
4. Федотова А. Приказ работодателя не для посторонних лиц // ЭЖ-Юрист.– 2017.– № 3.– С. 15.
5. О государственной гражданской службе РФ: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 06.04.2015 № 68-ФЗ (ред. 19.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 2004.– № 31.– Ст. 3215.
6. Гусов К.Н. Трудовое право: Учебник для бакалавров / К.Н. Гусов – М: Проспект.– 2015.
7. Егоров В.И. Трудовой договор: Учебное пособие / В.И. Егоров, Ю.В. Харитоновна. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: КНОРУС. – 2017.

УДК 343.3/7

**НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ
ИЛИ ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ В ЦЕЛЯХ СБЫТА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ
ILLEGAL TURNOVER OF STRONG OR TOXIC SUBSTANCES FOR THE
PURPOSE OF SALE AS A CRIME**

Абдулгазиев Р.З., к.ю.н., доцент, Жукова Т.Г., к.ю.н., доцент.

Abdulganiev R.Z., K. Yu.n., associate Professor, Zhukova T.G., K. Yu.n., associate Professor.

В статье раскрываются признаки состава преступления, предусмотренного с. 234.1 УК РФ, выявляются при этом трудности, возникающие при квалификации деяний, сопряженных с несанкционированным оборотом потенциально опасных психоактивных веществ. На этой основе делаются предложения по конкретизации признаков описываемого преступления.

The article reveals the features of the crime under article. 234.1 of the criminal code of the Russian Federation, identifies the difficulties arising in the qualification of acts associated with unauthorized trafficking of potentially dangerous psychoactive substances. On this basis, proposals are made to specify the features of the described crime.

Ключевые слова: психоактивные вещества, уголовная ответственность, квалификация преступлений.

Keywords: psychoactive substances, criminal liability, qualification of crimes.

Сегодня большой общественный резонанс вызывает распространение веществ, употребление которых наносит непоправимый вред человеку. Новым опасным явлением стало появление потенциально опасных психоактивных веществ, увеличение их несанкционированного употребления, нарушение оборота потенциально опасных психоактивных веществ и как следствие увеличилась смертность от употребления таких веществ.

Сложившейся криминологической ситуацией связанная с важностью защиты здоровья населения привело к появлению в Уголовном кодексе нового состава преступления: «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта» [1].

Под преступлением, предусмотренным ст. 234.1 УК РФ следует понимать виновно совершенные деяния, выразившиеся в сбыте или действиях, создающие предпосылки сбыта, нового потенциально опасного для человека вещества (изготовление, производство, переработка психоактивного вещества и т.д.)

В качестве объекта преступления предусмотренного ст. 234.1 Уголовного кодекса России выступает здоровье населения в целом (здоровье нации), а не отдельного человека.

Представляется, что «общественное здоровье - такое состояние, такое качество общества, которое обеспечивает условия для образа жизни людей, не обремененных заболеваниями, физическими и психическими расстройствами»[1].

Для здорового образа жизни одной из угроз является свободное распространение в обществе психоактивных веществ, потенциально опасных для здоровья человека.

Предлагается под непосредственным объектом посягательства такого преступления как незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ понимать защищаемые уголовным законом общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения путем регулирования оборота новых психоактивных веществ, потенциально опасных для человека. Такое определение непосредственного объекта позволит раскрыть сущность общественной опасности рассматриваемого преступления, его особенность.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 234.1 Уголовного кодекса России является лишь новое психоактивные потенциально опасное вещество. Психоактивные вещества - собирательный термин. Он характеризует медицинскую сущность этих соединений, заключающуюся в их особом воздействии на центральную нервную систему человека, способности стимулировать психическую деятельность, вызывать эйфорию, галлюцинацию, возбуждение, седативный (успокаивающий), снотворный эффекты и т.д.

Новые потенциально опасные психоактивные вещества отличаются от «старых» формальными признаками: к новым нельзя отнести те психоактивные вещества, которые включены в Перечне наркотических средств, психотропных веществ. К новым относятся только те, которые не входят в него, и включены в Реестр таких веществ. Правоприменителю, таким образом, устанавливая содержание предмета рассматриваемого преступления, достаточно обратиться к соответствующему Реестру. Размер сбытого психоактивного вещества для квалификации деяния по ст. 234.1 Уголовного кодекса России значения не имеет.

Порядок формирования и содержание Реестра устанавливаются федеральным органом исполнительной власти по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ. На сегодняшний момент положение о формировании реестра новых потенциально опасных веществ требует корректировки, в части уточнения органа, который его ведет. В соответствии с этим предлагаем дополнить ст. 234.1 УК РФ примечанием следующего содержания: «Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ в целях настоящей статьи и других статей настоящего Кодекса утверждается Министерством внутренних дел Российской Федерации».

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 234.1 УК РФ, является формальным, то есть преступление будет окончено в момент совершения лицом хотя бы одного из альтернативных действий, указанных в диспозиции статьи. К таким действия относятся незаконные производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, приобретение, ввоз на территорию Российской Федерации,

вывоз с территории Российской Федерации в целях сбыта, а равно незаконный сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Под незаконным производством психоактивных веществ потенциально опасных для человека следует понимать совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия, направленные на серийное получение таких веществ из растений, химических и иных веществ (например, с использованием специального химического или иного оборудования, производство потенциально опасных для человека веществ в приспособленном для этих целей помещении, изготовление партиями, хранение в расфасованном виде).

Незаконная переработка психоактивных веществ включает момент начала процесса переработки и не зависит от факта полной очистки от посторонних примесей или повышения в такой смеси концентрации новых потенциально опасных для человека психоактивных веществ.

Под незаконной пересылкой следует понимать действия лица, направленные на направление психоактивных веществ адресату. В таком случае действия по перемещению осуществляют его без непосредственного участия отправителя. При этом ответственность лица по ст. 234.1 Уголовного кодекса России как за оконченное преступление наступает с момента отправления посылки, письма, багажа, с содержащимся в нем указанным средством или веществом независимо от получения их адресатом. Сбыт психоактивных веществ выражается в их передачи другим лицам любым способом.

Состав преступления ст. 234.1 УК РФ по законодательной конструкции носит формальный характер. Преступление будет окончено, когда лицо совершит хотя бы одно из следующих незаконных действий: производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, приобретение, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации или сбыт предмета преступления. В отличие, от аналогичных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, размер психоактивного вещества на квалификацию не влияет.

Особенностью рассматриваемого состава преступления является то, что признак «незаконность» действия, совершаемых с психоактивными веществами определяется как отсутствие законодательного регулирования оборота указанного вещества.

Субъект рассматриваемого преступления определен как общий. Субъективная сторона – прямой умысел. В соответствии со ст. 234.1 УК РФ уголовная ответственность может наступать только, если описанные в статье деяния были совершены с целью сбыта психоактивных веществ. Если лицо приобретает, хранит, пересылает и даже производит психоактивное потенциально опасное вещество в личных целях, для собственного потребления или ради научного интереса – уголовной ответственности быть не может.

Таким образом, цель сбыта является криминообразующим фактором так как, именно цель передать психоактивное потенциально опасное вещество, которое еще до конца неизученное, другим лицам и предопределило общественную опасность преступления.

Квалифицированный вид незаконного распространения нового психоактивного вещества, потенциально опасного для человека, образованный в результате добавления к основному составу преступления такого особо квалифицирующего признака, как:

- совершение указанных действий группой лиц или организованной группой;
- причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека или наступление смерти.

Криминологический анализ способов совершения рассматриваемого преступления позволяет сделать вывод, что реклама психоактивного вещества, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет") может выступать в качестве обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность за незаконный сбыт новых потенциально опасных для человека психоактивных веществ.

Так как, такой способ сбыта, позволяет одновременно предлагать очень большому кругу лиц попробовать психоактивное вещество можно говорить о повышенной общественной опасности совершения преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996, N 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018)
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Порада Н. Е. Общественное здоровье и здравоохранение: курс лекций /Н. Е. Порада. – Минск : ИВЦ Минфина, 2017 – 126 с.

УДК 343.1

**ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ
PROBLEMS ARISING FROM THE INTERACTION OF BODIES OF PRELIMINARY
INVESTIGATION AND THE INQUIRY**

*Андреева О.С., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.*

*Andreeva O.S., graduate student of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry
of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.*

*Аннотация: В статье освещены наиболее часто встречающиеся проблемные
ситуации при взаимодействии органов дознания с органами предварительного следствия.*

*Annotation: The article highlights the most common problem situations in the interaction of
the bodies of inquiry with the bodies of preliminary investigation.*

*Ключевые слова: взаимодействие, органы дознания, органы предварительного
следствия, следователь, уголовно - процессуальный закон.*

*Key words: interaction, bodies of inquiry, bodies of preliminary investigation, investigator,
criminal procedure law.*

Многие аспекты проблем взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания до сих пор остаются дискуссионными [1]. Анализ законов «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности», УПК РФ говорит нам о том, что, действительно, перед органами внутренних дел стоят общие задачи, такие как: выявление, расследование, раскрытие совершенных преступлений. Это относится ко всем территориальным подразделениям дознания, полиции, к следственным подразделениям. В ходе расследования уголовных дел следователь достаточно часто прибегает к помощи других сотрудников органов внутренних дел. Так, например, спорной ситуацией для результативного взаимодействия является поручения следователя, адресатом которого всегда должен быть начальник соответствующего структурного подразделения органов внутренних дел, т.е. начальник органа дознания, либо его заместитель. Если же поручение от следователя придет любому другому сотруднику органов внутренних дел, то оно не будет являться правомерным. Законом определяется, что поручение от следователя органу дознания должно быть оформлено в письменном виде процессуальным документом. В действительности сложилась практика, когда следователь может дать указание в резолютивной части постановления о производстве следственного действия с указанием органа дознания, которому это поручается. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь также может давать поручения в проведении оперативно – розыскных мероприятий, проведении

определенных следственных действий, об исполнении постановления о задержании, приводе, аресте - органу дознания. Это не значит, что следователь просто перекладывает работу на другие органы, а это законодательно закрепленная возможность, которую можно обосновать определенными условиями. К таковым следует отнести:

1. Отсутствие в арсенале следователя средств, посредством которых можно добиться наступления желаемого результата.

2. Необходимость одновременного проведения следственных и процессуальных действий в разных местах.

3. Соразмерность затраченных ресурсов полученным результатам.

В случае, если есть необходимость допроса, например, свидетеля, который находится в другом городе, следователь может поручить это следственное действие другому следователю, по месту жительства свидетеля. Следователь может поручить органу дознания проведение любого процессуального действия, он сам определяет делать это или нет. Во многом все зависит от обстоятельств, учитывая еще и квалификацию органа дознания, сможет ли он в полной мере выполнить данное ему поручение.

4. Невозможность в силу ряда причин провести немедленно определенное процессуальное действие. Речь идет о таких процессуальных действиях, как задержание, арест, привод. Все это условия, необходимость выполнения которых зависит от органов дознания, но не от следователя.

Следователь может дать поручение органу дознания, но требовать проведения какого-либо конкретного оперативно – розыскного мероприятия он не в праве. Также, он может не знать или недооценивать возможности того или иного оперативно – розыскного мероприятия. Поэтому в поручении должно быть описание направления деятельности и желаемый результат. Орган дознания не вправе принимать самостоятельно решения по уголовно – процессуальному процессу, которым занимается следователь. Для проведения вообще какого-либо процессуального или следственного действия требуется постановление, которое должно быть либо им же, и вынесено, либо им получено в соответствии с УПК РФ.

Таким образом, исследовав законодательство, мы видим, что оно указывает, что именно следователь устанавливает срок выполнения его поручения органами дознания. К примеру, давая органу дознания поручение на выполнения привода свидетеля, следователь указывает дату и время, к которому нужно ему доставить свидетеля для проведения следственных действий. При определении времени на исполнение поручения, следователь не должен забывать о характере и срочности поручаемой работы. Для обыска в жилом помещении, например, можно указать точную дату и время. А вот при поручении оперативно – розыскных действий это уже не так просто сделать. Надо учитывать возможности органа дознания, объем работы, который зачастую не маленький. Поэтому следователю в случае длительности сроков выполнения его поручения, следует указать промежуточные сроки для предоставления результатов. От того, насколько исчерпывающие себя данные передаст следователь органу дознания, в ходе проведения предварительного

следствия, и от их объёма зависит скорость исполнения поручения, и качество выполнения работы. Этот момент немало важен для взаимодействия. Формулировка поручений должна в первую очередь соответствовать требованиям законодательства, быть четкой, краткой, понятной. Его толкование должно исключать двусмысленность. Это требование особенно должно соблюдаться, когда поручение дается следователем в резолютивной части.

Далее, обратим внимание на проблемные вопросы сокращенной формы дознания с позиции оценки прокурором законности и обоснованности выдвинутого дознавателем обвинения. С учетом особенностей обстоятельств, которые подлежат доказыванию, установление необходимой информации о преступлении происходит в рамках уголовного дела. Иные ситуации, при которых органами предварительного расследования предпринимаются попытки осуществить доказывание на более раннем этапе[2], порождают вопросы, а такая деятельность называется «квазипроцессуальной»[3]. Так, для обвинительного постановления, собранные доказательства дознавателем должны составлять основу обвинения в соответствии требованиям ст.226.7 УПК РФ. Описание перечня доказательств, подтверждающих обвинение, а также раскрытие их содержательной стороны необходимо для осуществления анализа, проверки, оценки, но и предварительного собирания; что направлено на соблюдение законности при вынесении дознавателем обвинительного постановления. При таких обстоятельствах положения ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ и ч. 1 ст. 226.5 УПК, закрепляющие пределы доказывания в процессе дознания в сокращенной форме, соотносятся как общее и частное, и нуждаются в уточнении. Поэтому от прокурора требуется тщательная проверка и оценка всех обстоятельств для привлечения лица к уголовной ответственности. В действительности у прокурора возникают вопросы к дознавателю, в связи с обоснованностью его процессуальной позиции, которая выстраивается только на признании обвиняемого в совершении преступления, сообщения им обстоятельств преступления. Если дознаватель решил себя не утруждать в наличии доказательственной основы, так как считает это излишним, то это может спровоцировать проблемы с возникающими вопросами по этому поводу у прокурора. Так как, признания обвиняемого и сообщения им обстоятельств совершенного преступления недостаточно для обвинительной позиции. Оно может быть положено в основу обвинения, лишь только в том случае, если есть ряд доказательств, подтверждающий виновность обвиняемого, об этом же нам и говорит ч. 2 ст. 77 УПК РФ. Часто происходят случаи, когда после направления уголовного дела прокурором в суд от участников, содействующих в уголовном судопроизводстве, поступает ходатайство о необходимости возвращения уголовного дела прокурору, с условием производства дознания в общем порядке.

Таким образом, следует отметить необходимость установления причин изменения позиции представителей уголовного дела, т.е. обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, - в законодательстве [4]. Это позволит своевременно выявить подтверждение самоговора, или опровергнуть его, либо выявить недостатки уголовно – процессуальной работы, по

итогам производства дознания в общем порядке. Это позволит повысить эффективность применения сокращенной формы дознания, как правового института.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.06.2018) // СПС «КонсультантПлюс»
2. О полиции: Федеральный Закон Российской Федерации (3-ФЗ) от 07.02.2011 (ред. от 3 августа 2018 года) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс»
4. Расширение перечня следственных действий, производство которых допустимо в стадии возбуждения уголовного дела, произошло после принятия и введения в действие Федерального закона от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ.
5. Жукова Н.А. Сокращенное дознание: шаг назад? // Актуальные проблемы прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования: Научно-практический бюллетень. Белгород, 2013.
6. Ковалев В. М. К вопросу о производстве дознания в исправительных учреждениях // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы дознания / под ред. Б. Б. Казака. — Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2013.
7. Корякин В.А. Имитация действия презумпции невиновности при производстве дознания в сокращенной форме // Российский следователь. 2015. N 9.
8. Муравьев К. Обстоятельства, препятствующие производству дознания в сокращенной форме, как основание для отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого // Уголовное право. 2014. N 6.

УДК 343.1

**ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ
THE FORMS OF INTERACTION OF BODIES OF PRELIMINARY
INVESTIGATION AND THE INQUIRY**

*Андреева О.С., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.*

*Andreeva O.S., graduate student of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry
of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.*

*Аннотация: в статье подробно освещаются формы совместной деятельности
органов предварительного следствия с органами дознания.*

*Annotation: the article describes in detail the forms of joint activities of the preliminary
investigation with the bodies of inquiry.*

*Ключевые слова: взаимодействие, следователь, уголовное дело, дознаватель,
процессуальная форма.*

Key words: interaction, investigator, criminal case, investigator, procedural form.

В юридической литературе неоднократно рассматривался вопрос о классификации форм взаимодействия следователя и органов дознания, которые в зависимости от организационных и тактических аспектов и содержательной стороны, возникших при этом отношений дифференцируются на процессуальные и организационно-тактические [1].

Взаимодействие следователя с органами дознания начинается со стадии возбуждения уголовного дела. Уголовно процессуальным законом такие правовые формы взаимодействия в контексте отношений в процессе расследования предусмотрены в статье 156 УПК РФ. Сущность этого взаимодействия заключается в параллельных и одновременных действиях следователя и органов дознания. Каждый занимается своей деятельностью в рамках обусловленных полномочий. Например, следственные действия осуществляет следователь, тогда как сотрудники оперативно-розыскной деятельности в полной мере осуществляют мероприятия в этой направленности. Это позволяет в полной мере заниматься каждому своей работой при этом, не упуская важных моментов, которые могут негативно отразиться на результатах совместной деятельности.

Под процессуальной формой взаимодействия необходимо понимать комплекс однородных процедурных условий, предъявляемых к действиям участников процесса и нацеленных на достижение конкретного материально – правового результата получения и проверки доказательств, поиска и ареста подозреваемого и т.д.

Иными словами, она предполагает собой особую юридическую систему более целесообразной процедуры реализации определенных полномочий. Применительно к рассматриваемой области процессуальной деятельности можно отметить следующие компоненты этой конструкции:

- 1) предмет взаимодействия;
- 2) круг лиц, участвующих во взаимодействии;
- 3) сущность и вид их деятельности;
- 4) правоприменительный акт, предназначенный быть основой взаимодействия;
- 5) процессуальные гарантии результативности взаимодействия.

Предметом взаимодействия органов предварительного следствия и дознания может стать сбор и проверка доказательств, поиск и задержание подозреваемого, для чего могут быть применены равно как следственные действия, так и оперативно - розыскные мероприятия, которые в этом контексте принято считать средствами достижения поставленных целей. Следовательно, как правило, представляется организатором взаимодействия: он устанавливает форму взаимодействия и рациональность ее реализации на каждом конкретном этапе следствия, сроки выполнения даваемых поручений и т.д. В соответствии с этим возникает вопрос об обоснованности и необходимости принимаемых им решений. Решение о содействии считается обоснованным, в случае если оно отвечает определенной следственной ситуации, требующей для получения нужной информации производства органом дознания определенных следственных и розыскных мероприятий, а также принятие оперативно-розыскных мер. Рациональность избранной формы взаимодействия оценивается по тому, насколько она может обеспечивать быстрое и полное получение от органа дознания информации, обладающей значением для дела.

Сущность и характер деятельности участников взаимодействия позволяют выделить несколько его форм. Если полагаться на их содержательную характеристику, то в таком случае можно совместить некоторые из выделяемых в качестве самостоятельных видов взаимодействия:

- выполнение задач и предписаний следователя о производстве оперативно – розыскных мероприятий, розыскных и следственных действий;
- принятие органом дознания розыскных и оперативно-розыскных мер по уголовному делу, которое находится в производстве у следователя, в целях установления личности, совершившего преступное деяние;
- способствовать содействию следователя при проведении отдельных следственных действий.

Значимым условием повышения эффективности взаимодействия является формирование и соблюдение сроков выполнения поручений следователя. Этому в значительной степени может содействовать их законодательное закрепление. В реальности ст. 157 УПК РФ не указывает срок выполнения заданий и поручений следователя. В правоприменительной практике существует мнение, что длительность срока составляет 10

дней. Законодательством определен срок только для поручений, выполнение которых понимается за пределами места производства предварительного следствия [2], таким образом, можно допустить, что в него входит время на пересылку ответа следователю.

Самостоятельной процессуальной формой считается оказание помощи следователю при проведении отдельных следственных действий. Необходимость в оказании следователю такой помощи требуется в том случае, когда ему одному физически трудно, а иногда и вовсе невозможно, производить следственное действие, а кроме того если с таковым действием появляется необходимость реализовать функции, свойственные органам дознания. Органы дознания должны прилагать усилия для создания необходимых следователю условий в производстве определенных следственных действий. Известной формой этого типа содействия является доставление приводом обвиняемого и свидетеля, если они без уважительной на, то причины не являются к следователю [3].

Стоит выделить наиболее значимые принципы взаимодействия. Например, непрерывность взаимодействия, - принцип, который подразумевает в себе возникновение взаимодействия на разных этапах расследование уголовного дела, и его непрерывность до завершения расследования, а иногда и после него. Далее постоянный обмен информацией, который должен быть независимо от этапов расследования, и по которой выполняется розыск преступников. Информация может быть получена как с использованием научно – технических средств, так и с помощью свидетелей преступления, вещественных доказательств, которые способствуют раскрытию не только характера преступления, но и могут указать на личность преступника. То есть, без обмена данными и взаимодействия следователя и органов дознания, каждому из этих представителей будет сложно выполнять свои обязанности в расследовании уголовного дела.

Организация и роль следственных аппаратов включает в себе один из основных принципов взаимодействия. Он заключается в организации и исполнении поручений о производстве следственных действий, которые даются как в общем порядке, так и в определенных случаях, когда нужно провести одновременно несколько обысков, например, в разных местах. Законом не оговорено, какие действия можно поручать органам дознания, а какие нет. Это позволяет следователю действовать в зависимости от сложившейся ситуации. Здесь раскрывается принцип ситуативности взаимодействия, так как от характера и обстоятельств ситуации напрямую зависит, какие формы взаимодействия будут производиться.

Для участия в каком-либо следственном действии представителя органа дознания, осуществляющего оперативно – розыскную деятельность следователем дается направление, которое оформляется в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК, что обязательно для органа дознания. Следователь вправе привлечь сотрудника органа дознания для участия в проведении следственных действий: обыск, очная ставка, допрос и т.д. в соотв. со ст. 164 п.7 УПК РФ, о чем делается пометка в протоколе следственного действия. В случае большого объема работы, или особой сложности, производство предварительного следствия может

быть поручено следственной группе. О таком решении выносится постановление, или делается указание в постановлении о возбуждении уголовного дела в соответствии со ст. 163 УПК РФ. К работе следственной группы могут быть привлечены сотрудники органов дознания. О чем дается соответствующий приказ начальником органа дознания с указанием должностных лиц для производства оперативно – розыскных мер по уголовному делу [4]. Такие возникающие процессуальные отношения между оперативными работниками и следователями регулируются правилами ст. 39 и ст.40 УПК РФ. Но чаще всего при расследовании используется такая организационная форма, как следственно – оперативная группа (СОГ).

Организационные формы взаимодействия неразделимы от процессуальных, так как вытекают из них, но имеют самостоятельное значение. При совместном расследовании участниками СОГ полученная оперативная информация должна объективно оцениваться, предаваться всестороннему исследованию и проверке в процессе расследования. Также она ни в коем случае не подлежит разглашению источники и способы ее получения, за это участники группы несут ответственность. Благодаря своевременной оперативной информации, которая поступает от органов дознания, у следователя появляется возможность корректировать план расследования, ориентироваться в поиске доказательств, необходимых для дела, определять план сложных следственных действий. Это все вытекающий результат от правильного взаимодействия следственных органов с органами дознания, который позволяет повысить эффективность и оперативность в раскрытии преступлений.

Таким образом, от взаимодействия между следователем и органами дознания зависит не только успешное и продуктивное расследование, но и эффективность проведения отдельных следственных действий.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.06.2018) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Герасимов И.Ф. Формы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания // Криминалистика: учебник для вузов. М., 2015.
4. Драпкин Л.Я., Кокурин Г.А. Организационные и тактические основы поисковой деятельности в расследовании преступлений. Екатеринбург, 2014.
5. Есина А.С. Каким должно быть содержание отдельного поручения следователя? // Российский следователь. 2015. N 2.

УДК 343.2/7

**РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ
ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
THE REFORM OF THE INSTITUTE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL
RESPONSIBILITY FOR CRIMES OF ECONOMIC DIRECTION**

*Барсукова А.Н., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России)*

*Barsukova A.N., graduate student Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of
Justice of Russia)*

В статье раскрывается анализ изменений содержания уголовно-правовых норм, устанавливающих основания освобождения от уголовной ответственности за преступления в экономической сфере, произошедших в последнее десятилетие.

The article deals with the analysis of changes in the content of criminal law, establishing the grounds for exemption from criminal liability for crimes in the economic sphere, which occurred in the last decade.

Ключевые слова: экономические преступления, освобождение от уголовной ответственности.

Keywords: economic crimes, exemption from criminal liability.

В 2009 году законодатель вновь обратил свое внимание на налоговые преступления. Статья 76.1 УК РФ была введена в уголовное законодательство в соответствии с ФЗ № 420 от 07.12.2011, который с учетом специфики регулирования общественных отношений в сфере экономической деятельности, в сокращения применения уголовного наказания к лицам, возместившим причиненный вред и раскаявшимся таким образом в преступлении. В соответствии с указанным законом, предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности за ряд преступлений в сфере экономической деятельности[2].

Как справедливо указывалось О. А. Чесноковой, при таких условиях виновному зачастую было проще отбыть наказание, нежели выплатить соответствующую сумму[7]. Возможно, именно это обстоятельство послужило основной причиной редкости практического применения ст. 76.1 УК РФ.

Особого внимания заслуживают положения Федерального закона РФ от 08 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3].

Принятие указанного законодательного акта потребовало и внесения существенных изменений не только в первую часть Налогового кодекса РФ, но и в УК РФ, УПК РФ, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а также Федеральный закон РФ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Федеральным законом от 08.06.2015 № 140-ФЗ в частности, ст. 76.1 УК России была дополнена часть третьей следующего содержания: лицо освобождается от уголовной ответственности при выявлении факта совершения им до 1 января 2015 года деяний, содержащих признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 193, частями первой и второй ст. 194, ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ, при условии, если это лицо является декларантом или лицом, информация о котором содержится в специальной декларации, поданной в соответствии с Федеральным законом, и если такие деяния связаны с приобретением (формированием источников приобретения), использованием либо распоряжением имуществом и (или) контролируруемыми иностранными компаниями, информация о которых содержится в специальной декларации, и (или) с открытием и (или) зачислением денежных средств на счета (вклады), информация о которых содержится в специальной декларации.

В результате дальнейшей разработки освобождения от уголовной ответственности за совершение преступления в экономической сфере было проведено очередное изменение уголовного законодательства. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. №325-ФЗ в ст. 76.1 УК РФ внесены изменения, в соответствии с которыми размер компенсации снижен до двукратного.

Вместе с тем и последние изменения законодательства не решили всех существующих проблем, многие из которых способны сохранить статистику применения ст.76.1 УК РФ на прежнем уровне.

Одним из актуальных вопросов в указанной области является определение круга лиц (субъектов), действиями которых может быть возмещен соответствующий ущерб. В. В. Власенко, указывает, что «в ст. 76.1 УК РФ не определен круг лиц, которые могут возмещать соответствующий ущерб, причиненный преступлением, а также производить выплаты денежного возмещения в бюджет РФ»[6].

В силу того, что применение рассматриваемых оснований освобождение от уголовной ответственности зависит от особенностей правового регулирования экономических отношений, ст. 76.1 УК РФ постоянно меняется, а в научной литературе продолжают дискуссии, касающиеся разработке более эффективных мер уголовно-правового характера в сфере противодействия экономическим преступлениям и создания условий позволяющих минимизировать последствия таких преступлений.

Освобождая лицо от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере реализации экономической деятельности государство исходит из нецелесообразности привлечения лица к суду и применения к нему карательных мер уголовно-правового характера, если оно выполнило указанные в ст. 76.1 УК РФ условия. В каждой части ст. 76.1

УК РФ предусмотрены разные условия освобождения от уголовной ответственности, которые объединяет то факт, что они применяются к лицам, совершившим преступление против законного порядка осуществления экономической деятельности.

В ч. 1 ст. 76.1 УК РФ предусмотрено основание освобождения за налоговые преступления. В качестве условия освобождения от налоговых преступлений закон называет возмещение в полном объеме ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, не раскрывая при этом, что понимать под указанным ущербом.

В свою очередь, примечания 2 к ст. 198 и 199 УК РФ вполне конкретно указывают, что подозреваемый или обвиняемый должен полностью уплатить «суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумму штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации».

УПК РФ, раскрывая в части второй ст. 28.1 понятие «возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации», в целом дублирует положения указанных примечаний, но с одной оговоркой. Размер подлежащих уплате сумм определяется «с учетом представленного налоговым органом расчета размера пеней и штрафов».

Таким образом, представляется, что в части 1 ст. 76.1 УК РФ и в примечаниях 2 к ст. 198 и 199 УК РФ говорится об обязанности уплаты одних и тех же сумм, т.е. понятия «ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления» и «суммы недоимки, пеней и штрафов» совпадают по объему, тождественны.

Отличие между формулировками части первой ст. 76.1 УК РФ и примечаний 2 к ст. 198 и 199 УК РФ можно усмотреть и в субъекте возмещения вреда. В примечаниях четко указано, что соответствующие суммы уплачивает лицо, совершившее преступление. В ч. 1 ст. 76.1 УК РФ такой конкретики не наблюдается: она не раскрывает, кем именно должен быть возмещен причиненный ущерб, в результате чего можно сделать вывод о том, что это может сделать любое лицо. Из этого же исходит и УПК РФ (ч. 1 ст. 28.1), а также Пленум Верховного суда РФ[4]. При этом обязательным является согласие или просьба лица, совершившего преступление, на возмещение ущерба другим лицом. Тот факт, что уплатить суммы налога, недоимки и штрафа вправе третье лицо, является достаточно важным, но спорным. В соответствии с п. 1 ст. 45 НК РФ «налогоплательщик обязан самостоятельно исполнить обязанность по уплате налога, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах».

В 2004 году Конституционный Суд РФ достаточно ясно высказался на этот счет в своем Определении: «в целях надлежащего исполнения обязанности по уплате налога налогоплательщик обязан самостоятельно, то есть от своего имени и за счет своих собственных средств, уплатить соответствующую сумму налога в бюджет»[5]. Иное толкование понятия «самостоятельное исполнение налогоплательщиком своей обязанности по уплате налога» приводило бы к невозможности четко персонифицировать денежные

средства, за счет которых производится уплата налога, и к недопустимому вмешательству третьих лиц в процесс уплаты налога налогоплательщиком.

Однако, Федеральным законом от 30.11.2016 № 401-ФЗ в ч. 1 ст. 45 НК РФ был введен новый абзац, в котором закреплено, что «уплата налога может быть произведена за налогоплательщика иным лицом»[1]. В этом видится совершенно новый подход к исполнению налогоплательщиком обязанности по уплате налога. Как было отмечено в пояснительной записке, указанный закон имеет целью совершенствование порядка уплаты налогов и сборов, а также урегулирование задолженности по уплате соответствующих платежей.

Нововведения, по замыслу авторов законопроекта, позволят сократить сроки пополнения бюджета, уменьшить объем недоимки и задолженности по пеням и штрафам. Кроме того, новое положение устраняет противоречие между уголовно-процессуальным и налоговым законодательством.

В результате сравнения оснований освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления, предусмотренных частью первой ст. 76.1 УК РФ и примечаниями 2 к ст. 198 и 199 УК РФ, можно сделать следующие выводы: 1) они распространяются на одни и те же преступления (ст. 198 - 199.1 УК РФ) и 2) предусматривают одинаковые условия освобождения. Таким образом, указанные нормы дублируют друг друга, вследствие чего представляется нерациональным их одновременное существование в Уголовном законе.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 1.: Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ : (ред. от 28 дек. 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 12.12.2011, № 50, ст. 736.
3. Федеральный закон от 08.06.2015 N 140-ФЗ (ред. от 19.02.2018) «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 15.06.2015, N 24, ст. 3367.
4. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // СПС «КонсультантПлюс»
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 янв. 2004 г. № 41-О // СПС «КонсультантПлюс»
6. Власенко В.В. О необходимости дополнительных условий освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ) / В.В. Власенко // Российский судья, 2015. № 12. С. 17-20
7. Чеснокова О.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности / О.А. Чеснокова // Вестник Оренбургского государственного университета, 2014. № 3 (164). - С. 44-47.

УДК 343.2/.7

**УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
THE CONDITIONS OF EXEMPTION FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY IN CASES
OF CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY**

Барсукова А.Н., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Barsukova A.N., graduate student Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

В статье рассматриваются правовые характеристики условий освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях экономической направленности и возможные пути совершенствования уголовно-правовой нормы, закрепленной в ст. 76.1 УК РФ.

The article deals with the legal characteristics of the conditions of exemption from criminal liability in cases of economic crimes and possible ways to improve the criminal law norm enshrined in article 76.1 of the Criminal code Russia.

Ключевые слова: экономические преступления, освобождение от уголовной ответственности.

Keywords: economic crimes, exemption from criminal liability.

Освобождая лицо от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере реализации экономической деятельности государство исходит из нецелесообразности привлечения лица к суду и применения к нему карательных мер уголовно-правового характера, если оно выполнило указанные в ст. 76.1 УК РФ условия.

В каждой части ст. 76.1 УК РФ предусмотрены разные условия освобождения от уголовной ответственности, которые объединяет то факт, что они применяются к лицам, совершившим преступление против законного порядка осуществления экономической деятельности.

В ч. 1 ст. 76.1 УК РФ предусмотрено основание освобождения за налоговые преступления. В качестве условия освобождения от налоговых преступлений закон называет возмещение в полном объеме ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, не раскрывая при этом, что понимать под указанным ущербом.

В свою очередь, примечания 2 к ст. 198 и 199 УК РФ вполне конкретно указывают, что подозреваемый или обвиняемый должен полностью уплатить «суммы недоимки и

соответствующих пеней, а также сумму штрафа в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации».

УПК РФ, раскрывая в части второй ст. 28.1 понятие «возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации», в целом дублирует положения указанных примечаний, но с одной оговоркой. Размер подлежащих уплате сумм определяется «с учетом представленного налоговым органом расчета размера пеней и штрафов».

Таким образом, представляется, что в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ и в примечаниях 2 к ст. 198 и 199 УК РФ говорится об обязанности уплаты одних и тех же сумм, то есть понятия «ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления» и «суммы недоимки, пеней и штрафов» совпадают по объему, тождественны.

Отличие между формулировками части первой ст. 76.1 УК РФ и примечаний 2 к ст. 198 и 199 УК РФ можно усмотреть и в субъекте возмещения вреда. В примечаниях четко указано, что соответствующие суммы уплачивает лицо, совершившее преступление. В ч. 1 ст. 76.1 УК РФ такой конкретики не наблюдается: она не раскрывает, кем именно должен быть возмещен причиненный ущерб, в результате чего можно сделать вывод о том, что это может сделать любое лицо. Из этого же исходит и УПК РФ (ч. 1 ст. 28.1), а также Пленум Верховного суда РФ[2]. При этом обязательным является согласие или просьба лица, совершившего преступление, на возмещение ущерба другим лицом. Тот факт, что уплатить суммы налога, недоимки и штрафа вправе третье лицо, является достаточно важным, но спорным. В соответствии с п. 1 ст. 45 НК РФ «налогоплательщик обязан самостоятельно исполнить обязанность по уплате налога, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах».

В 2004 году Конституционный Суд РФ достаточно ясно высказался на этот счет в своем Определении: «в целях надлежащего исполнения обязанности по уплате налога налогоплательщик обязан самостоятельно, то есть от своего имени и за счет своих собственных средств, уплатить соответствующую сумму налога в бюджет»[3]. Иное толкование понятия «самостоятельное исполнение налогоплательщиком своей обязанности по уплате налога» приводило бы к невозможности четко персонифицировать денежные средства, за счет которых производится уплата налога, и к недопустимому вмешательству третьих лиц в процесс уплаты налога налогоплательщиком.

Однако, Федеральным законом от 30.11.2016 № 401-ФЗ в ч. 1 ст. 45 НК РФ был введен новый абзац, в котором закреплено, что «уплата налога может быть произведена за налогоплательщика иным лицом»[1]. В этом видится совершенно новый подход к исполнению налогоплательщиком обязанности по уплате налога. Как было отмечено в пояснительной записке, указанный закон имеет целью совершенствование порядка уплаты налогов и сборов, а также урегулирование задолженности по уплате соответствующих платежей.

В результате сравнения оснований освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления, предусмотренных частью первой статьи 76.1 УК РФ и примечаниями 2 к ст. 198 и 199 УК РФ, можно сделать следующие выводы: 1) они распространяются на одни и те же преступления (ст. 198 - 199.1 УК РФ) и 2) предусматривают одинаковые условия освобождения. Таким образом, указанные нормы дублируют друг друга, вследствие чего представляется нерациональным их одновременное существование в Уголовном законе.

Таким образом, при установлении в судебном заседании обстоятельств, влекущих освобождение лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса (например, к ст. ст. 291, 222 УК РФ), дело прекращается на основании примечания к той или иной статье уголовного закона.

Рассмотрим более подробно условия освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления. К ним относятся: 1) совершение преступления из указанного в законе перечня впервые; возмещение ущерба, который был причинен бюджетной системе России в результате совершения преступления.

Часть первая ст. 76.1 УК РФ распространяет свое действие на три налоговых преступления: ст. 198 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица», ст. 199 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации» и ст. 199.1 «Неисполнение обязанностей налогового агента». Между тем к налоговым преступлениям относится также и ст. 199.2 «Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов».

Освобождение от уголовной ответственности за совершение последнего преступления предусмотрено частью второй статьи 76.1 УК РФ, устанавливающей иные, более «суровые» условия освобождения, чем часть первая указанной статьи. Данное решение законодателя представляется не вполне обоснованным. По этой причине указанные нормы становились предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Земцова В.М.

Однако, в принятии его жалобы на нарушение его конституционных прав ст. 76.1, п. 2 примечаний к ст. 198, п. 2 примечаний к ст. 199 УК РФ, частями первой и третьей ст. 28.1 УПК РФ было отказано. По мнению Конституционного Суда, «в соответствии со ст. 71 (п. «о») Конституции РФ уголовное и уголовно-процессуальное законодательство находится в ведении Российской Федерации. Федеральный законодатель, реализуя принадлежащие ему полномочия, правомочен как устанавливать в законе ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения.

Соответственно, установление неодинаковых условий для освобождения от уголовного преследования лиц, совершивших разные преступления (в данном случае – ст. 198–199.1 УК РФ, с одной стороны, и ст. 199.2 УК РФ, с другой), направлено на достижение конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия, предупреждения новых преступлений и тем самым – защиты личности, общества и государства от преступных посягательств»[4].

Тем не менее, многими учеными-юристами вполне обоснованно предлагается распространить на статью 199.2 УК РФ действие части первой статьи 76.1 Кодекса и, соответственно, исключить ее из перечня преступлений, предусмотренного частью второй статьи 76.1 УК РФ[5].

Однако и в этом вопросе нет единства мнений. Например, А.К. Хачатрян считает, что «специфика объективной стороны, связанная не с уклонением от уплаты налогов или сборов, а с сокрытием определенного имущества позволяет применять здесь часть вторую статьи 76.1 УК РФ»[6].

Очевидно, перечень преступлений, указанных в настоящее время в статье 76.1 Уголовного кодекса России действует в редакции Федерального закона от 03.07.2016 № 325-ФЗ. нуждается в дальнейшей корректировке.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 1. :Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ : (ред. от 28 дек. 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс»
2. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // СПС «КонсультантПлюс»
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 янв. 2004 г. № 41-О // СПС «КонсультантПлюс»
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Земцова Василия Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 76.1, пунктом 2 примечаний к статье 198, пунктом 2 примечаний к статье 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями первой и третьей статьи 28.1 Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2013 г. № 1226-О. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Власенко В.В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности :дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Власенко. – М., 2014. – С. 132-135.
6. Хачатрян А.К. Освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности :дис. ... канд. юрид. наук / А.К. Хачатрян. – М., 2015. – С. 87-88.

УДК 343.2/7

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕГКОМЫСЛИЯ КАК ФОРМЫ ВИНЫ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
THE SOME ASPECTS OF FRIVOLITY AS A FORM OF GUILT IN CRIMINAL LAW
OF RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS**

Воронова В.И., магистр Северо-Кавказского Федерального университета в г. Ставрополь.

Voronova V.I., Master of the North-Caucasus Federal University in the city of Stavropol.

Аннотация: В работе дан историко-правовой анализ и рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся легкомыслия как формы вины в уголовном праве России.

Annotation: The paper gives an historical and legal analysis and discusses some issues concerning frivolity as a form of guilt in the criminal law of Russia.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовное право, легкомыслие, вина.

Key words: criminal law, criminal law, levity, guilt.

Сущность проблематичности осознания вины выделяется как одна из сложнейших и актуальнейших категорий уголовно-правового теоретического и практического применения уголовного закона, ведь она является тем связующим элементом, на котором сосредоточена, по сути, вся правоприменительная деятельность, потому, как к уголовной ответственности можно привлечь лишь то, лицо, которое признается виновным в совершении преступления.

Понятие вины достаточно индивидуально выражается в определенной форме, определенном виде. У вины, а вернее у ее форм и видов сочетаются различные интеллектуальные и волевые характеристики, которые определяют основу реализации принципа вины.

Историческое развитие в России уголовного права показывает нам то, что на законодательном, теоретическом и правоприменительном уровнях, умышленная форма вины осознается как относительно стабильная категория. Но если говорить о множестве толкований неосторожной формы вины, то здесь мы стабильности не наблюдаем. С некоторой периодичностью изменяется терминология, предлагающаяся для обозначения ее видов, а также смысл в целом, таким образом, модифицируется интеллект и воля в содержании видов неосторожной формы вины.

Следует специально оговорить, что в разные периоды развития уголовного права не могли прийти к единому пониманию решения вопроса о понятии «легкомыслие», вернее в его формулировки, как одного из видов неосторожности, в частности, как отображения специфичности психического отношения виновного к содеянному. Наиболее ярким тому подтверждением может выступать интерпретирование преступного легкомыслия как вида

неосторожной формы вины в рамках актуального законодательства Российской Федерации, которое пришло на замену преступной самонадеянности, сущность которой закреплено было в ст. 9 УК РСФСР 1960 г.

В теории уголовного права современного периода нет единого воззрения относительно юридической природы преступного легкомыслия, содержания его интеллектуального и волевого признаков; не решено затруднение в соотнесенности психолого-личностного восприятия лица к содеянному и утвержденного законом осознания разновидностей преступной неосторожности. Множество затруднений по воплощению закрепленных норм о преступном легкомыслии в законе существует также и в правоприменении, существует ряд недостатков. Юристы практики в отличие от законодателя, обычно имеют свое виденье на понятие «легкомыслие» и не останавливаются на описании его интеллектуальных и волевых компонентов, как вида неосторожности, так как это прописано в ч. 2 ст. 26 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Реформы в советском уголовном законодательстве, которые возникли в 1991 г., привели к изменению многих институтов в уголовно-правовой сфере, в том числе и определения преступного легкомыслия. В период с 1991 по 1996 гг. были подготовлены несколько законопроектов нового Уголовного кодекса. Авторы указанных законопроектов не пришли к единому мнению в вопросе о юридической природе преступного легкомыслия.

Так, проект Уголовного кодекса 1991 г., как и Основы уголовного законодательства 1991 г., в качестве видов неосторожной формы вины предусмотрел: преступную самонадеянность и преступную небрежность. Согласно ст. 23 данного проекта, «преступление признавалось совершенным по самонадеянности, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение».

Проект Уголовного кодекса 1994 г., выделил три вида неосторожности: легкомыслие, небрежность и невежество. В соответствии с ч. 2 ст. 29 этого проекта преступление признавалось совершенным по легкомыслию, если лицо «осознавало вредность своего действия или бездействия, предвидело возможность наступления вредных последствий, но без достаточных к тому оснований рассчитывало на их предотвращение» [4]. В отличие от проекта УК 1991 г., в проекте 1994 г. по-иному определена юридическая природа понятия «легкомыслие», ему придано значение самостоятельного вида неосторожной формы вины.

Согласительный проект Уголовного кодекса 1995 г., как и проект 1994 г., понятие «легкомыслие» рассматривал в значении самостоятельного вида неосторожной формы вины. В соответствии со ст. 26 указанного проекта «преступление признавалось совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния (действия или бездействия), но без достаточных к тому оснований рассчитывало на их предотвращение» [3]. В отличие от проекта УК 1994 г., проект 1995 г. внес ряд изменений в интеллектуальный элемент преступного легкомыслия, а именно: 1) исключил из дефиниции психическое отношение виновного к своему деянию

(действию или бездействию) и 2) заменил категорию «вредность» на «общественную опасность».

В учении о вине институт преступного легкомыслия является одним из наиболее дискуссионных и малоисследованных. История уголовного законодательства и уголовно-правовой мысли по данной проблематике свидетельствует о том, что преступному легкомыслию как виду неосторожной формы вины свойственен особый путь исторического развития[6]. Своим возникновением в качестве законодательного понятия легкомыслие обязано Артикулу Воинскому 1715 г., где оно имело значение самостоятельного вида вины, но его дефиниция в законодательстве отсутствовала. В последующем термин «легкомыслие» встречался практически в каждом законодательном памятнике, но трактовался по-разному. Этому понятию придавалось значение самостоятельного вида неосторожной формы вины (Артикул Воинский 1715 г, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.); обстоятельства, уменьшающего вину и наказание преступника (Уложение 1845 г., Военно-уголовный устав 1856 г.); обстоятельства, учитываемого при определении меры наказания (Уголовный кодекс 1922 г.); признака вида неосторожной формы вины (Уголовное уложение 1903 г., Уголовный кодекс 1922 г., Основные начала уголовного законодательства 1924 г., Уголовный кодекс 1926 г., Основы уголовного законодательства 1958 г., Уголовный кодекс 1960 г.), субъективного признака, характеризующего преступление (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.).

Понятие преступного легкомыслия на различных этапах развития уголовного законодательства нашла отражение и в уголовно-правовой науке. Теоретики рассматривали легкомыслие в качестве: 1) синонима преступной самонадеянности как самостоятельного вида вины (К.А. Камхадзе); 2) признака волевого элемента преступной самонадеянности (В.А. Нерсесян, С.М. Шапиев, А.М. Трухин); 3) признака косвенного умысла и одновременно преступной самонадеянности (В.Г. Макашвили); 4) самостоятельного вида неосторожной формы вины, не отождествляемого с самонадеянностью (В. Лифшиц).

Можно выделить четыре признака легкомыслия: 1) отсутствие полезной цели, способной оправдать допускаемый риск; 2) фактическое наступление вреда; 3) расчет на конкретные условия, способные, по мнению субъекта, предотвратить наступление вредных последствий; 4) осознание лицом того, что своими действиями оно подвергает риску определенные правоохраняемые отношения.

Также хотелось бы отметить, что примерно каждое десятое преступление в России совершается несовершеннолетними или при их участии[5] и легкомыслие как форма вины довольно часто присуща именно им.

Сходство преступного легкомыслия, небрежности и невинного причинения вреда, обусловленного экстремальными условиями или нервно-психическими перегрузками, в интеллектуальном элементе состоит в осознании лицом общественной опасности своего деяния и предвидении возможности наступления общественно опасных последствий.

Литература

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «Консультант плюс».
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СПС «Консультант плюс».
3. Согласительный проект Уголовного кодекса 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://zakonbase.ru>.
4. Проект Уголовного кодекса 1994 г. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.alppp.ru/law>.
5. Алсултанов М.Р. Некоторые аспекты профилактики и борьбы с преступностью несовершеннолетних / М.Р. Алсултанов // Вестник СевКавГТИ. – 2015. – Т. 1. – № 3.
6. Педопекна Т.Б. Преступное легкомыслие (вопросы законодательного регулирования, теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.

УДК 343.2/7

**РАЗГРАНИЧЕНИЕ КОСВЕННОГО УМЫСЛА И ПРЕСТУПНОГО
ЛЕГКОМЫСЛИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
THE DISTINCTION BETWEEN INDIRECT INTENT AND CRIMINAL
FRIVOLITY IN THE CRIMINAL LAW**

Воронова В.И., магистр Северо-Кавказского Федерального университета в г. Ставрополь.

Voronova V.I., Master of the North-Caucasus Federal University in the city of Stavropol.

Аннотация: В работе рассмотрены вопросы, касающиеся законодательного регулирования в области разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия.

Annotation: The paper addresses issues related to legislative regulation in the field of the distinction between indirect intent and criminal frivolity.

Ключевые слова: уголовное право, легкомыслие, вина.

Key words: criminal law, levity, guilt.

Современное уголовное законодательство РФ в последнее время подвергается большими изменениями и дополнениями, однако вопрос о понятии вины, разграничении косвенного умысла и преступного легкомыслия, не сформулированы общие признаки преступления, совещённые по легкомыслию или небрежностью и многое другое, остается законодателем не разрешенным.

В уголовно-правовой доктрине имперского периода косвенный умысел обозначался как «непрямой умысел» или «эвентуальный умысел».

Отличие косвенного умысла от прямого лежит в предвидение реальной возможности наступления негативных последствий.

При этом лицо предвидит такую возможность, как реальную, то есть считает наступившие последствия закономерным развитием причинно-следственной связи в данном случае. Под «предвидением» в обыденности понимают - отражение в сознании определенных событий, которые могут, должны или обязательно произойдут в будущем. А в уголовно-правовой теории под данным понятием понимают мыслительные процессы, которые происходят у виновного при осуществлении им вреда и какой степени ущерб может принести его деяние охраняемым уголовным законом общественным отношениям и интересам. В значительной степени предвидение зависит от индивидуальных свойств и особенностей личности (ловкость, сила, знания, навыки, находчивость и т.д.), ее психических возможностей, эмоционального состояния и т.д.

Преступное легкомыслие является одним из видов такой формы вины как «неосторожность». Данная категория законодательно закреплена в ст.26 ч.1 УК РФ, где

установлено, что «преступлением, совершенным по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию и небрежности»[1]. Далее в этой же статье в ч.2 законодатель дает понятие преступного легкомыслия, под которым понимает «преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий». Понятие «легкомыслие» другими словами можно определить, как «осознанная неосторожность». Однако в понятии, «легкомыслие» которое дает законодатель отсутствует признак «осознание», но при толковании данного понятия признается, что осознание общественно опасность действий характерно для преступлений, совершенных по легкомыслию. Это обусловлено тем, что невозможно предвидеть наступление негативных последствий не осознавая, что деяние несет в себе потенциальную угрозу причинения вреда общественным отношениям и интересам, и, следовательно, общественно опасно[5].

Анализируя особенности интеллектуального элемента легкомыслия, законодатель выделяет только признак возможности предвидения наступления общественно опасных последствий, но ничего не указывает на психическое отношение к действию или бездействию.

Волевой момент легкомыслия характеризуется как расчет на предотвращение негативных последствий, имеющие под собой хотя и реальные, но не достаточные основания. Лицо в данном случае рассчитывает на реальные обстоятельства способные как ему кажется противостоять наступлению негативных результатов. В данную группу обстоятельств необходимо отнести:

- индивидуальные свойства и особенности личности (сила, мастерство, опыт и т.д.);
- действия других лиц или механизмов (лицо было уверено в исправности автомобиля);
- иные обстоятельства значения которых лицо оценивает неверно, в результате чего расчет на предотвращение негативного вреда оказывается «несерьезным», «самонадеянным» (преувеличивает свои способности или умения).

Примером преступления, совершенного по легкомыслию, является следующее: Б., управляя технически исправным автомобилем, следовал по трассе «Тюмень-Омск» со скоростью 60 км/ч с пассажиром Ф, который находился на переднем пассажирском сидении справа. Двигаясь в сложных погодных и дорожных условиях, в зоне действия дорожного знака ограничение максимальной скорости. Запрещается движение со скоростью 50км/ч, превышающей указанную на знаке, Б, проявив небрежность, неверно оценил складывающуюся дорожно-транспортную ситуацию, не избрав скорости движения, позволяющей с учетом сложных дорожных условий осуществлять постоянный контроль за управляемым им транспортным средством и обстановкой на дороге и не приняв своевременных мер к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства не справился с управлением автомобиля, выехав на полосу встречного движения, где допустил

столкновение с автомобилем грузового фургона Д, который двигался по встречной полосе, с пассажиром М, который находился на переднем пассажирском сиденье справа. В результате дорожно-транспортного происшествия пассажиру автомобиля грузового фургона М, согласно заключения эксперта был причинен тяжкий вред здоровью, по признаку опасности для жизни.

Неверное установление преступного легкомыслия от косвенного умысла может привести к совершению ошибки в установлении верной формы вины. Разницу между данными формами вины следует проводить как по интеллектуальному элементу, так и по волевому. Из понятия легкомыслия, можно сделать вывод, что само определение интеллектуального элемента преступного легкомыслия практически полностью совпадает с таковым при умысле, где обязательным условием для двух видов умысла является предвидение наступления общественно опасных последствий. Но, при более глубоком рассмотрении содержание предвидения отличается по следующим отличиям:

- при преступном легкомыслии лицо предвидит только возможность наступления общественно опасных последствий;
- предвидение при преступном легкомыслии носит абстрактный характер.

Следовательно, лицо предвидит, что от данного правонарушения, которое оно совершает, в принципе должны наступить определенные негативные последствия, но в конкретно своем индивидуальном случае лицо исключает наступление таких негативных последствий и, следовательно, лично для себя их не предвидит. Таким образом, действующий с преступным легкомыслием не осознает реального развития причинной связи между своим поведением и наступившими в итоге преступными последствиями.

В данном случае между косвенным умыслом и легкомыслием есть большая разница. В деяниях, которые совершаются с косвенным умыслом, лицо решается осуществить цель, не беря во внимание то что могут наступить общественно опасные последствия, то при легкомыслии решимость лица совершить действия для реализации поставленной цели связывается с надеждой предотвратить наступление общественно опасных последствий, которая выступает как дополнительный мотив в укреплении этой решимости, иными словами, лицо не желает наступления общественно опасных последствий, рассчитывая их предотвратить.

В заключении можно сделать вывод о том, что по интеллектуальному моменту косвенный умысел отличается от преступного легкомыслия тем, что лицо осознает общественную опасность совершаемого деяния и предвидит реальную возможность наступления негативных последствий, а при легкомыслии лицо может предвидеть только абстрактную возможность наступления вредных результатов.

Отличие в волевом элементе легкомыслия и косвенного умысла заключается в следующем: если при косвенном умысле виновный сознательно допускает наступление общественно опасных последствий, т.е. одобрительно относится к ним, то при легкомыслии

отсутствует не только желание, но и сознательное допущение этих последствий, и, наоборот, субъект стремится не допустить их наступления, относится к ним отрицательно.

Таким образом, правильное установление формы и вида вины необходимо для квалификации содеянного, определение степени вины при индивидуализации наказания, установления круга обстоятельств, подлежащих доказательству, надлежащего воспитательного воздействия приговора на осужденного и иных лиц.

Литература

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ(ред. от 03.10.2018) // СПС «Консультант плюс».
2. Дуюнова В.К. Уголовное право России. Общая часть и Особенная часть: учебник– 3-е изд. – М.: РИОР: ИНФА – М, 2012. – 681 с.
3. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М.: Юридическая литература, 1972.
4. Иногамова-Хегай Л.В. Уголовное право РФ. Общая часть: учебник – М.: Инфра-М, 2013. – 334 с.
5. Комиссарова В.С., Крылова Н.Е., Тяжкова И.М. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов. — М.: Статут, 2012. – 466 с.
6. Сундурова Ф.Р., Гарханова И.А. Уголовное право России. Общая часть: учебник – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2016. – 802 с.

УДК 343.143

ПРОФАЙЛИНГ КАК МЕТОД ИЗОБЛИЧЕНИЯ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ PROFILING AS A METHOD OF EXPOSING FALSE TESTIMONY

Головченко С.Н., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Golovchenko S.N., graduate student of the Rostov Institute (branch) of the Voronezh State University of Higher Education (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in the city of Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье раскрывается понятие профайлинга, как метода изобличения ложных показаний. Обосновывается целесообразность использования профайлинга в деятельности правоохранительных органов. Раскрыты основные методы и особенности применения профайлинга.

Abstract: The article reveals the concept of profiling, as a method of exposing false testimony. The expediency of using profiling in the activity of law enforcement bodies is substantiated. The main methods and features of profiling are revealed.

Ключевые слова: профайлинг, изобличение лжи, ложные показания, профайлер, детекция лжи.

Keywords: profiling, denial of lies, false readings, profiler, detection of lies.

Современные нынешние и повсюду используемые спецсредства, используются, как правило, для обнаружения незаконных и представляющих опасность предметов, в том числе поддельных паспортов и иных документов. Но, к сожалению, с помощью, применяемых технических инструментов не получится изобличить ложные показания. Для решения этих вопросов предпринимаются попытки создания технологий, которые позволяют выявить противоправные намерения с помощью анализа психофизиологических реакций допрашиваемого.

Следующие виды спецсредств, такие как различные детекторы лжи, полиграфы, анализаторы лжи по голосу являются довольно результативными и пригодными в использовании для выявления противоправных побуждений. Но применять данные технические приспособления повсеместно в широком использовании для детекции лжи преждевременно. На современном этапе, прежде всего, человек может определить, что происходит дача ложных показаний по особенностям и динамике поведения других людей, и готов к оперативному принятию соответствующих решений.

Одной из таких технологий является профайлинг (от англ. «profile» – профиль) – система предотвращения противоречащих закону действий путем профилирования и

изобличения лжи. Выявление потенциально опасных лиц путем оперативной невербальной диагностики.

Таким образом, представляется возможным выделить следующие этапы профилирования в обеспечении безопасности по итогу профайлинга:

- начальное наблюдение;
- проверка личных документов и ручной клади;
- беседа;
- опросы по подозрительным признакам;
- наблюдение и взаимодействие с другими сотрудниками полиции, в частности, и правоохранительных органов, в целом [4 С.54].

С помощью методов профайлинга специалисты могут выявить поведение человека, который пытается скрыть свои истинные намерения.

Давайте попробуем смоделировать следующую ситуацию: мы находимся в месте большого скопления людей - к примеру, на оживленной городской площади. Как обнаружить среди окружающих кого-то потенциально опасного?

Вообще-то этой работой должны заниматься профессиональные профайлеры, но реалии таковы, что в нашей стране специалисты подобного рода дефицитны, а сама наука в России только зарождается. Тем не менее, в местах большого скопления людей поведение террористов или массовых убийц сильно отличается от общего настроения толпы: опытных смертников не бывает, а симитировать спокойствие перед тем, как идешь на верную смерть, получится вряд ли.

Как правило, преступники по психологии делятся на два типа:

- первый - «куклы» с восковыми глазами, безэмоциональные, находящиеся в состоянии, похожем на трансное;
- второй - идейные, с «промытыми» мозгами, фанатичные.

За редким исключением, место, где подобный персонаж пытается раствориться в толпе, роли не играет: будь то городская площадь, торговый центр в выходной день или футбольный стадион, разыграть спокойствие террористу не удастся. Его выдаст или бесцельная агрессия и гнев, или перманентное состояние «зависания» с отсутствующим взглядом.

Общественность, в том числе и западная, сегодня переложила всю ответственность за террористические акты на мусульман. Это не совсем правильно, потому как терроризм как явление вербует сегодня европейцев, американцев и даже россиян. За отдельными этническими группами просто легче следить, так как они действуют по некоему шаблону, о существовании которого уже в курсе правоохранительные органы. Большую роль в поведении человека играет его темперамент.

В Израиле, например, действительно много террористов-мусульман: профайлеры, которые работают в тандеме с патрульными офицерами полиции, сразу подмечают их по гладко выбритым и не загорелым головам и агрессивному, злому взгляду.

Рассмотрим, по какой схеме работают профессиональные профайлеры. Начинается с простого: взгляд специалиста фокусируется на тех элементах толпы, которые мы с вами можем считать подозрительными и без особой подготовки: мужчины или женщины в одежде, больше напоминающей балахоны, с большими сумками, держащиеся поодиночке - словом, на таких субъектах, при взгляде на которых понимаешь, что этой части мозаики здесь быть не должно.

Далее каждого подобного человека профайлер сканирует отдельно: важно понимать, почему человек ведет себя девиантно, разобраться в конкретной ситуации. Будущего массового убийцу выдает мимика и жестикация: скованность в плечах, восковая мимика, семенящая походка.

Второй классический вариант - человек, идущий на таран, но такие встречаются значительно реже.

В реальности всё происходит значительно быстрее: человеческий глаз выявляет поведение, отличное от нормы, быстрее, чем кажется, особенно если речь идет о профессионалах.

Профессиональных профайлеров в России немного: специалисты, главным образом, сосредоточены на авиабезопасности.

Если рассмотреть работу полиции на транспорте по выявлению ложных показаний, то темы опросной беседы могут быть следующими:

Это целый ряд вопросов, которые рекомендуется задавать пассажирам при проведении беседы. «Ваше имя?», «Куда Вы направляетесь?», «Где Вы планируете остановиться на время поездки?», «Какие места собираетесь посетить в ходе поездки?», «Что планируете приобрести?».

Когда сотрудник проводит опросную беседу о багаже, возможно задавать следующие вопросы: «Кому принадлежит этот багаж? Что в нем находится?», «Кто, как и когда упаковывал этот багаж?», «Оставляли ли Вы багаж без присмотра?», «Расскажите обо всех устройствах, работающих без зарядного устройства, которые везете с собой», «Какие жидкости Вы везете с собой в багаже?», «Есть ли у Вас при себе предметы, запрещенные к перевозке данным видом транспорта?» и так далее [3].

Компания «Трансаэро», например, ввела на свои рейсы воздушных маршалов - людей, которые находятся на борту после взлёта самолета и считывают пассажиров рейса на предмет вменяемости, скрываемой информации, потенциальной опасности.

Проблема в том, что у них нет никаких прав: ни задержать, ни арестовать, ни просто связать человека они не могут - де-факто это гиперответственные гражданские лица, которые в случае чего будут привлекаться к закону, как и любой другой пассажир [3].

Даже те немногие специалисты, которые работают в аэропортах, не имеют должной выучки: часто, к примеру, задают бесполезные вопросы при допросе потенциально опасных лиц, вроде просьб назвать цель своего визита. Диалог, как правило, выглядит следующим образом:

- Цель вашего визита?
- Я прилетел к друзьям.
- А где они живут?
- На улице Толстого.

И так далее. Выходит, что подозреваемый ведёт профайлера по своей легенде. Её нужно разламывать, спрашивая то, чего человек ожидает меньше всего: попросить назвать место знакомства, обстоятельства, предпочтения товарищей в кинематографе, отношение к тому или иному общественно-политическому событию. Тогда, образно говоря, хвост не сможет вилять собакой.

Еще один вариант «правильного» диалога профайлера с подозреваемым субъектом для детекции лжи выглядит следующим образом:

- Назовите вашу дату рождения.
- (Здесь, как правило, человек без запинки, не глядя в поддельные документы, дает ответ, заученный все по той же легенде).
- А это какой знак зодиака?

Скорее всего, данный вопрос, носящий эзотерический характер, не будет рассматриваться в качестве обязательного момента при составлении фальшивой биографии персонажа, стоящего перед профайлером. Длительную заминку, паузу или невозможность ответить на этот или подобный простой, но нетривиальный вопрос, специалисты обычно используют в качестве маркера, указывающего на то, что с подозреваемым что-то не так.

Овладев основными навыками профайлинга, сотрудник полиции будет способен профессионально определять особенности характера человека, выявлять среди потока пассажиров тех, кто вынашивает противоправные замыслы [2 С.83].

Данные знания помогут сотрудникам полиции - профайлерам получать объективную информацию о тех, кому свойственны нарушения служебной дисциплины и проводить скрытое тестирование потенциального нарушителя.

Таким образом, профайлинг - это неосознаваемые опрашиваемым схемы, опираясь на которые сотрудник полиции выявляет скрываемую информацию, устанавливает истинные намерения допрашиваемого, способен понять, что происходит дача ложных показаний [2 С.85]. И на основе этого уже принимает важные решения о том, у кого необходимо проверить документы, следует ли подозревать того или иного гражданина в противоправных деяниях, кого задержать и так далее. Учитывая то, что деятельность правоохранительных органов в осуществлении общественной безопасности предполагает существенное ограничение времени на продолжительные рассуждения, анализ поведения граждан, профайлинг представляет собой актуальный метод диагностики личности и выявления ложных показаний, позволяющий существенно повысить уровень безопасности для законопослушных граждан.

Литература

1. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Долгова К.А., Беркович О. Е. Профайлинг в деятельности сотрудников ОВД / «Нижегородская академия МВД России», № 3 (9), 2016.
3. Бизнес+: новости мира и политики. Трансаэро последние новости сегодня. Последние сведения на 01.02.2018 г. [электронный источник] // режим доступа: <https://business-plus.ru/399654transaero-poslednie-novosti-segodnya-posledie-svedeniya-na-01-02-2018-g/> (дата доступа: 17.06.2018 г.).
4. Филатов А. Профайлинг. Как научиться разбираться в людях и прогнозировать их поведение / А. Филатов. – М., 2016.

УДК 343.2/7

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ДАЧУ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ
FEATURES OF THE WARNING AND RESPONSIBILITY FOR GIVING
FALSE TESTIMONY**

Головченко С.Н., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Golovchenko S.N., graduate student of the Rostov Institute (branch) of the Voronezh State University of Higher Education (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in the city of Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности предупреждения за дачу ложных показаний в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации. Проанализированы особенности применения статьи. А также тщательно описана ответственность за дачу ложных показаний.

Abstract: The article discusses the features of the prevention of false testimony in accordance with Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation. Analyzed the features of the application of the article. And also carefully described the responsibility for giving false testimony.

Ключевые слова: ложные показания, ответственность за ложные показания, лжесвидетельство, ст. 307 УК РФ.

Keywords: false testimony, responsibility for false testimony, perjury, art. 307 of the Criminal Code.

Показания свидетелей, потерпевших, заключения экспертов и специалистов, правильный перевод имеют исключительно важное значение в обеспечении правосудия по уголовным, гражданским и другим делам. В частности, невозможно вести борьбу с преступностью без наличия правдивых показаний свидетелей и потерпевших. Поэтому заведомо ложное показание данных участников судопроизводства, предусмотренное ст. 307 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), расценивается законодателем как преступление против правосудия. В обиходе данное преступление обычно называют лжесвидетельством.

Рассматриваемый вид преступления характеризуется высокой латентностью. По мнению Галяшиной Е.И., уровень латентности данного вида преступлений достигает 50 % по уголовным делам и 90 % - по гражданским делам, по оценкам большинства экспертов - судей, прокуроров и следователей [2].

Количество уголовных дел данной категории незначительно - в целом по России в год их возбуждается 100 - 200. Среди осужденных большинство - свидетели (около 70 %),

остальные – потерпевшие [3]. Экспертов и переводчиков, привлеченных к уголовной ответственности, ни одним исследованием не выявлено. Самым распространенным объективным фактором лжесвидетельства выступает воздействие обвиняемых и других близких им лиц, нередко проявляющееся в принуждении к даче ложных показаний, а из субъективных - страх перед расправой и жалость к обвиняемому или его семье.

Как представляется, существует еще ряд причин возникновения ситуаций, когда во многих случаях наряду с другими доказательствами в основе обвинительных приговоров (а также решений судов по гражданским делам) лежат показания свидетелей, которые не отражали действительных обстоятельств дела, но не были оценены как ложные. Эта причина связана с тем, что, предупреждая свидетеля или потерпевшего об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, следователи и судьи во многих случаях не разъясняли им положения, содержащегося в примечании к ст. 307 УК РФ. В соответствии с данным Примечанием свидетель или потерпевший освобождаются от уголовной ответственности, если они добровольно до вынесения приговора или решения суда заявили о ложности данных ими показаний [1].

Вместе с тем, многие свидетели, с которыми приходится беседовать или допрашивать в судах, заявляли о том, что это положение уголовного закона им не известно. И дав однажды следователю ложные показания по одной из вышеперечисленных причин, они повторяли их в суде только потому, что думали, что если об этом станет известно, то они понесут предусмотренное законом наказание.

Ч.1 ст. 307 УК РФ указывает на возможность применения следующих видов санкций:

- штраф до 80 000 рублей же или штраф в размере зарплаты/другого дохода за 6 месяцев;

- до 480 часов обязательных работ;

- до 2-х лет исправительных работ;

- арест до 3-х месяцев [1].

Ч.2 ст. 307 УК РФ содержит специальный квалифицирующий состав (за лжесвидетельство, связанное с обвинением в тяжком или же особо тяжком преступлении).

За подобные действия законодатель предусмотрел следующие санкции:

- принудительные работы для виновного на срок до 5 лет;

- до 5 лет лишения свободы.

Наказание достаточно суровое, а перед допросом в следственных органах или в суде обязательно предупреждают об ответственности.

Рассмотрим, когда наступает ответственность за дачу ложных показаний по нормам ст. 307 УК РФ. Как и состав любого другого преступления, состав ст. 307 УК за дачу ложных показаний предусматривает наличие 4-х составляющих:

- субъект (он по ст. 307 УК РФ специальный; ответственность наступает с 16 лет);

- объективная сторона совершенного общественно опасного деяния;

- субъективная сторона;

- объект.

Субъект по этому преступлению специальный, ответственность за дачу ложных показаний в органах следствия, суда или дознания наступает с 16 лет.

Объективная сторона по ст. 307 УК РФ включает:

- ложные показания свидетеля, потерпевшего, а также специалиста;
- ложные заключения эксперта;
- неправильный перевод [1].

Показаниями в уголовном процессе являются сведения о тех обстоятельствах, что подлежат установлению по делу (личность обвиняемого, личность потерпевшего, взаимоотношения и другие). Преступными показаниями считаются только такие, которые относятся к предмету доказывания в уголовном процессе, влияют на вынесение приговора.

Ложными признаются показания, которые:

1. Полностью или частично не соответствуют действительности.
2. Допустимы к рассмотрению дела. Это значит, что они даны уполномоченному лицу в установленном порядке и были процессуально оформлены. К примеру, если вы просто будете рассказывать следователю в коридоре об известных вам обстоятельствах дела (без оформления протокола), такие показания не будут обладать свойством допустимости. А это значит, что их для уголовного процесса не было. Ложными показаниями по ст. 307 УПК нельзя признать умолчание свидетелем/потерпевшим об известных им обстоятельствах дела, характеристиках виновного.

Состав преступления является формальным. Точный момент окончания преступления по ст. 307 УК РФ зависит от стадии процесса:

1. С момента подписания вами протокола допроса это преступление становится оконченным (на стадии досудебного разбирательства).
2. После дачи показаний или предоставления информации (это уже при разбирательстве в суде).

Рассмотрим субъективную сторону преступления по ст. 307 УК РФ. Преступление по ст. 307 УК РФ характеризуется виной (прямой умысел). Это значит, что потерпевший/свидетель/эксперт/переводчик/специалист сознает, что он дает ложное показание/заключение/ложный перевод, желает ввести суд или органы уголовного преследования в заблуждение. Мотивы могут быть разными (корысть, месть, ревность, зависть и другие), но они не имеют значения для законодателя. Как правило, именно из-за сложности доказывания вины. За добросовестное заблуждение ответственность по нормам ст. 307 не наступает [5].

Объект - общественные отношения, связанные с правосудием, деятельность органов уголовного преследования, а также суда. Факультативным объектом по этому составу могут выступать интересы личности (потерпевшего, обвиняемого/подозреваемого или других).

Свидетель, потерпевший, а также эксперт, специалист или переводчик могут освободиться от уголовной ответственности. Для этого им необходимо рассказать о ложности данных показаний/сделанных заключений/переводов до вынесения решения суда.

Невозможно привлечь к ответственности по этой статье то лицо, которое добровольно заблуждалось, давая показания. Ответственность по ст. 307 УК РФ наступает лишь в таком случае, если ведется производство по уголовному делу. Если рассматривается гражданский иск, в ходе гражданского судопроизводства даются ложные показания, то ответственности по ст. 307 УК РФ не будет. Не подлежит ответственности и свидетель, в отношении которого уголовное дело выделили в отдельное производство (такое случается, когда преступление совершено 2-мя и более лицами) [4].

Необходимо разграничивать ст. 306 от 307 УК РФ. Статья 306 УК РФ носит название «Заведомо ложный донос», в ней содержится наказание за сообщение соответствующим органам о преступлении, которое на самом деле не было совершено [7].

К примеру, вы написали заявление о том, что ваш сосед Петров убил свою дочь; было совершено, но не тем лицом, которое вы указали в доносе.

К примеру, вашу квартиру обокрали (преступление совершено). Но в заявлении вы пишете, что это сделал Петров, хотя на самом деле это сделали вы сами, чтобы получить страховку/проучить Петрова или достичь еще какой цели; вы указали, что совершено более тяжкое преступление, чем было на самом деле.

Донос – это всегда сообщение о преступлении. Не будет доносом заявление в полицию о том, что сосед пьет; что он ходит ночью по кладбищам; что он аморально ведет себя. Но существует административная ответственность за лжесвидетельство. Но она касается случаев «обмана» в ходе рассмотрения административного дела (предусматривает наказание по КоАП) или в ходе исполнительного производства. Статья 17.9 носит такое же название, как и в УК («Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод»), предусматривает административный штраф в размере 1000 – 1500 рублей.

Подведем итоги:

1. Наказание за дачу ложных показаний свидетелем, потерпевшим, экспертом, специалистом или переводчиком в УК РФ может достигать 5 лет лишения свободы. Административная ответственность по ст. 17.9 предусматривает штраф на сумму до 1 500 рублей.

2. Ответственность за дачу ложных показаний не наступает, если лицо призналось в обмане до момента вынесения решения судом.

3. Ложный донос (ст. 306 УК РФ) нужно отличать от заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ).

4. Составы преступлений и по ст. 306 УК, и по ст. 307 УК РФ являются формальными.

5. Наказание за дачу ложных показаний по ст. 307 не наступает, если эти показания давались в ходе гражданского процесса.

6. Родственники, которые согласились давать показания и обманывали, привлекаются к ответственности по ст. 307.

7. По нашему мнению, было бы правильным, если в части 5 статьи 164, 216, 268, 277 и 278 Уголовно-процессуального кодекса РФ содержалось указание на обязательность разъяснения рассматриваемого в данной статье положения ст. 307 УК РФ свидетелям и потерпевшим.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Галяшина Е.И. Законодательные проблемы повышения качества судебных экспертиз // В сб.: Материалы 4-й международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 30-31 января 2013 г.) / Под. общ. ред. д-ра юрид. наук Е.Р. Россинской. – М.: Проспект, 2013.

6. Иванова Е.В. О некоторых перспективных формах производства судебной экспертизы // В сб.: Мат-лы 4-й Междунар. науч.-практич. конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 30-31 января 2013 г.) / Под. общ. ред. д-ра юрид. наук Е.Р. Россинской. – М.: Проспект, 2013.

7. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: Научное издание. – М.: Институт повышения квалификации РФЦСЭ при Минюсте России, 2005.

8. Плешаков С.М., Лысов Н.Н. К вопросу о сущности судебно-экспертных технологий // Мат-лы 3-й Международной науч.-практич. конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 25-26 января 2011 г.). – М.: Проспект, 2001.

9. Ситковская О.Д. Психологические признаки достоверности свидетельских показаний детей и подростков // Межвуз. науч.-практич. сборник. Вып. 1. Ставрополь, 2001. Серия «Юридическая психология».

10. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Проспект, 2012.

УДК 343.3/7

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА
GENERAL CHARACTERISTICS OF BRIBERY**

Дауров А.К., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Daurov A.K., Master's student at the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

В статье рассматриваются объективные и субъективные уголовно-правовые признаки взяточничества, включающего в себя такие преступления как получение взятки, дачу взятки, посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество.

The article deals with objective and subjective criminal law signs of bribery, including such crimes as bribery, bribery, mediation in bribe and petty bribery.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, состав преступления, уголовная ответственность.

Keywords: corruption, bribery, crime, criminal responsibility.

Противодействие коррупции - это одно из приоритетных направлений современной уголовно-правовой политики государства. Особое внимание со стороны государства и общества уделяется противодействию наиболее распространенному виду должностных преступлений – взяточничеству. Удельный вес в структуре преступлений против государственной власти и интересов службы данного вида должностных преступлений превышает 73%, а в структуре должностных преступлений – 85% [8].

Взяточничество - собирательное понятие, включающее в себя получение взятки (ст. 290 УК РФ), дачу взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ).

Традиционно получение взятки рассматривается как одно из наиболее опасных преступлений, совершаемых должностными лицами. Данный вид преступления характеризуется высокой степенью латентности, обоснованной тем, что и взятокодатель и взятокополучатель заинтересованы в совершении преступления и достижении преступного результата.

Для эффективной организации борьбы со взяточничеством в России необходимым, наряду с другими мерами, является тщательная разработка механизма привлечения лица к уголовной ответственности за совершение такого рода преступлений.

Практика деятельности правоохранительных органов по противодействию взяточничества демонстрирует, что выявление получения взятки происходит намного успешнее на стадии приготовления или покушения, чем после того как денежные средства

уже были переданы взяткополучателю. При этом важное значение приобретает уголовно-правовой анализ признаков взяточничества.

Объектом преступлений, предусмотренных главой 30 УК РФ, является совокупность общественных отношений по обеспечению нормального, то есть соответствующего требованиям законности функционирования аппарата публичной власти: органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственной и муниципальной службы.

Государственная служба подразумевает осуществление профессиональной деятельности, связанной с исполнением полномочий, возлагаемых непосредственно на органы государства. Служба же в органах местного самоуправления предполагает реализацию профессиональной деятельности на постоянной основе муниципальным служащим и направлена на решение задач местного значения.

Как отмечает А.В. Безруков, «государственный орган есть юридически оформленная действующая в установленном государством порядке часть системы органов государственной власти, наделенная государственно-властными полномочиями и необходимыми материальными средствами для реализации задач и функций, возложенных государством»[5].

Обязательным признаком взяточничества является предмет преступления - взятка, в качестве которой могут выступать материальные ценности и различного рода услуги имущественного характера, а также - иные выгоды имущественного характера: прощение долга, оплата долга должностного лица и т. п.

Если предметом взяточничества является имущество, изъятое из свободного оборота или ограниченное в таком обороте, то виновные лица несут ответственность еще и за незаконный оборот этих предметов.

Услуги нематериального характера, не влекущие получение материальной выгоды (например, дача благоприятного отзыва о работе должностного лица, почетная грамота и т. п.) не может рассматриваться как предмет взятки.

Объективная сторона как элемент состава преступления играет важнейшую роль, в первую очередь, потому что именно совершение деяния является основанием для привлечения лица к уголовной ответственности.

Основным признаком преступных деяний, совершенных должностными лицами, является факт его совершения благодаря занимаемому виновным должностного положения[5]. Среди российских ученых существуют множество мнений о том, что понимать под совершением преступного деяния, пользуясь своим служебным положением.

При раскрытии содержания этого признака все правоведы сходятся в том, что суть его заключается в совершении определенных действий или бездействий лицом единолично пользуясь служебным положением, т.е. при занятии определенного положения в системе госаппарата. Принято считать, что должностные преступления возможны лишь при

совершении деяний в области служебной деятельности лица в пределах тех полномочий, которые на него возложены[4].

Противоправным деяние будет и тогда, когда оно нарушает установленные принципы и методы прохождения службы в Вооруженных силах и в первую очередь принцип законности. Поэтому один из важнейших вопросов для определения этого признака является вопрос законности совершаемых должностным лицом действий по службе.

Непосредственно сам термин «должностное лицо» имеет определяющее значение для такого рода преступлений. Согласно юридической теории «определяя понятие должностного лица, посредством общего указания на характер выполняемых функций и обязанностей, а также путем конкретизации тех органов и учреждений, где данные полномочия осуществляются, закон не раскрывает содержания (границ) этих функций и обязанностей»[6].

Понятие должностного лица установлено в гл. 30 УК «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», определен в примечании 1 к ст. 285 УК РФ.

Подробное изучение и проведенный анализ текстов уголовного законодательства выявил терминологическую несогласованность по отношению к понятию «должностное лицо». К сожалению, законодательство в этом вопросе содержит ряд неточностей. Так в тексте ст. 285 УК применяется термин «должностные полномочия», а в тексте статьи 286 УК - термин «служебные полномочия». В примечании 1 к ст. 285 УК положение должностного лица определяется через его функциональные особенности.

По нашему мнению, следует в обязательном порядке при определении субъекта должностного преступления исходить в большей мере не из наименования должности, занимаемой лицом, а из особенностей его должностных полномочий. Сущностным признаком в понятии должностного лица должен быть характер (содержание) выполняемых им функций.

Например, Судебная коллегия Верховного Суда РФ признала правильным осуждение за получение взятки Ш., который как врач-терапевт городской поликлиники был назначен председателем медицинской водительской комиссии при поликлинике и в этом качестве получал вознаграждение от лиц, проходивших комиссионное обследование[1].

В другом случае, должностное лицо, причинившее вред в результате ненадлежащего осуществления своей работы, не было привлечено к уголовной ответственности, так как его деяние совершено при выполнении исключительно профессиональных обязанностей, прямо не связанных с его должностным статусом.

Так, Х. признан виновным в том, что, являясь должностным лицом (заведующим отделением анестезиологии, реанимации и интенсивной терапии), после проведения хирургами операций, в которых он принимал участие в качестве врача-анестезиолога, не определив групповую принадлежность крови, перепутал контейнеры с кровью, в результате чего причинил пациенту легкий вред здоровью.

Судебная коллегия отметила, что забор и переливание крови Х. осуществлял как врач, а не как должностное лицо – заведующий отделением анестезиологии, реанимации и интенсивной терапии. Он как врач-анестезиолог, проводивший анестезию Б. (что исключало на тот момент производство им переливания крови), взяв на себя функции врача-трансфузиолога, должен был профессионально исполнить обязанности и этого специалиста. С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переквалифицировала действия осужденного с ч. 2 ст. 293 УК РФ на ч. 2 ст. 118 УК РФ как причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей[2].

Таким образом, если та или иная функция отнесена законом исключительно к профессиональным обязанностям, она не может рассматриваться как признак должностного лица[3].

Итак, взяточничество как часть коррупционной преступности - это комплексное понятие, которое объединять несколько преступлений, имеющих общие, присущие только им признаки.

Литература

1. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 01.12.99 в отношении Шилькова, Ставропольским краевым судом осуждённого по п. «б» ч. 4 ст. 290 УК РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 8. С. 19-20.
2. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2007 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 10. С. 23.
3. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013)] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9. // СПС «Консультант Плюс».
4. Багаутдинов Ф.М. Кто защитит интересы государства? / Ф.М. Багаутдинов / Законность. 1997. № 11.с 5.
5. Безруков А.В. Правовая культура и социально-правовая сущность правопорядка (конституционно-правовой взгляд) / А.В. Безруков // Правовая культура. – 2015. - № 2 (21. – с. 37.
6. Егоров В.С. Понятие состава преступления в уголовном праве / В.С. Егоров - М.: Издательство НПО «МОДЭК», 2015.- с.47-48.
7. Сверчков В.В. Уголовное право. Общая и особенная части : учебник для академического бакалавриата / В.В. Сверчков. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2018. — 557 с.
8. Требух М.А. Современные тенденции некоторых должностных преступлений в Российской Федерации и Ставропольском крае / М.А. Требух // Актуальные проблемы противодействия современной преступности: материалы круглого стола. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. с. 489-496.

УДК 343.3/7

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО
THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE LEGISLATION
ON RESPONSIBILITY FOR BRIBERY**

Дауров А.К., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Daurov A.K., Master's student at the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

В статье раскрывается исторический аспект установления уголовной ответственности за взяточничество, путем анализа досоветского законодательства.

The article reveals the historical aspect of establishing criminal liability for bribery by analyzing the pre-Soviet legislation.

Ключевые слова: взяточничество, уголовная ответственность.

Key words: bribery, criminal liability.

Традиционно первым этапом развития российского права считают период существования Древней Руси. Это правовые памятники VII – XV веков. Правовыми источниками этого периода были: Русская правда и её редакции, Псковская судная грамота, Уставные и Судные грамоты. А так же судебные решения по отдельным вопросам.

Уже в это время появляется понятие взятки, то есть «посула», под которым понималось незаконном вознаграждении за выполнение властных полномочий и «мздоимства» – взяточничества. Великим князем Василием I Дмитриевичем московским, после присоединения к Москве Двинской земли, в 1397 году была «дарована» ей Двинская уставная грамота, в которой запрещалось получение «посула».

Многочисленные русские исторические и литературные источники свидетельствуют о широкой распространенности коррупции на Руси. Мздоимство, то есть взяточничество, запрещалось под угрозой наказания, но само наказание применялось довольно редко, поэтому его не боялись и среди бояр и иных чиновников было очень распространено. Бесправие низших классов не позволяло осуществлять борьбу с так называемой системой «кормления» чиновников.

Дальнейшее развитие основных институтов государства и укрепление центральной власти предопределило и существенные изменения в организации государственного управления. Так, при Иване IV (Грозном) были созданы стрелецкие полки - первые воинские отряды, несущие воинскую повинность на постоянной основе. Со временем были разработаны первые нормативные акты, регулирующие перечень обязанностей и степень

ответственности государственных служащих, что, в итоге, привело к появлению института уголовных наказаний, предусматривающих в том числе и ответственность за нарушения в сфере государственного управления[5].

Первое «антикоррупционное законодательство» в России было принято в царствование Ивана III. А его внук Иван IV Грозный издал указ, по которому чиновников, осуществляющих поборы, надлежало немедленно казнить.

В Судебнике 1497 г. Ивана III устанавливал довольно суровую ответственность за попытки подкупа судей. За получение подкупа судьей могли избить кнутом или вздернуть на дыбу.

Иван IV Грозный первый ввел смертную казнь за «чрезмерные» поборы.

В качестве известных, вызвавших большой общественный резонанс, фактов привлечения к уголовной ответственности за взяточничество, можно привести пример, когда «в 1654 году за «лихоимство» были выпороты кнутом князь Алексей Кропоткин и дьяк Иван Семенов, взявшие деньги и бочку вина с купцов за обещание не отправлять их в Москву, куда они должны были быть переселены по указу царя Алексея Михайловича»[5].¹

В XVII веке борьба с коррупцией практически прекратилась, что привело в итоге к единственному в истории «антикоррупционному бунту», которой состоялся в 1648 году при правлении царя Алексея Михайловича.

Новый толчок в развитии, указанные выше меры ответственности, получили во времена правления Петра I, посредством формулировки составов должностных преступлений воинских должностных лиц в текстах различных изданных им указах. В то время страна участвовала во множестве вооруженных конфликтах, и четкая регламентация прав и обязанностей командующего состава было важной необходимостью, как и создание системы уголовно-правовых норм об ответственности служащих[5].² Чиновники принимались на службу, им выплачивали официальное жалование и запрещалось «кормиться» за счет лиц, заинтересованных в их деятельности. Получение взятки в любой форме признавалось преступлением.

Однако бюрократический аппарат был очень большим, всем жалования не хватало и взяточничество оставалась очень распространенным явлением.

Система законов начала XVIII века – это многоуровневый сплав совокупности дисциплинарных, административно-правовых и уголовно-правовых норм уголовно-правовых. Так, Артикул Воинский 1716 года, созданный на основе шведских артикулов Густава Адольфа переработанных Карлом XI, немецкого уголовного законодательства,

---

¹Земцов, Б.Н. История государства и права России: Учебное пособие / Б.Н. Земцов – М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. – с.336.

²Сырых, В.М. История государства и права России. Советский и современный периоды / В.М. Сырых – М.: Проспект, 2014.- с. 81-83.

голландских, датских уставов и ордонансов Людовика XIV, содержал в себе одновременно нормы как позитивного, так и охранительного права[5].³

Артикулы содержали основания и принципы уголовной ответственности, определял какие деяния признавать преступлениями и понятие наказания за них. К уголовной ответственности могли привлекаться как физические так и юридические лица, а также группы лиц.

К должностным преступлениям того времени относилось взяточничество, неплатежи налогов, казнокрадство и попустительство преступникам. За совершение таких преступлений было предусмотрена довольно разнообразная система наказаний: смертная казнь, телесные наказания (членовредительство, клеймение, битье кнутом, прутьями, плетью и т.д.), каторжные работы, шельмование (лишение чести), конфискация имущества (полная или частичная), вычет из жалования.

Примерно в такой форме и практически без изменений законодательство о преступлениях должностных лиц сохранилось вплоть до царствования императора – Александра I.

К середине XIX века в Российской империи сформировалась стройная система общеуголовных должностных преступлений. К этому моменту в юриспруденции широко применялось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Вплоть до начала XX века отечественные правоведы общим объектом преступлений по службе признавали служебный долг. Долг службы – многогранное понятие, которое включало в себя совокупность тех обязанностей, которые выполнял военный служащий, находясь на службе. Оно также включало в себя начало безвозмездности служебных действий, необходимость соблюдения служебной тайны, долг подчиненности и другое. Большая доля должностных преступлений того времени заключалась в «посягательствах на общие блага, доступных для всех, но получаемых с помощью способа, обусловленного занимаемым особым положением виновного. В тот период предусматривалось десять вариантов превышения власти различными должностными лицами»[2].

Поражение в Крымской войне (1853 – 1856 годы) привело к вынужденным реформам в армейской системе управления и в управлении государством в целом.

В 1869 были разработаны следующие воинские уставы: «Воинский устав о наказаниях», «Устав дисциплинарный» и «Военно-судебный устав», которые вошли в особый свод военных постановлений 1869 года. Эти документы можно с полной уверенностью трактовать, как законодательные акты, ведь нормы об ответственности за превышение должностных полномочий, а именно «О превышении власти и противозаконном оной бездействии» была вынесена в отдельную главу[4].

³Акишин, М.О. «Общее благо» и государев Указ в эпоху Петра Великого / М.О. Акишин // Ленинградский юридический журнал. - С.-Пб., 2010.- № 3 (21).- с. 95-117.

В отдельных статьях данного указа прописывались квалификационный состав различных преступлений, в части превышения должностных полномочий военного начальника (ст. 141-152).

Следующим крупным этапом развития законодательства в области противодействия коррупции можно считать начало XX века, а именно первые годы создания большевистского государства. Благодаря идеям плеяды выдающихся дореволюционных правоведов Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого, Н.С. Северского, В.Н. Ширяева, и других, теоретические аспекты уголовного права для военнослужащих удалось существенно продвинуть вперед. Создание Красной Армии (январь 1918 года) испытывало трудности, ввиду наличия в частях бывших офицеров Царской России, зачастую последние не стремились полностью соблюдать предписания нового устава и нередко превышали свои полномочия. В скором времени советская власть научилось успешно бороться с подобными явлениями, частично приравняв злостное превышение должностных полномочий с пособничеством контрреволюционных заговоров. Однако в годы гражданской войны количество должностных преступлений значительно выросло, ввиду того, что руководящие посты занимали люди, не подготовленные к такого рода служебным обязанностям[6]. Коррупция в тот период стала довольно распространенным явлением, хотя официально это не признавалось.

Литература

1. Акишин М. О. «Общее благо» и государев Указ в эпоху Петра Великого / М.О. Акиншин // Ленинградский юридический журнал. - С.-Пб., 2010.- № 3 (21).- с. 95-117.
2. Зателепин О. К. Объект преступлений против военной службы: дисс. канд. юрид. наук. М.: Военный университет.- 1999.- с. 18-19.
3. Земцов Б. Н. История государства и права России: Учебное пособие / Б.Н. Земцов – М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. – с.336.
4. Мацкевич И. И. Общая характеристика преступности военнослужащих / И.И. Мацкевич // Законность, 2011.- № 2. с. 52-58.
5. Морозова Л. А. Теория государства и права: Учебник / Л.А. Морозова - М.: Норма НИЦ Инфа-М, 2017.- с 341-375.
6. Сырых В. М. История государства и права России. Советский и современный периоды / В.М. Сырых – М.: Проспект, 2014.

УДК 343.2/7

**ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ХУЛИГАНСКОГО МОТИВА
THE CONCEPT AND CONTENT OF HOOLIGAN MOTIVES**

*Макашев А.И., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России)*

*Makashev A.I., graduate student at the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the
Ministry of Justice of Russia)*

*В статье раскрывается уголовно-правовая характеристика хулиганского мотива,
как признака состава преступления.*

*The article reveals the criminal-legal characteristic of the hooligan motive as a sign of the
crime.*

Ключевые слова: преступление, мотив преступления, хулиганские побуждения.

Keywords: crime, motive of crime, hooligan motives.

Точное происхождение термина «хулиганство» до сих пор неизвестно. Существует несколько точек зрения на этимологию слова «хулиганство». Слова «хулиган», «хулиганство» происходят от русского слова «хула»; хулить – порочить, осуждать, бранить кого-либо.

В современном Уголовном кодексе России насчитывается двенадцать составов преступлений, для которых характерен хулиганский мотив. К ним относятся: убийство из хулиганских побуждений (п. «и» ч. 2 ст. 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью из хулиганских побуждений (п. «д» ч. 2 ст. 111), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью из хулиганских побуждений (п. «д» ч. 2 ст. 112), умышленное причинение легкого вреда здоровью, совершенное из хулиганских побуждений (ч. 2 ст. 115), побои, совершенные из хулиганских побуждений (ч. 1 ст. 116), умышленное уничтожение или повреждение имущества, совершенное из хулиганских побуждений (ч. 2 ст. 167), заведомо ложное сообщение об акте терроризма, совершенное из хулиганских побуждений (ст. 207) приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, совершенное из хулиганских побуждений; (ст. 215-2); приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов (ст. 215.3.), жестокое обращение с животными, совершенное из хулиганских побуждений (ч. 1 ст. 245), действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств и (ч. 1 ст. 267.1), наконец, непосредственно хулиганство (ст. 213).

Итак, в действующем уголовном законодательстве описано двенадцать составов преступлений, в которых в качестве признака указывается хулиганские побуждения в качестве мотива преступления.

В ряде случаев хулиганский мотив используется в качестве конструктивного признака состава преступления. То есть совершения деяния из хулиганских побуждений в отличии от тех же деяний, совершенных по другим мотивам, настолько повышает общественную опасность, что такое деяние признается преступлением. Криминообразующим признаком хулиганский мотив стал при совершении побоев, заведомо ложного сообщения об акте терроризма, приведении в негодность объектов жизнеобеспечения, приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов, жестокого обращения с животными, действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств.

Несмотря на то, что при описании состава хулиганства законодатель в диспозиции ст. 213 УК РФ не указал, что это преступление совершается из хулиганских побуждений, все проанализированные нами исследования, касающиеся уголовно-правовой характеристики хулиганства, содержат указание на необходимость установления указанного мотива при квалификации общественно-опасного деяния по ст. 213 УК РФ[2].

Таким образом под хулиганством в ст. 213 УК РФ понимается и общественно-опасное деяние, то есть грубое нарушение общественного порядка и мотив преступления – побуждение противопоставить себя обществу, сложившемуся порядку.

Грубое нарушение общественного порядка, исходя из этимологии этого слова (в словарях русского языка слово «грубый» – это дерзкий, необоснованный выпад в отношении кого-либо или чего-либо), определяется как беспричинное, без повода или с использованием незначительного повода нарушение общественного порядка, свидетельствующее о том, что ни виновный не получит конструктивный от таких действий результат, ни потерпевший их не спровоцировал[4].

Итак, в действующем уголовном законодательстве описано двенадцать составов преступлений, в которых в качестве признака указывается хулиганские побуждения в качестве мотива преступления.

В ряде случаев хулиганский мотив используется в качестве конструктивного признака состава преступления. То есть совершения деяния из хулиганских побуждений в отличии от тех же деяний, совершенных по другим мотивам, настолько повышает общественную опасность, что такое деяние признается преступлением.

Криминообразующим признаком хулиганский мотив стал при совершении побоев, заведомо ложного сообщения об акте терроризма, приведении в негодность объектов жизнеобеспечения, приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов, жестокого обращения с животными, действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств.

Несмотря на то, что при описании состава хулиганства законодатель в диспозиции ст. 213 УК РФ не указал, что это преступление совершается из хулиганских побуждений, все проанализированные нами исследования, касающиеся уголовно-правовой характеристики хулиганства, содержат указание на необходимость установления указанного мотива при квалификации общественно-опасного деяния по ст. 213 УК РФ.[2]

Под хулиганством в ст. 213 УК РФ понимается и общественно-опасное деяние, то есть грубое нарушение общественного порядка и мотив преступления – побуждение противопоставить себя обществу, сложившемуся порядку.

Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 213 УК РФ предполагает грубое нарушение общественного порядка, которое определяется как нарушение общественного порядка без каких либо явных причин, означающее, что лицо, нарушающее общественный порядок не получает в следствии своего деяния какого либо конструктивного результата и такое поведение преступника не вызвано поведением жертвы. Вместе с тем, ряд юристов полагают, что если широко толковать термин «общественный порядок», на который посягает преступление, предусмотренное ст. 213 УК РФ, как совокупность отношений, установленная в обществе, характеризующаяся общественным спокойствием и предполагающая нормальное осуществление гражданами своих прав и законных интересов, а также нормальное функционирование организаций, то в этом случае трудно представить себе преступление, которое не посягало бы на общественный порядок[3,5,6].

Соглашаясь с утверждением, что фактически любое преступление представляет собой посягательство на права и законные интересы физических лиц или нарушают нормальную деятельность организаций, можно сделать следующий вывод. Хулиганство предполагает открытое грубой, пренебрежительное отношение к правилам общежития, к сложившимся в обществе правилам, в том числе правилам отношений, которые сложились между различными группами разной социальной принадлежности.

Неуважение к обществу, которое носит явный, открытый характер, и которое не имеет под собой какой либо причины, выступает особенностью преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ. Другие, рассмотренные выше преступления, совершенные с хулиганским мотивом к признаку грубого нарушения общественного порядка индифферентны.

В ряде составов преступления хулиганские побуждения выступают в качестве квалифицирующих признаков, которые отягчают уголовную ответственность. Большинство из этих преступлений: убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, среднего вреда здоровью и легкого вреда здоровью – преступления, направленные против личности. Кроме того, хулиганский мотив в качестве обстоятельства отягчающего ответственность указан в одном преступлении против собственности – это причинение умышленно имущественного ущерба.

В опубликованной судебной практике Верховного Суда РФ и в разъяснениях правил квалификации различных видов преступления, преступления, совершенные из хулиганских побуждений характеризуются отсутствием какого либо явного повода или использованием незначительного предлога для совершения общественно опасного деяния[1].

При описании субъективной стороны совершения преступления из хулиганских побуждений в приговорах суда, проанализированных в рамках настоящего исследования,

употребляются следующие формулировка: «без причины», «решил пошутить», «возникшей вспышки гнева к неизвестному ранее человеку» и т.д.

Проведенное исследование позволило определить хулиганский мотив как причину, по которой лицо совершает общественно-опасное деяние, которая, исходя из общечеловеческого понимания, не имеет смысла и не может быть побуждением к совершению преступного действия.

Литература

1. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 15.11.2007 № 45] // СПС «Консультант Плюс».
2. Антоян Ю.М. Хулиганство как мотив преступления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2017, № 4. – С. 94-101.
3. Безверхов А.Г. Ответственность за уничтожение и повреждение чужого имущества : учеб.пособие / А.Г. Безверхов, И.Г. Шевченко. – Самара, 2011. – С. 35.
4. Плохова В.И. «Классическое» хулиганство, преступления из хулиганских побуждений и экстремистское хулиганство (статья 1) / И.В. Плохова // Известия Алтайского государственного университета, № 2, 2012. - С. 103-107.
5. Тазин И.И. Психологическое содержание хулиганских побуждений как мотива преступления / И. И. Тазин // Альманах современной науки и образования. - Тамбов, 2014.
6. Шинкарук В.А. Доказывание мотива хулиганства: проблемы и значение / В.А. Шинкарук // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: юриспруденция, 2014. №2. – С. 114-118.

УДК 343.2/.7

**ХУЛИГАНСКИЕ ПОБУЖДЕНИЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ХУЛИГАНСТВА
HOOLIGAN MOTIVES AT FULFILMENT HOOLIGANISM**

Макашев А.И., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Makashev A.I., graduate student at the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

В статье на основе анализа уголовного законодательства и судебной практики раскрывается содержание хулиганских побуждений как признака состава преступления.

The article reveals the content of hooligan motives as a sign of the crime on the basis of the analysis of criminal legislation and judicial practice.

Ключевые слова: уголовная ответственность, хулиганство, признаки состава преступления, хулиганские побуждения.

Key words: criminal liability, vandalism, the elements of the crime, hooliganism.

Понятие «хулиганства» как общественно-опасного деяния уголовный закон раскрывает в ст. 213 УК РФ как «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу». В отличие от хулиганского мотива, хулиганство как деяние выражается в конкретных действиях, нарушающих сложившиеся в обществе правила поведения.

Более подробное разъяснение как преступлению в виде хулиганства, так и хулиганских побуждений дал Пленум ВС РФ в своем Постановлении от 15.11.2007 № 45. В частности, согласно пункту 12 этого документа судам и иным лицам, занимающимся правоприменительной деятельностью следует различать хулиганство от других уголовно-наказуемых деяний, квалифицирующим признаком которых являются хулиганские побуждения.

Определяющие факторы для разграничения хулиганства от хулиганских побуждений является: содержание умысла виновного; направленность его действий, его конечная цель; обстоятельства, при которых совершено деяние.

Анализ судебной практики показал, что виновный может быть привлечен к ответственности за хулиганство, то есть деяние, установленное ст. 213 УК РФ, и одновременно за преступление, предусмотренное другой нормой и содержащей признак «из хулиганских побуждений».

Простым примером подобного случая является причинение виновником значительного ущерба имуществу потерпевшего из хулиганских мотивов и одновременное совершение других действий, которыми он нарушает общественный порядок и выражает

явное неуважение к обществу. Как разъяснил Верховный Суд, при рассмотрении подобных дел квалификация преступных действий должна быть произведена как по ст. 213 УК РФ, так и по части 2 ст. 167 УК РФ.

По нашему мнению, это нарушает такой основополагающий принцип уголовного права, как принцип справедливости (ст. 6 УК РФ). В рассмотренном выше примере суд при осуществлении квалификации дважды учел хулиганский мотив, как отягчающий уголовную ответственность обстоятельство.

Вандализм, совершенный по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, следует отличать от хулиганства, совершенного по тем же мотивам. При вандализме нарушается не только общественный порядок, но и причиняется вред имуществу путем осквернения зданий и иных сооружений, порчи имущества на транспорте или в иных общественных местах. В тех случаях, когда наряду с вандализмом (ст. 214 УК РФ) лицо совершает хулиганство, ответственность за которое предусмотрена статьей 213 УК РФ, содеянное следует квалифицировать по совокупности названных статей Уголовного кодекса РФ.

Хулиганство это частный случай хулиганских побуждений. Если лицо совершает действия, которые выражаются в грубом нарушении общественного порядка, то его хулиганские побуждения здесь преобразуются в отдельный состав преступления, описанный в ст. 213 УК РФ. У хулигана нет умысла нанести вред здоровью или жизни, уничтожить или повредить имущество. Он просто выражает свое недовольство и неуважение к окружающим его людям. При этом может иметь место сговор или сопротивление полиции.

Такие признаки, как «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу». Эти признаки в науке уголовного права называют оценочными. К ним относят «неконкретизированные в законе уголовно-правовые понятия, призванные отражать не предмет в его целостности, а свойства этого предмета, содержание которых устанавливается лицом, применяющим уголовно-правовую норму на основе фактических обстоятельств дела»[1].

Оценочные понятия также можно назвать «относительно определенными, содержание которых раскрывается только с учетом конкретной ситуации, обстоятельств рассматриваемого дела»[3]. Исходя из вышеуказанных определений, можно сделать вывод, что толкование оценочных понятий в полной мере находится в компетенции конкретного правоприменителя. В связи с этим в юридической литературе и судебной практике неоднократно указывалось, что для решения вопроса о том, грубо или не грубо нарушен общественный порядок, правоприменитель должен тщательным образом проанализировать всю совокупность действий виновного.

Так, например, суд установил, что И.Р.Б. в период времени с 20 часов до 21 часа 25 минут, находясь в состоянии алкогольного опьянения в кафе А., расположенном на, то есть в общественном месте, грубо нарушая общественный порядок, проявляя явное неуважения к

обществу, демонстрируя свое пренебрежение к общепринятым нормам морали, желая продемонстрировать свое физическое превосходство, действуя умышленно, беспричинно, стал публично, в присутствии посторонних граждан - посетителей и работников кафе, оскорблять продавца кафе М., выражаясь в ее адрес нецензурной бранью. Затем, продолжая хулиганские действия, взял со стола стеклянную бутылку емкостью 0,5 литра, наполненную пивом, замахнулся и умышленно бросил бутылку в М., попав ей в голову, причинив многочисленные ссадины.

Необходимо отметить, что законодатель, устанавливая признак «грубости» нарушения общественного порядка, не установил четких критериев оценки данного признака, тем самым предоставив правоприменителю право самостоятельно оценивать при квалификации хулиганства наличие грубого нарушения общественного порядка в деянии.

Проанализировав оценочные признаки состава хулиганства и правоприменительную практику по применению ст. 213 УК РФ, можно утверждать, что под грубым нарушением общественного порядка понимается признак, характеризующий деяние, которое выражается в явном отклонении правил поведения, сложившихся в обществе, нарушающее моральные нормы, сложившуюся совокупность общественных отношений, в условиях которой обеспечиваются общественное спокойствие, права и законные интересы членов общества и нормальное функционирование организаций.

Понятие «явное неуважение к обществу» в хулиганстве связано с мотивом совершения такого преступления, так как только при грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу, можно говорить о выполнении лицом действий, единственной причиной которых является желание совершить указанные деяние.

Так как хулиганство выражается в нарушении общественного порядка, в научной литературе определяется в качестве характеристики хулиганских действий, совершение их в публичных местах[2].

В тоже время проведенный анализ материалов опубликованной судебной практике Верховного Суда РФ показал, что если для совершения общественно опасных действий повод был незначительный, то суд на этом основании может сделать вывод, что осужденный совершил хулиганство, даже без признака публичности. Например, хулиганский мотив устанавливался и в случае совершения преступления в безлюдном месте при отсутствии третьих лиц, т.е. свидетелей или других потерпевших.

Представляется, что единственной характеристикой деяния как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, является то, что, с точки зрения большинства членов общества, у таких действий нет никаких явных причин.

В заключении хотелось бы отметить, что в последнее время наметилась тенденция ужесточения уголовной репрессии в отношении лиц, совершающих преступления из хулиганских побуждений. Проведенное исследование показало, что за последние несколько лет появились новые составы преступления, содержащие хулиганский мотив в качестве признака, характеризующего субъективную сторону таких преступлений.

Учитывая, что одной из основных задач уголовного права является предупреждение преступлений, ужесточение уголовного наказания за совершения деяний из хулиганских побуждений представляется необходимым и целесообразным. Ответственность за совершение таких деяний должна повышаться, что является сдерживающим фактором для лиц, склонных к хулиганским действиям.

Основываясь на криминологическом анализе личности виновных в совершении хулиганских действий, для преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, строгость наказания является оправданной. Виновный должен осознавать, что совершение преступления «просто так» не чуть не менее опасно, чем, например, из-за корыстных побуждений или по мотиву ненависти или вражды к какой-либо социальной группе (экстремистскому мотиву).

Литература

1. Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Кобзева. - Саратов, 2002. - С. 4.
2. Овчаренко Е.И. Доказывание в досудебном производстве по уголовным делам о хулиганстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Е.И. Овчаренко. – М., 2004.
3. Соловьева Т.А. Оценочные понятия и суждения в уголовно-процессуальном праве / Т.А. Соловьева // Правоведение. 1986. № 3. С. 69 -73.

УДК 341.96

**УСТРОЙСТВО СИРОТ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ - ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭЛЕМЕНТ НОВОЙ ТРАНСГРАНИЧНОЙ СФЕРЫ УСЛУГ**

**THE ORGANIZATION OF ORPHANS IN MODERN SOCIETY -
A REQUIRED ELEMENT OF NEW CROSS-BORDER SERVICE SECTOR**

*Синдиев А., магистрант, кафедра гражданско-правовых дисциплин Филиала РТУ
МИРЭА в г. Ставрополе.*

*Sindiev A., Master student, Department of Civil Law disciplines of the Branch of the RTU
MIREA in the city of Stavropol.*

e-mail: sindei17sid@gmail.com

*Аннотация. В статье освещаются спорные вопросы правоприменения в области
международного усыновления с учетом целого ряда федеральных нормативных актов.*

*Annotation. The article deals with controversial issues of law enforcement in the field of
international adoption, taking into account a number of federal regulations.*

*Ключевые слова: несовершеннолетний, дети, оставшиеся без попечения родителей,
дети-сироты, усыновленный, семья, семейные ценности, права ребенка, демографический
кризис.*

*Keywords: minor, children left without parental care, orphans, adopted, family, family
values, rights of the child, demographic crisis.*

Вопрос о статусе несовершеннолетних, об усыновлении и о праве ребенка на семью становится стратегически важным в политическом, правовом и бытовом смысле. Принятые сегодня законодательные акты, безусловно, снижают роль традиционных семейных ценностей, усиливают возможности государственного контроля и вмешательства в отношения между родителями и детьми.

Как известно, развитие человечества идет по восходящей спирали. От собирательства и кочевничества к возделыванию земли и добыче полезных ископаемых. Индустриальный период сменился информационным обществом. Теперь мы живем уже в экономике услуг. Общей тенденцией стала преобладающая доля доходов от сервиса над доходами от промышленности в бюджетах практически всех передовых стран мира. Но где именно могут на постоянной основе генерироваться новые доходы от услуг, кроме традиционных обучения, здравоохранения, службы быта (прачечные, химчистки, парикмахерские), туризма, гостиничного бизнеса? Выясняется, что самым перспективным и доходным является сегодня социальный сектор: все, что связано с престарелыми, инвалидами, безработными и особенно детьми. Это настоящий Клондайк для предприимчивых людей на Западе и в России тоже. Вокруг каждого такого социально незащищенного субъекта, попавшего в зону внимания

государственных структур, можно создать десятки бюджетных рабочих мест и списывать на его содержание огромные ресурсы. Даже в нашей стране, по официальным статистическим данным, содержание одного ребенка в обычном детском доме обходится бюджету как минимум на порядок дороже всех расходов на его проживание в средней обеспеченной семье.

Именно поэтому вопрос о статусе несовершеннолетних, международном усыновлении и праве ребенка на семью становится стратегически важным в политическом, правовом и бытовом смысле. В настоящее время имеется целый ряд федеральных нормативных актов.

Эта позиция безупречна, если хоть на секунду представить, что все указанные законы, как и все прочие, могут существовать и реализовываться в политически стерильном пространстве.

В таком случае любой непредвзято настроенный читатель полностью солидаризируется с юристом и подтвердит грубейшее нарушение прав родителя, прав ребенка, прав семьи как главной ячейки всякого нормального общества [1].

В настоящее время вопрос о том, какой должна быть семья и каковы ее ценности, стоит крайне остро. Проблемы основания семьи, ее формы, длительности существования, соотношения прав, обязанностей, взаимопомощи и поддержки, как материальной, так и моральной, актуальны для современного общества [2].

Зарубежные исследования показали, что структура семьи (полная, неполная и т.д.) сама по себе автоматически не приводит к негативным последствиям в отношении благополучия детей, а следовательно, не влияет и на благосостояние семейной группы. Выявлено, что на благополучие детей влияют стиль воспитания родителей, экономическое состояние семьи, сплоченность семьи, психическое состояние родителей и другие факторы, то есть не существует прямых причинно-следственных связей между структурой семьи и ее благополучным существованием.

Отношение к семье и семейным ценностям неизменно меняется. Об этом свидетельствуют тенденции радикальных изменений в законодательстве европейских стран, изменения в толковании и применении норм международного права, в частности положений Конвенции о защите прав и основных свобод.

Но проблема заключается в том, что сама глобальная ситуация в политико-правовой сфере уже существенно изменилась. Теперь цитируемые законы уже не вполне отвечают новому тренду развития правовой мысли как в мире в целом, так и в нашей стране. Появляются новые правовые концепции и конкретные правовые акты, которые формулируют новые приоритеты в обществе и экономике [1]. Для примера можно привести формально отвергнутый в России, но фактически реализуемый во всем мире проект, связанный с современной концепцией ювенальной юстиции.

Важно признать, что нормотворчество такого направления, по сути, является приоритетным, что подтверждается не только заявлениями политиков о специфических

путях выхода из демографического кризиса, о повышении пенсионного возраста, о способах преодоления массовой безработицы, но и принятием 28 декабря 2013 года Федерального закона N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» [3].

Основанием для вмешательства государства в родительские права сегодня является трудная жизненная ситуация, в которой оказались дети в силу самых разных причин. Такое положение действует в России с 1998 года и вполне согласуется с международными стандартами, установленными Конвенцией о правах ребенка. Теперь же сами родители, как и любые другие жители страны, становятся предметом исследования и оценки чиновников с точки зрения трудной жизненной ситуации, в которой они вынуждены находиться.

Следует отметить, что предпосылками невмешательства государства в семейные споры служат нормы как национального, так и международного права. В частности, ч. 1 ст. 23 Конституции РФ закрепляет, что граждане имеют право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Пункт 1 ст. 8 Конвенции провозглашает право каждого на уважение его личной и семейной жизни. Конвенция о правах ребенка устанавливает для государств-участников обязанность уважать право ребенка на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство, имя и семейные связи [4].

Статья 9 Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях, содержит положение о том, что лица, ответственные за заботу о ребенке, должны признавать желание переданного им на воспитание или усыновление ребенка знать о своем происхождении, если это не противоречит наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Анализируя практику Европейского суда по вопросам нарушения ст. 8 Конвенции, можно сделать вывод, что суды, вынося решения по семейным спорам, нередко, по мнению Суда, нарушают право на невмешательство в личную и семейную жизнь, гарантированное Конвенцией.

Рассматривая дело «Олссон против Швеции», в котором заявители жаловались на неуважение к их семейной жизни, которое выразилось в разлучении родителей с детьми, а также братьев и сестер между собой, суд установил, что вмешательство шведских властей было осуществлено в правомерных целях [5]. Тем не менее, суд счел, что, хотя власти действовали обоснованно, законно и добросовестно, меры, принятые для исполнения решения об опеке, не были подкреплены достаточными основаниями, которые позволяли бы считать действия властей соразмерными преследуемой правомерной цели.

Иначе говоря, они не являлись, несмотря на предоставленную национальным властям свободу усмотрения, необходимыми в демократическом обществе. Перечень оснований, по которым всякого человека можно отнести к категории социально уязвимых и неспособных самостоятельно справиться с бедой, по закону является очень длинным и открытым.

Таким образом, в данной ситуации вскоре уже отец должен будет доказать, что он сам не находится в тяжелой жизненной ситуации, чтобы иметь право претендовать на усыновление собственного мальчика. Судя по конкретной фабуле дела, даже очень сильный юрист не поможет этому папаше.

Какой выход можно порекомендовать в рассматриваемой ситуации? Первое, что приходит на ум, - классическая цитата: «Суровость российского законодательства компенсируется необязательностью исполнения законов». Но, если рассуждать серьезно, то с этой позиции можно вполне положительно рассматривать попытку введения в России социального патроната, который позволяет, не изымая ребенка из семьи, осуществлять помощь детям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Данный законопроект широко обсуждался, было высказано мнение о том, что в том виде, в котором сформулированы положения данного закона, речь идет не о помощи, а о контроле со стороны органов опеки и попечительства.

Думается, что идея законодателя о введении такого института, как социальный патронат, необходима в современных условиях, так как его применение возможно в случаях, когда недостаточно оснований для лишения или ограничения родительских прав, указанных в СК РФ.

В судебной практике имеют место случаи, когда виновное неисполнение родителями своих обязанностей было доказано, но суд, учитывая характер их поведения, приходил к выводу, что исправление поведения родителей возможно без ограничения их контакта с ребенком.

Так, в судебном заседании отец и сын высказывались негативно в адрес друг друга. Подросток отказывался общаться с отцом, убегал из дома. Отец, в свою очередь, полагал, что требование должного поведения от сына и постоянный жесткий контроль - это единственный правильный способ воспитания. Были назначены встречи с психологом, после которых отношения в семье стабилизировались. Ребенок согласился вернуться домой, и отношения в семье были восстановлены [2]. Помимо этого, была сохранена семья, восстановлено право ребенка на семейное воспитание.

Важно использовать новые механизмы ответственности замкнутых крупных корпораций. Иногда такие финансовые способы контроля более действенны, чем традиционные прокурорско-судебные меры воздействия. Если мы приходим к выводу, что появление и устройство сирот в современном обществе - это обязательный элемент новой трансграничной сферы услуг, то необходимо задействовать современные международные антикоррупционные акты, включающие огромные финансовые санкции за нарушения корпоративных требований комплаенс-контроля.

Литература

1. Пантелеев Б. «Сиротпром» как двигатель новой экономики // ЭЖ-Юрист. 2014. N 50. С. 14.

2. Соседова М.В. Меры семейно-правовой ответственности / М.В. Соседова // Судья. 2014. N 6. С. 48 - 50.

3. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон [от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 07.03.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018)] // Собрание законодательства РФ. – 2013. - N 52 (часть I). - Ст. 7007 // СПС Консультант Плюс

4. Ситкова О.Ю. Реализация права на семейную жизнь и его защита в Европейском суде по правам человека // Семейное и жилищное право. 2017. N 3. С. 12 - 15.

5. Воронцова И.В. Постановления Европейского суда по правам человека, исполнение которых было признано невозможным Конституционным Судом РФ // Современное право. 2017. N 4. С. 62 - 69.

УДК 341.9

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ УСЫНОВЛЕНИИ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ
THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF LEGISLATION ON ADOPTION
WITH A FOREIGN ELEMENT**

Абраменко Г.И., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Филиала РТУ МИРЭА в г. Ставрополе.

Abramenko G.I., Ph.D. in Law, Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Branch of the RTU MIREA in the city of Stavropol.

Синдиев А., магистрант кафедра гражданско-правовых дисциплин Филиала РТУ МИРЭА в г. Ставрополе.

Sindiev A., Master student, Department of Civil Law disciplines of the Branch of the RTU MIREA in the city of Stavropol.

e-mail: sindei17sid@gmail.com

Аннотация. В данной статье проанализированы основные направления совершенствования законодательства о международном усыновлении на современном этапе.

Annotation. This article analyzes the main directions of improvement of legislation on international adoption at the present stage.

Ключевые слова: международное усыновление, законодательство, новации, усыновление детей-инвалидов, охрана детства, интересы ребенка, защита прав и интересов несовершеннолетнего.

Keywords: international adoption, legislation, innovations, adoption of children with disabilities, child protection, the interests of the child, protection of the rights and interests of the minor.

В настоящее время наибольшую актуальность, а также обеспокоенность вызывают вопросы, связанные с усыновлением детей с иностранным элементом. Ключевым моментом стало недавнее принятие Государственной Думой пакета законодательных актов, гарантирующих российским детям государственную защиту при усыновлении.

Наиболее важным направлением усиления защиты прав и интересов несовершеннолетнего ребенка, является принятие новых законодательных актов, которые бы затрагивали важные сферы жизни несовершеннолетнего.

В данном случае речь идет о некоторых Федеральных законах, в частности о Федеральном законе от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»,

а так же о Федеральном законе от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Эти два законодательных акта объединены одной общей целью, которая состоит в укреплении правовых предпосылок защиты прав ребенка.

Эти нормативно-правовые акты являются неэффективными, они лишь создают некую иллюзию благополучия и защиты прав несовершеннолетнего.

Принят Федеральный закон от 02.07.2013 N 167-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», этим законом увеличены пособия на отдельные категории усыновляемых россиянами детей – сирот. Размер пособия вырос до 100 тыс. рублей для тех граждан, которые готовы усыновить детей-инвалидов, детей старше 7 лет, а также кровных братьев и сестер.

Наиболее важным правом для несовершеннолетнего ребенка является право на охрану его детства.

Получается, что в общих положениях существует существенная проблема, которая затрудняет защиту прав ребенка семейным законодательством РФ, а так как в СК РФ защита детства в данном концепте отсутствует, в связи с этим эта принципиально важная идея не отражается, хотя и пронизана многими его статьями [1].

Особое внимание в СК РФ уделяется усыновлению как приоритетной форме устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Однако, и данные изменения несовершеннолетним и имеют определенные недочеты.

Представляет интерес правовой опыт Франции в сфере усыновления. По Гражданскому кодексу Франции (Кодексу Наполеона) допускается, в отличие от российского законодательства, усыновление эмбриона, которое может быть приравнено к усыновлению ребенка в нанонотальном периоде, т.е. на «эмбриональной стадии развития» [2].

Кроме того, обращает на себя внимание то, что законодательство Франции предусматривает два вида усыновления – полное и простое.

В соответствии со ст. 356 ГК Франции полное усыновление ребенку заменяет его биологическое родство: кровные отношения усыновленного с его семьей прекращаются, за исключением запретов на вступление в брак, предусмотренных ГК Франции.

Таким образом, при полном усыновлении, родительские права и обязанности в отношении ребенка прекращаются полностью, как и в законодательстве России, а права и обязанности усыновителей устанавливаются. Но все же в отличие от СК РФ имеется ряд исключений, не предусмотренных российским законодательством, например исключение запрета на вступление в брак.

По законодательству РФ, усыновление – это правоуставливающий и правопрекращающий акт. Однако, в отличие от СК РФ, ГК Франции предусматривает второй вид усыновления, так называемое простое усыновление, при котором усыновленный

остаётся в своей родной семье и сохраняет по отношению к ней все свои права, в том числе право наследования (ст. 364 ГК Франции).

Несмотря на это усыновитель обладает исключительными полномочиями осуществлять в отношении усыновленного все родительские права, включая право давать свое согласие на заключение им брака, если только этот усыновитель не является супругой отца или супругом матери усыновленного.

Представляет интерес и подход австрийского законодателя к решению вопроса усыновления. Так, Гражданский кодекс Австрии закрепляет участие законных представителей ребенка и его самого в процессе усыновления. Усыновление осуществляется, в отличие от Российского законодательства, на основании двух юридически значимых документов - письменного договора между усыновителем и усыновляемым, а также разрешения суда, получаемого по заявлению одной из сторон договора. В соответствии с СК РФ, основанием для установления усыновления в РФ является решение суда. По законодательству Австрии, в случае если суд разрешает усыновление, оно вступает в силу с момента согласования воли сторон договора.

Постановлением Правительства РФ от 29.03.2000 N 275 (ред. от 02.06.2016) «Об утверждении Правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства» установлен порядок контроля за условиями воспитания усыновленных детей.

При передачи ребенка в другую страну, контроль за этим возложен на консульские учреждения. Но как показывает практика, этот контроль не всегда является эффективным. Поэтому данный вопрос требует детальной проработки и урегулирования на законодательном уровне [3].

На сегодняшний день пункт 1 ст. 125 СК РФ, который предусматривает рассмотрение заявления об установлении усыновления только судом, распространяется на все категории усыновителей, в состав которых входят все члены семьи, где уже находится ребенок. Так, на практике чаще всего происходит усыновление совершенно чужими лицами.

Обратим внимание на ст. 127 СК РФ, которая запрещает усыновление лицам, состояние здоровья которых может препятствовать полноценному осуществлению ими родительских прав. Список таких заболеваний приведен в Постановлении Правительства РФ от 14.02.2013 N 117 «Об утверждении Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную семью».

Однако отметим, что данное положение не должно распространяться на отчима или мачеху, так как они являются близкими родственниками ребенка. Поэтому необходимо иначе решать данную проблему, так как увеличения числа усыновленных чужими, в

дальнейшем может привести к хорошо налаженному бизнесу, где прибылью будет служить материальное пособие на усыновленного.

Федеральный закон от 20.04.2015 N 101-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Семейный кодекс Российской Федерации» дополнил ст. 127 СК РФ еще рядом ограничений, касающихся усыновления. В данном случае речь идет об:

а) отсутствию у усыновителей дохода, который обеспечивал бы усыновляемому ребенку прожиточный минимум. Получается, что если ты бедный человек, и какими бы ты положительными качествами ни обладал, тебе быть усыновителем нельзя.

б) отсутствию у усыновителя недвижимого имущества (жилого помещения), которое отвечало бы установленным техническим и санитарным требованиям.

Отметим, что идея продвижения интересов ребенка неоспорима. Однако нормы частично противоречат тем, которые устанавливают запреты, в которых они не должны быть. Например, в соответствии с пунктом 6 статьи 71 СК РФ запрещается переводить детей граждан России до истечения шести месяцев с даты вынесения решения суда о лишении родительских прав.

Причиной для ребенка не считается то, что при прекращении родительских прав относится к тому, что это уже крайняя мера, прибегнув которой, в случае, когда трудно подсчитать изменения со стороны родителей. С другой стороны, если судьба маленького ребенка, то каждый день его пребывания в благоприятных условиях много значит для него. На самом деле, система отдает предпочтение интересам лица, рассматриваемого как родитель, а не ребенка, что противоречит установленным принципам семейного права, которые направлены на защиту прав несовершеннолетних на защиту [4].

Для решения вопросов усыновления с помощью иностранного элемента необходимо принять в стране следующие меры: улучшить работу органов опеки и попечительства, суды, сделать более строгим процедуру отбора кандидатов в усыновителей, поднять требования к лицам и организациям, которые непосредственно участвуют в процессе усыновления (принятия).

Полагаем, что принятие (усыновление) ребенка в Российской Федерации должно стать более престижным и повсеместным.

Предлагается во избежание негативных последствий для расширения списка заболеваний, которые могут препятствовать усыновлению, а также исключить возможность усыновления (усыновления) детей лиц с психическими заболеваниями независимо от того, признаны они судом недееспособными или нет, частично способными. Мы также запрещаем усыновление детей лицами с другой сексуальной ориентацией, а также устанавливаем максимальный возраст предполагаемых приемных родителей, чтобы они учитывали возраст и состояние здоровья, позволяя воспитывать и поддерживать ребенка во взрослую жизнь.

В заключение отметим, что Правительство РФ поставило задачу к 2018 г. снизить в два раза количество государственных детских домов. Органы опеки и попечительства ориентированы на передачу детей в семьи. Курс взят на сохранение всего двух типов детских

домов: дома семейного типа и малокомплектные (менее 30 человек). Несколько ранее Президентом РФ был издан Указ от 28.12.2012 N 1688 «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Этим же указом предписывается, создание механизмов правовой поддержки граждан РФ, имеющих желание усыновить (удочерить) детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Для этого предполагается упростить процедуру передачи на усыновление (удочерение) детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Предполагается, что для эффективного решения поставленной задачи следует как можно быстрее устранить имеющиеся правовые коллизии в институте усыновления. Кроме этого очевидна необходимость разработки нового подхода относительно вопросов правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с усыновлением детей, оставшихся без попечения родителей [5].

Таким образом, напрашивается вывод о том, что при всем правовом многообразии в области защиты семьи и детства определенные недостатки и лакуны имеют место быть. Одной из форм решения данного вопроса может стать пересмотр отдельных норм семейного законодательства.

Литература

1. Беланова Г.О., Шульженко И.С. О совершенствовании института международного усыновления / Г.О. Беланова, И.С. Шульженко // Труды Юридического института Северо-Кавказского федерального университета Северо-Кавказский федеральный университет. - Ставрополь, 2014. - С. 74-75.
2. Романовский Г.Б., Романовская О.В. Насцитурус в семейно-правовых отношениях и современная биомедицина // Семейное и жилищное право. 2013. N 6. С. 26.
3. Закирова С.А. Проблемы правового регулирования института усыновления / С.А. Закирова // Гуманитарные и социальные науки. - 2015. - № 6. – С. 180-194
4. Баландина С.В., Ефремова А.С. Практика устройства детей-сирот Российской Федерации в иностранные семьи // Региональное развитие. 2014. №2. С.107-111
5. Минеева И.Н., Панфилов М.А. Проблемы усыновления (удочерения) российских детей иностранными гражданами // Пробелы в российском законодательстве. 2014. №1. С.271-274

УДК 347.626.6

**ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ: ДОВЕРИТЕЛЬНОСТЬ
И ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ
THE PROPERTY RELATIONS IN THE FAMILY: TRUST AND HONESTY**

*Темиров А., магистрант, кафедра гражданско-правовых дисциплин Филиала РТУ
МИРЭА в г. Ставрополе.*

*Temirov A., Master student, Department of Civil Law disciplines of the Branch of the RTU
MIREA in the city of Stavropol.*

e-mail: abramenko68@mail.ru

Аннотация. В данной статье проанализированы доверительность и добросовестность в имущественных отношениях в семье, особое внимание уделено имущественным отношениям супругов и бывших супругов.

Annotation. This article analyzes the trust and good faith in property relations in the family, special attention is paid to the property relations of spouses and former spouses.

Ключевые слова: семья, брак, расторжение брака, раздел имущества, степень добросовестности, обоюдное согласие, имущество, приобретенное в браке.

Key words: family, marriage, divorce, division of property, degree of good faith, mutual consent, property acquired in marriage.

Важнейшим из фундаментальных положений, на которых строится семейно-правовое регулирование, несомненно, является доверительность как базовый признак семейных правоотношений, благодаря которой, по словам Е.М. Ворожейкина, «достигается цель семейного правоотношения». Ее утрата влечет существенное изменение или прекращение семейных отношений. Н.Н. Тарусина в развитие этих положений отмечает системное проявление данного признака на регулятивном уровне семейно-правового регулирования, что подчеркивает его конститутивное значение.

Действительно, в регулятивных семейных отношениях, учитывая их личный доверительный характер, члены семьи самостоятельно выстраивают систему внутренних ценностей. Поэтому степень добросовестности остается на их усмотрение.

Сейчас в собственности граждан, и в частности супругов, может находиться любое имущество в любом количестве и любой стоимости. Это принципиальное положение порождает массу теоретических и практических вопросов. Одним из них является вопрос об информированности супругов о реальном имущественном положении друг друга. Есть ли это право у супругов?

Обещание делить все в жизни пополам остается актуальным и после расставания супругов. По крайней мере, до того момента, пока не будут решены все имущественные

вопросы между мужем и женой. В условиях взаимной неприязни даже мебель и посуду бывает нелегко поделить, а уж раздел бизнеса при разводе может вызвать не только бурю эмоций, но и стать причиной длительных судебных разбирательств.

Если семейные отношения изжили себя, и хотя бы один из супругов испытывает желание расстаться, приходит время задуматься о том, как узаконить это стремление и официально закрепить за второй стороной статус «бывший/бывшая». Оформить развод можно двумя путями: административным (через органы ЗАГС) или судебным. И хотя первый способ считается приоритетным, расторгнуть брак без суда могут только пары, которые соответствуют следующим критериям: обоюдное согласие расторгнуть брак; отсутствие общих детей; признание одного из супругов недееспособным, безвестно пропавшим или осужденным на срок свыше трех лет (вне зависимости от наличия в семье ребенка). Если указанные условия не выполняются, то получить свидетельство о расторжении брака можно только по решению суда.

Семейное право подразумевает, что вступление в брак должно происходить исключительно по доброй воле сторон. Исходя из этого принципа, сохранение семьи без согласия обоих супругов невозможно. Если отношения окончательно разладились, на помощь супругам приходит Семейный кодекс РФ [1]. Вопросам прекращения брака посвящена гл. 4 СК РФ: ст. 18 и 19 разъясняют добровольный порядок расставания, ст. 21-24 уточняют нюансы судебного решения дела.

Основным препятствием к расторжению брака по упрощенному порядку считается наличие совместных несовершеннолетних детей. Суд должен убедиться в том, что интересы ребенка не будут ущемлены ни морально, ни материально (ст. 24 СК РФ).

Другим сложным моментом, часто решаемым только через суд, является раздел общего имущества (ст. 34 СК РФ). В данном случае мировой судья или районный суд помогут выяснить, что является совместно нажитым имуществом (ст. 38 СК РФ). Только после этого можно приступать к рассмотрению вопроса относительно долевого раздела имущества или определять механизм и размер компенсации доли, причитающейся одному из супругов [2].

Если заявление о расторжении брака становится реальностью, муж и жена могут рассчитывать, что закон никого из них не ущемит в правах: имущественных — расстающиеся стороны имеют право на равный раздел совместно нажитого имущества; родительских — наличие соглашения между супругами или постановления суда позволяет не только решить вопрос о содержании детей, но и гарантировать право на общение с ними и участие в воспитании; неимущественных — если одна из сторон намерена сохранить брак, суд обязан предоставить супругам время на примирение.

Если глава семьи успешно ведет дело, его супруга редко задумывается о собственной карьере, полностью посвящая себя семье. И только когда разрыв отношений становится неизбежным, вопрос о том, как делится бизнес при разводе, если собственник муж, переходит из разряда праздных в насущные [3]. Первым делом нужно выяснить: какое

имущество, приобретенное в браке или основательно переоснащенное за средства семейного бюджета, используется в коммерческих целях. Вне зависимости от того, чье имя указано в свидетельстве о праве собственности, все нажитое за годы супружества делится поровну: в натуральном виде или путем выплаты компенсации по рыночной стоимости. Согласно семейному законодательству, решая, как делится бизнес мужа, бывшие супруги могут пойти двумя путями: переговоры (медиация) и добровольное соглашение; судебное разбирательство.

Современное общество глубоко волнуют проблемы личной собственности, в том числе в сфере семейных отношений. Многие пары решают вопрос раздела имущества в случае расторжения брака еще на стадии заключения брака. Брачный контракт практически не оставляет поля для маневра [4]. Если супруги не подумали о заключении такого договора, или в тот момент им просто нечего было делить, то при расставании можно попробовать найти компромисс и решить вопрос раздела собственности мирным путем. Во время переговоров супруги (или их представители) определяют:

- Что принадлежало каждому из них до брака либо было получено путем наследования или в результате дарения. Все это остается у владельцев.

- Какие ценные вещи и недвижимость были приобретены на общие средства. Это имущество считается совместно нажитым, поэтому в отношении такой собственности действует правило равного раздела.

Достигнув договоренности о передаче отдельных предметов или выплате компенсации, можно обращаться к нотариусу. Если одна из сторон откажется выполнять условия соглашения, нотариально заверенный документ можно использовать как доказательство в суде.

При составлении договора о разделе нужно помнить, что личные вещи мужа, жены и детей не подлежат разделу. К тому же при определенных условиях добрачная собственность может быть признана общей.

Если супругам не удалось договориться мирно, придется привлечь судебные инстанции. При рассмотрении дела о разводе в суде истцу необходимо предпринять определенные шаги:

В зависимости от типа имущества, подавать иск следует в уполномоченные судебные инстанции: в мировой суд — для исков стоимостью до 50 тысяч рублей; в районный суд по месту жительства ответчика, если супруги делят более дорогое движимое имущество; в районный суд по адресу расположения недвижимости, если спор касается зданий, земельных участков, встроенных помещений и тому подобного.

Исковые требования нужно подтвердить документально. Для этих целей следует прикрепить к заявлению в суд все, что может относиться к рассматриваемому вопросу: например, свидетельство о праве собственности или документ купли-продажи. Это подтвердит заявленную стоимость, а дата покупки поможет установить факт совместного приобретения; документы, свидетельствующие о том, что добрачное имущество было

модернизировано или реконструировано в браке и на общие деньги; расчеты или справки, подтверждающие изменение первоначальной стоимости предметов разбирательства; выписки из госреестров прав собственности или участия в хозяйственных обществах и прочие документы, призванные обосновать право на получение большей части нажитого (потребности детей, состояние здоровья и др.).

Свои претензии и их обоснование нужно подробно изложить в исковом заявлении.

Такая форма коммерческой организации, как ИП подразумевает право гражданина реализовывать свой предпринимательский потенциал. Для этого он может использовать любое принадлежащее ему имущество. Все, что было приобретено для бизнеса, принадлежит ИП как частному лицу. В этом смысле раздел имущества ИП при разводе принципиально не отличается от порядка деления остальной общей собственности. Если купленные в браке предметы используются для предпринимательской деятельности, закон позволяет считать их неделимыми, ведь раздел может препятствовать работе ИП. Чтобы обеспечить принцип равенства, решая, как при разводе разделить бизнес ИП, суд использует механизм взыскания денежной компенсации половины стоимости в пользу другого супруга.

Кроме осязаемых вещей к совместно нажитому имуществу принято относить результаты предпринимательской деятельности [5]. А они могут выражаться как в прибыли, так и в убытках.

Согласно ст. 39 СК РФ, супруги несут равную ответственность по долгам, если заемные средства были привлечены с согласия второй половины или использовались для семейных нужд. Не всегда нужно радоваться положительному ответу на вопрос, делится ли ИП при разводе, ведь бизнес — это не всегда прибыль.

Удачное вложение средств в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью приносит в супружеский бюджет немалый доход, который после расставания становится предметом судебного спора. Если учредителями предприятия в равных долях выступают оба супруга, то фактический раздел ООО при разводе не обязателен [6]. Партнеры могут просто договориться о совместном управлении. Если выработать общий подход не удастся, то остается три варианта действий: выкупить долю партнера; продать свою часть бывшему супругу; продать бизнес и поделить вырученную сумму пополам.

Если собственником доли является только один из супругов, то эта часть подлежит разделу между мужем и женой в равных частях. При этом постановления суда в отношении того, как делится ООО между супругами, могут быть разными, особенно, если другие совладельцы компании не согласны с изменением состава участников.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон [от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017)] // Собрание законодательства РФ. – 1996. - N 1. - Ст. 16 // СПС «Консультант плюс»

2. Ломакина П.А. Презумпция общего характера приобретенных в браке долгов / П.А. Ломакина // Семейное и жилищное право. 2016. N 1. С. 13 - 16.
3. Поротикова О.А. Правовой режим обязательств супругов // Семейное и жилищное право. 2018. N 1. С. 70 – 71
4. Липовских Н.В. Информационные правомочия супругов: имущественный аспект // Семейное и жилищное право. 2018. N 1. С. 58 - 59.
5. Тарусина, Н.Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения : монография / Н.Н. Тарусина. – Москва : Проспект, 2014. – 281 с.
6. Темникова Н.А. Имущественные отношения в семье: доверительность vs добросовестность // Семейное и жилищное право. 2018. N 1. С. 82 - 84.

УДК 314.55

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ
THE LIABILITY OF SPOUSES FOR OBLIGATIONS**

Темиров А., магистрант, кафедра гражданско-правовых дисциплин Филиала РТУ МИРЭА в г. Ставрополе.

Temirov A., Master student, Department of Civil Law disciplines of the Branch of the RTU MIREA in the city of Stavropol.

e-mail: *abramenko68@mail.ru*

Аннотация. В данной статье предпринята попытка исследовать ответственность супругов по обязательствам, в том числе обязательствами, связанными с имуществом и долгами, приобретенными в период брака.

Annotation. This article attempts to investigate the responsibility of spouses for obligations, including obligations related to property and debts acquired during the marriage.

Ключевые слова: супруги, брак, обязанности, связанные с имуществом, брачный контракт, обязательства, вытекающие из-за причинения вреда.

Keywords: spouses, marriage, obligations related to property, marriage contract, obligations arising from harm.

Для того чтобы официально создать семью, мужчина и женщина должны зарегистрировать свои отношения в органах ЗАГСа. С этого момента они обретут определенные обязанности, в том числе и связанные с имуществом. У супругов как вместе, так и по отдельности могут возникать обязательства, влияющие на их совместную жизнь.

В соответствии с законодательством муж и жена имеют равные права и обязанности. Так, они могут самостоятельно принимать решения, не касающиеся их семейной жизни, имеют право на собственную индивидуальность и развитие. Вместе с тем супруги обязаны беспокоиться о семье, уважительно относиться друг к другу. Они могут распределить свои обязанности и совместно решать вопросы, связанные с жизнью семьи. Наряду с этим законом предусмотрено, что каждый супруг самостоятельно несет ответственность за свои личные долги, хотя по желанию они могут и совместно принимать такие обязательства. Кроме того, существуют обязанности по взаимному содержанию супругов и бывших супругов, как во время, так и после расторжения брака. Также муж и жена должны принимать участие в лечении друг друга. При необходимости изначально урегулировать свои имущественные отношения можно заключить брачный контракт.

Для начала нужно определиться с тем, что такое обязательства. Они представляют собой правоотношения, в результате которых одно лицо обязано совершить в пользу другого

какие-либо действия: заплатить деньги, передать имущество, оказать услуги и так далее. Первое лицо будет выступать в роли должника, второе – кредитора.

Таким образом, ответственность – это своего рода последствия, наступающие в результате выполнения или невыполнения тех или иных действий. У супругов она будет зависеть от того, личным или общим является долг.

Ответственность супругов по обязательствам в семейном праве регулируется Семейным кодексом РФ [1] и Гражданским кодексом РФ [2]. Наиболее распространенными являются договорные обязательства, внедоговорные, а также обязательства, вытекающие из-за причинения вреда. При решении вопроса об ответственности в том или ином случае необходимо выяснить, какого рода существующие обязанности.

Как уже отмечалось ранее, обязательства могут носить личный или общий характер, то есть принадлежать одному из супругов или совместно им обоим. Для того чтобы определить категорию долга, обращают внимание на несколько факторов: момент возникновения обязательства; источник его возникновения; назначение долга [3]. Выяснение данных обстоятельств дает возможность определить ответственность супругов.

Личную категорию обязательств составляют те, которые возникают или могут возникнуть у каждого из супругов индивидуально. Как правило, они тесно связаны с личностью человека и появляются: до момента государственной регистрации брака; во время брака, но направлены на удовлетворение личных потребностей; после причинения вреда одним из супругов; в результате трудовых отношений; вследствие обременения имущества, которое является собственностью одного из супругов; из-за неисполнения одним из супругов своих алиментных обязанностей; в связи с другими обстоятельствами, тесно связанными с личностью должника.

Имущественная ответственность супругов по обязательствам возникает по их инициативе в интересах семьи. Здесь под должниками понимаются как муж, так и жена. К общим долгам относят обязательства: в соответствии с которыми оба супруга являются должниками (договор, совместное причинение ущерба); возникающие из правоотношений, в которых должником выступал только один супруг, но выгода, которую он получил, потрачена на общие нужды семьи; возникшие в результате обременения общего имущества супругов; появившиеся в результате причинения вреда общими детьми [4].

Солидарная ответственность означает, что кредитор имеет право требовать исполнения обязанностей как от должников совместно, так и от любого из них по отдельности, всего долга или его части. Так, многих интересует вопрос, отвечает ли жена по долгам мужа и наоборот. Если при взыскании общего имущества не хватает, супруги несут ответственность солидарно. Стоит принимать во внимание, что Гражданско-процессуальный кодекс РФ содержит в себе перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание. Такой вид ответственности может распространяться и на случаи с кредитами. Солидарная ответственность супругов по кредиту может быть оспорена, если доказать, что полученные денежные средства не были использованы на нужды семьи [5]. Часто такая

необходимость возникает при разрыве отношений, прекращении совместного проживания и расторжении брака. ГК РФ также предусматривает, что общий долг может возникнуть в результате совместного причинения супругами вреда другим лицам. По долгам такого рода также предусмотрена солидарная ответственность.

При наличии общих обязательств, а также по обязательствам одного из супругов, если полученное (например, заем) было использовано на нужды семьи, взыскание будет направлено в первую очередь на их общее имущество, а потом уже – если его не хватит – на личное. По обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено на личное имущество должника, но если такового будет недостаточно, кредитор вправе требовать погасить долг и за счет общего имущества супругов. Вместе с тем, если судом наложен арест на имущество второго супруга, последний имеет право обратиться в суд для его снятия. В таком случае может быть произведен выдел доли супруга-должника.

Ответственность супругов за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми, определяется законодательством как солидарная. То же касается случаев, когда дети уже совершеннолетние, но не понимают своих действий из-за наличия у них психических расстройств, и при этом родители знают об этой проблеме, но не ставили вопроса о признании ребенка недееспособным.

Предусмотренные законодательством гарантии прав кредиторов СК РФ говорит о том, что супруг в случае заключения, изменения или расторжения брачного договора должен уведомить об этом своего кредитора. Если же данное условие не будет выполнено, то он несет ответственность по своим обязательствам независимо от содержания контракта. При этом кредиторы супруга-должника имеют право требовать внести изменения в условия либо же вовсе расторгнуть заключенный между мужем и женой договор по причине существенно изменившихся обстоятельств.

Ранее уже упоминалось, что не на все имущество может быть направлено взыскание. Это предусмотрено процессуальным законодательством. Так, согласно исполнительному документу, не может быть обращено взыскание на: жилое помещение, если оно является единственным пригодным для проживания, не считая случаи, когда оно числится предметом ипотеки; земельный участок, на котором находится вышеуказанное жилье, если он не является предметом ипотеки; предметы домашней обстановки, вещи, предназначенные для индивидуального пользования; вещи, которые необходимы для профессиональной деятельности лица, если их стоимость не превышает 100 минимальных размеров оплаты труда; предметы, используемые для хозяйственной деятельности; семена для посева; продукты питания; денежные средства в размере не менее прожиточного минимума; топливо для приготовления пищи и отопления помещения; средства передвижения в связи с инвалидностью; личные призы, государственные награды и памятные знаки.

Часто браки распадаются после многих лет проживания, за время которых супруги успевают приобрести не только имущество, но и долги. И тогда возникает вопрос, как разделить долги между супругами. По личным обязательствам отвечает каждый сам за себя,

а вот как быть с общими? Априори разделение должно происходить по принципу равенства. Это значит, что при стандартных условиях муж и жена берут на себя равное количество обязательств. Но в некоторых случаях суд может отступить от этого правила, чтобы защитить интересы того или иного супруга либо ребенка (детей). Раздел имущества может происходить по согласию сторон или же в судебном порядке.

В 2016 году Верховный суд РФ определил, что долг по договору займа может быть признан общим, только если он был взят для семейных нужд. Бремя доказывания в такой ситуации будет лежать на той стороне, которая претендует на распределение долга. Когда обязательство сочтется общим, супруги будут нести по нему ответственность солидарно. В соответствии с процессуальным законодательством, суд определяет, какие именно обстоятельства имеют значение для дела и какая сторона должна их доказывать.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон [от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017)] // Собрание законодательства РФ. – 1996. - N 1. - Ст. 16 // СПС «Консультант плюс»
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон [от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017)] // Собрание законодательства РФ. – 1994. - № 32. – Ст. 3301 // Ломакина П.А. Презумпция общего характера приобретенных в браке долгов / П.А. Ломакина // Семейное и жилищное право. 2016. N 1. С. 13 - 16.
3. Поротикова О.А. Правовой режим обязательств супругов // Семейное и жилищное право. 2018. N 1. С. 70 – 71
4. Слесарев С. Супруги и долги // Административное право. 2016. N 2. С. 39 - 44

УДК 347.63

**ПРАВОВЫЕ ТОНКОСТИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ И СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА
LEGAL INTRICACIES OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGY
AND SURROGACY**

Хамходова З., магистрант, кафедра гражданско-правовых дисциплин Филиала РТУ МИРЭА в г. Ставрополе.

Khamkhodova Z., Master student, Department of Civil Law disciplines of the Branch of the RTU MIREA in the city of Stavropol.

e-mail: *abramenko68@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассмотрены новеллы российского законодательства в сфере репродуктивных технологий, обращено внимание на спорные ситуации при применении ВРТ.

Annotation. This article discusses the innovations of the Russian legislation in the field of reproductive technologies, draws attention to controversial situations in the application of ART.

Ключевые слова: искусственные методы репродукции, ВРТ, донор, бесплодие, донорские гаметы, репродукция человека, суррогатная мать, имплантация эмбриона другой женщине.

Keywords: artificial methods of reproduction, ART, donor, infertility, donor gametes, human reproduction, surrogate mother, implantation of an embryo to another woman.

Вопросы вмешательства в естественный процесс искусственными методами репродукции, вызывает ряд вопросов и дискуссий.

Доводы немногочисленных сторонников остановки прогресса сводятся к гипотетической возможности передачи детей, рожденных с помощью ВРТ, однополым парам, а необходимость дополнительного государственного регулирования обосновывалась наличием эксцессов, вызвавших широкий общественный резонанс. При этом большинство ученых различных областей знаний сходятся во мнении о том, что проблема излишне раздувается средствами массовой информации.

За сохранение statusquo выступил Департамент медицинской помощи детям и службы родовспоможения Минздрава России. Представляют особый интерес статистические данные, приведенные данным Департаментом: в России 9 млн. бесплодных пар; за 2017 год благодаря методу экстракорпорального оплодотворения (далее - ЭКО) родилось 17 тыс. детей, из которых с применением суррогатного материнства - 254, и лишь в восьми случаях пары не состояли в браке или донором являлся один родитель.

Спорные ситуации в области вспомогательных репродуктивных технологий имеются, но они единичны. Это подтверждается и данные Росстата.

Следующий вопрос, требующий пристального внимания и детального рассмотрения использование услуг суррогатной матери, как одного из методов лечения бесплодия.

Согласно п. 77 Приказа Министерства здравоохранения РФ от 30 августа 2012 г. N 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» и ч. 9 ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям.

По данным Российской ассоциации репродукции человека, число детей, рожденных в России с применением данной технологии, за период с 2010 по 2014 г. увеличилось почти в два раза (с 199 до 388) [1].

Возрастающая популярность ВРТ требует четкого правового регулирования. Хотя Закон об основах охраны здоровья содержит указания на необходимость заключения договора между суррогатной матерью и потенциальными родителями, ст. ст. 51 и 52 СК РФ предписывается лишь дача письменного согласия потенциальных родителей на имплантацию эмбриона другой женщине.

В гражданском и семейном законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие договора о суррогатном материнстве, что существенно усложняет определение правовой природы такой сделки (как квалифицировать этот договор).

С одной стороны, гражданско-правовая сущность обуславливается возмездностью договора при выполнении всех условий участниками. С другой стороны, односторонний отказ от выполнения обязательств со стороны суррогатной матери не повлечет за собой негативных правовых последствий для нее в случае, если суррогатная мать откажется от дачи согласия на регистрацию рожденного ребенка потенциальным родителям (ч. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ). Отсутствие ответственности за односторонний отказ от исполнения обязательств свидетельствует о расхождении с общими положениями гражданского законодательства [2].

Также представляется затруднительным отнести данный договор к поименованным или непоименованным.

С одной стороны, родители-заказчики заключают договор на оказание услуг с суррогатной матерью (вынашивание, рождение и дальнейшая передача ребенка).

С другой стороны, не существует ни перечня существенных условий, ни границ ответственности, ни установленной последовательности реализации самой программы, ни конкретного перечня лиц, имеющих право воспользоваться данной программой.

Думается, стоит отнести данный договор к смешанным договорам (ч. 3 ст. 421 ГК РФ), так как он содержит или может содержать элементы нескольких видов поименованных договоров. Договор о суррогатном материнстве может иметь как коммерческий, так и альтруистический характер (например, когда мать рождает ребенка для своей дочери).

Следует отметить, что в настоящий момент договор о суррогатном материнстве не подлежит государственной регистрации и (или) обязательному нотариальному удостоверению.

Из-за упомянутой ранее недостаточно разработанной правовой базы нередко возникают случаи злоупотребления и мошенничества в данной сфере.

Наиболее распространены случаи, когда суррогатные матери после рождения ребенка отказываются давать согласие на регистрацию (на запись лиц) потенциальных родителей в качестве родителей новорожденного и пытаются шантажировать последних, чтобы получить большую выгоду, чем это предусмотрено договором.

Подобный случай был заслушан Конституционным Судом РФ 12 мая 2012 г. [3]. Потенциальные родители обратились в суд с жалобой в связи с нарушением их конституционных прав ч. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ и п. 5 ст. 16 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», согласно которым суррогатной матери оставляется право не передавать ребенка после рождения, тем самым препятствуя выполнению взятых на себя договорных обязательств в отношении потенциальных родителей. Суд в принятии к рассмотрению жалобы отказал, в связи с недопустимостью, т.к. она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Подобных случаев можно избежать или по крайней мере минимизировать отрицательные последствия, внося некоторые поправки и дополнения в действующее законодательство.

В частности, решения обозначенной проблемы можно достичь путем введения отдельной главы в СК РФ, призванной урегулировать отношения участников репродуктивной технологии. Законодатель должен закрепить понятие договора суррогатного материнства, определить его существенные условия, без которых заключение договора станет невозможным. Необходимы подробное описание предмета договора и закрепление условий выполнения обязательств сторон.

В целях минимизации рисков, вызванных правовой неграмотностью сторон, следует рассмотреть возможность включения договора о суррогатном материнстве в перечень сделок, подлежащих обязательному нотариальному удостоверению.

В таком случае нотариус, объясняя суть договора сторонам, удостоверился бы в том, что сделка не ущемляет чьи-то права и направлена на соблюдение интересов ее сторон.

Включение данного вида договора в число договоров, подлежащих обязательной государственной регистрации, позволило бы ужесточить контроль на протяжении всей

процедуры, а также проводить более глубокий анализ использования ВРТ в различных субъектах Федерации.

Введение соответствующих положений в ГК РФ либо в СК РФ, а также обязательное нотариальное удостоверение таких сделок позволило бы сократить мошенничество в этой сфере, определило бы стандарты этики и добросовестного поведения участников правоотношений, поскольку на данный момент суррогатное материнство является фактически ничем не ограниченной коммерческой деятельностью.

Литература:

1. Отчет регистра // Режим доступа: URL: http://www.rahr.ru/registr_otchet.php.
2. Горбунов З.Н. Договор о суррогатном материнстве и его значение в системе защиты прав участников репродуктивной технологии // Юстиция. 2017. N 2. С. 53 - 57.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: Определение Конституционного Суда РФ [от 15 мая 2012 г. N 880-О] // Документ опубликован не был // СПС «Консультант Плюс»

УДК 347.63

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ASSISTED
REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES**

Хамходова З., магистрант, кафедра гражданско-правовых дисциплин Филиала РТУ МИРЭА в г. Ставрополе.

Khamkhodova Z., Master student, Department of Civil Law disciplines of the Branch of the RTU MIREA in the city of Stavropol.

e-mail: *abramenko68@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы демографии и рождаемости в России через призму правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий, выявлены проблемы и предприняты попытки найти ответы и решения.

Annotation. The article examines the issues of demography and fertility in Russia through the prism of legal regulation of assisted reproductive technologies, identifies problems and attempts to find answers and solutions.

Ключевые слова: демография, рождаемость, бесплодие, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, «отсроченная репродукция», криоконсервация, «посмертная репродукция».

Keywords: demography, fertility, infertility, assisted reproductive technologies, surrogate motherhood, “delayed reproduction”, cryopreservation, “post-mortem reproduction”.

В России вопросы демографии и рождаемости, огромного количества бесплодных пар стоят очень остро. С 2005 года на законодательном уровне наметились определенные изменения в отношении повышения рождаемости, изменилась концепция государства в отношении проблем семьи и детства. Государство более пристальное внимание обратило на состояние материальной составляющей семьи – это и увеличение пособий в связи с рождением ребенка, и введение в законодательство положений о так называемом «материнском капитале» [1]. Вместе с тем уровень рождаемости пока еще недостаточен для обеспечения воспроизводства населения.

Таким образом, особое значение приобретает совершенствование законодательства в данной сфере.

Актуальность проблемы бесплодия, достигшей критических масштабов, требует четкого правового регулирования. Возрастающая популярность вспомогательных репродуктивных технологий рассматривается как один из методов его лечения.

Технологический прогресс существенно изменил как образ жизни человека, так и многие сферы его жизнедеятельности. И хотя условия подавляющего большинства жителей планеты улучшились, процесс развития человечества также послужил источником отрицательного влияния на окружающую среду, а заодно и на здоровье человека.

Одним из таких негативных явлений является бесплодие. Статистика бесплодного населения репродуктивного возраста по России не добавляет оптимизма и составляет 10 - 20% всего населения. К сожалению не лучшее положение и в Европе. Так в Италия каждая пятая пара бесплодна, в Великобритании – каждая седьмая пара, во Франции около 15% женщин страдают бесплодием [2]. 15% болеющих бесплодием среди взрослого населения является критическим для выживания любой нации. Именно поэтому следует рассматривать данную проблему как вопрос национальной безопасности.

Человеку предстоит решить эту проблему, чтобы дальше развиваться и сохранить свой род. В настоящее время, при использовании различных инноваций и ноу-хау медицина, современная наука научилась не только лечить бесплодие, как женскую форму, так и мужскую, но и вторглась в святая святых - репродуктивный процесс, применяя вспомогательные репродуктивные технологии, в том числе и суррогатное материнство.

Однако до настоящего времени единого закона, регулирующего ВРТ нет. Серьезным прорывом в правовой доктрине было принятие Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», основные положения которого вступили в силу 1 января 2012 г. Данный закон включил в себя множество новелл.

В дополнение к Федеральному закону № 323-ФЗ был принят ряд подзаконных актов, которые способствовали реализации положений в части порядка использования вспомогательных репродуктивных технологий, которые закрепляют не только медицинские аспекты искусственной репродукции, но и определяют правовые вопросы.

Также вступил в действие приказ Министерства здравоохранения РФ от 30 октября 2012 г. №556н «Об утверждении стандарта медицинской помощи при бесплодии с использованием вспомогательных репродуктивных технологий» [3], которым определен перечень обязательных медицинских услуг для диагностики, лечения заболевания, состояния контроля за лечением, а также перечень применяемых лекарственных препаратов с указанием среднесуточных и курсовых доз.

С принятием новых норм устранены некоторые, но далеко не все проблемы правоприменительной практики.

Не решен вопрос полного равенства в правовом статусе мужчины и женщины: женщина, в соответствии с нормами законодательства, имеет возможность и право воспользоваться репродуктивными технологиями, у мужчины такое право отсутствует.

Вопрос о возрасте женщины, желающей воспользоваться ВРТ, также остается открытым, не нашел своего решения на законодательном уровне, ни на практике.

Суррогатное материнство как уже не раз отмечалось – является способом лечения бесплодия у бесплодных пар, однако вопрос дозволения воспользоваться услугами суррогатной матери женщине, способной самой родить ребенка так и остается открытым. Обращает на себя внимание, что к услугам суррогатной матери желают прибегнуть не только женщины с установленным диагнозом «бесплодие», но также и женщины, у которых формально нет бесплодия. Это женщины, которые по каким-то основаниям, не создали семью и не желающие взять ребенка на усыновление, однако хотели бы иметь «условно» собственного ребенка.

Видится, что одним из выходов из этой ситуации является определение социальных показаний для применения ВРТ, либо психологическая работа, направления на ориентацию таких женщин на возможность усыновить оставленного ребенка.

Стоит отметить, что законодательство о репродуктивных технологиях содержит еще ряд новелл. Одним из обязательных условий оказания медицинской помощи при лечении пациентов с использованием ВРТ является обоюдное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство.

Следующим неоднозначным аспектом являются вопросы «отсроченной репродукции», которая возможна в связи с развитием высокотехнологичных репродуктивных технологий, позволившая замораживать и хранить замороженный генетический материал в течение многих лет.

Причем современные технологии дошли до того, что возможно хранить и замораживать донорский материал не только живого человека, но и человека, ушедшего из жизни. Впервые о заборе донорского материала (спермы умершего человека) упоминалось в 1980 году в научной литературе. Однако, ни одна страна в мире не имеет правовой регламентации посмертного забота донорского материала и программ, связанных с криоконсервацией. Законодательство Российской Федерации несмотря на введения ряда новелл в процедуры трансплантации и донорства также не является исключением (ст.47 «Донорство органов и тканей человека и их трансплантация», ст.68 «Использование тела, органов и тканей умершего человека» Федерального закона «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации»).

Кроме того, ответ на вопрос – как зарегистрировать ребенка, рожденного при использовании «посмертных клеток», на сегодняшний день отсутствует. Имущественные права таких «посмертных» детей также не урегулированы и никак не защищены.

Таким образом, необходимо внедрение как в международное, так и в Российское законодательство ряда правовых инноваций в данной сфере. Думается, что этот процесс был бы результативнее с введением в Российское право отдельной отрасли – медицинского права, субъектный и объектный состав которого более соразмерен законотворческой и правоприменительной практике в исследуемом проблемном поле, чем нормы общего гражданского права и семейного права

Литература

1. Ред. от 03.07.2016// СПС Консультант Плюс.
2. Мухаметжанова Р.И. Особенности правового регулирования суррогатного материнства в России // Вестник СМУС74. 2014. N 1. С. 59.
3. Об утверждении стандарта медицинской помощи при бесплодии с использованием вспомогательных репродуктивных технологий: приказ Минздрава России [от 30.10.2012 № 556 н] // Российская газета, спецвыпуск. – 2013. – № 128/1// СПС Консультант Плюс

УДК 343.2/7

**К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ МОТИВОВ
КВАЛИФИЦИРОВАННОГО УБИЙСТВА
TO THE QUESTION ABOUT THE CONTENT OF THE SOME MOTIVES
TO THE QUALIFIED MURDER**

Петрушков В.Н., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Petrushkov V.N., graduate student of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: в работе характеризуются мотивы совершения отдельных видов убийства при отягчающих обстоятельствах, описывается их влияние на квалификацию убийства.

Abstract: the paper describes the motives for committing certain types of murder under aggravating circumstances, describes their impact on the qualification of murder.

Ключевые слова: мотив преступления, убийство, квалифицированное убийство.

Keywords: motive of crime, murder, qualified murder.

Как отмечается в уголовно-правовой литературе, хулиганские мотивы содержат в себе такие побуждения как озорство (особенно у подростков), стремление самоутвердиться, открыто показать пренебрежение к окружающим, противопоставить свое поведение правилам человеческого общежития и др.[8, 10, 12] Волков В.С. отмечает, что хулиганский мотив включает в себя такие побуждения как «стремление показать свою силу, ловкость, превосходство над другими, поиздеваться над потерпевшими, проявить жестокость и т.д.» [5].

Излишне категоричным представляется утверждение Антоняна Ю.М., который считает, что «в природе не существует никаких хулиганских побуждений или хулиганских мотивов, а есть истероидное стремление защитить, обеспечить свое бытие, подтвердить себя в качестве социального и биологического существа, т.е. все тот же мотив утверждения» [2]. Причем причиной такого мотива автор называет неосознаваемую потребность защититься от внешней угрозы, необязательно реальной. «Если человек ощущает себя живущим в угрожающей атмосфере, то снять свою бессознательную боязнь можно, только потеснив других, как бы отодвинув от себя, а еще надежнее – уничтожив носителей угрозы себе. Здесь страх перед вероятной агрессией обычно мотивирует совершение упреждающих поступков. Поэтому мотивом многих убийств выступает защита от агрессии среды и мотив утверждения» [2]. Безусловно, эти мотивы присутствуют при совершении преступлений, но

также не следует исключать и существование иных побуждений, формирующих так называемый хулиганский мотив.

Хулиганский мотив – один из наиболее трудно устанавливаемых органами следствия и суда, поскольку даже сами виновные не в достаточной мере осознают его. «Нельзя не отметить, что сами преступники, совершившие преступления из хулиганских побуждений, в отличие от других преступников, не только стараются завуалировать этот мотив, но и порой просто не могут его толком объяснить» [13]. Как отмечает Бородин С.В., ему не известно ни одного случая, когда бы виновный, признавая совершение убийства, заявил, что он действовал из хулиганских побуждений [4].

По мнению некоторых авторов, хулиганский мотив не может выступать совместно с другими. Так, Филановский С.В. полагает, что «хулиганский мотив по своей природе не может сочетаться с другими мотивами» [13]. Однако, на наш взгляд, этот мотив вполне совместим с другими в рамках такого явления как полимотивация. Хулиганские побуждения «вполне «уживаются» рядом с ревностью, местью, ненавистью, завистью и др.» Естественно, что для квалификации деяния как совершенного из хулиганских побуждений необходимо, что бы последние были доминирующими в системе полимотивации [11].

Для лиц, совершающих преступления по хулиганским мотивам, характерна ярко выраженная ориентация, социально психологическая ущербность, искаженные потребности в самоутверждении, враждебность, крайний цинизм и жестокость по отношению к окружающим, неспособность к сопереживанию. «В детерминации этих преступлений существенную роль играют низшие, подсознательные мотивационные образования психики» [7].

Существенное влияние на появление преступной мотивации в виде хулиганских побуждений оказывает алкоголь. «Употребление алкоголя приводит к физиологическим дисфункциям, а в итоге психической аномалии, обуславливающей агрессивные реакции. В этом состоянии доминирующие внешне обвиняющие самозащитные формы реагирования, предпочтительными становятся более легкие, примитивные, не требующие усилий способы достижения целей» [6]. Кроме того, «алкогольное опьянение может временно подавить нравственно-психологические регуляторы позитивного человеческого поведения» [9]. Мотивы самого принятия алкоголя могут быть различными. Так, Антонян Ю.М. и Бородин С.В. полагают, что преступник принимает алкоголь для облегчения совершения преступления [3]. В данном случае имеется прямой умысел на совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения.

Поводом для совершения преступления по хулиганским мотивам могут выступать самые различные обстоятельства. Выделяются ситуации, когда убийство совершается как результат хулиганства. Поводом может поступить замечание граждан по поводу недостойного поведения. Преступник может заранее наметить жертву, которая не вступала с ним контакт по своей инициативе. Появление хулиганских побуждений может быть и внезапным.

П. «л» ч. 2 ст. 105 предусматривает в качестве другого отягчающего обстоятельства убийства мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Данный мотив часто именуют экстремистским. Мотив национальной или расовой ненависти возникает на почве обострения отношений между лицами различной национальности, основа которых была заложена, по мнению Бородина С.В., «еще в период тоталитаризма, когда целые народы и народности по преступным приказам переселялись их национальной родины в другие местности» [4].

Кроме того, в последние годы большое развитие получают идеи национального самоутверждения, перерастающие порой в национал-патриотизм и шовинизм. Соответственно, вражда и ненависть между отдельными лицами приобретает национальную окраску, если они принадлежат к разным национальным группам. Возможно, что у виновного нет никаких иных причин для убийства кроме той, что потерпевший принадлежит к иной национальной общности, хотя нельзя исключать возможность существования иных мотивов. Однако для квалификации деяния, как совершенного по мотивам национальной или расовой ненависти необходимо, чтобы указанный мотив был доминирующим в поведении субъекта.

Внешний предлог для совершения преступления может быть самым различным и порой абсолютно не значительным: правомерные и неправомерные действия потерпевшего или других лиц, негодные для виновного действия других представителей данной национальной группы (например, ее руководство) и др. Это происходит потому, что потерпевший своей национальной принадлежностью отождествляется со всеми остальными представителями национальности или расы.

То же самое можно сказать и о преступлениях, совершенных на почве религиозной ненависти. Различие состоит в более глубокой идеологической мотивации данных преступлений, которые получают освящение религиозных догм.

Мотив совершения убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, как правило, обусловлен потребностью обеспечить безопасность при совершении другого преступления путем устранения мешающего лица, либо обеспечение безнаказанности в случае, если преступление уже совершено, а потерпевший представляет угрозу для виновного.

Убийство, сопряженное с изнасилованием также могут совершаться с целью сокрытия первого преступления.

При этом, убийство, сопряженное с изнасилованием, может быть совершено и по мотиву мести за оказанное сопротивление при совершении этого преступления. Антонян Ю.М. выделяет следующие группы мотивации убийств, сопряженных с сексуальным насилием:

1) убийство женщин или подростков (обоего пола), чтобы сломить их сопротивление, в целях последующего сексуального насилия;

2) убийства с целью обеспечения собственной безопасности после совершения сексуального насилия;

3) убийства, когда преступник получает удовлетворение от мучения и агонии своих жертв;

4) убийства женщин до, во время и после совершения изнасилования, когда потерпевшие говорят или делают нечто, что воспринимается преступником как тяжкое оскорбление [1].

По мнению автора, такие убийства детерминируются следующими личностными причинами:

- необходимостью решения своих личностных проблем, в основе которых лежит бессознательное ощущение зависимости от женщин;

- социальное и биологическое отвержение женщиной порождает страх утратить свою социальную и биологическую определенность, соответствующий статус, место в жизни. Действует мотив самоутверждения;

- нападение на подростков или на детей детерминируется бессознательными мотивами снятия или подавления тяжелых психотравмирующих переживаний собственного детства, связанных с унижением, перенесенных в основном от родителей.

Завершая анализ отдельных квалифицированных видов убийства, хочется обратить внимание, что мотив преступного поведения наряду с уголовно-правовым значением имеет также важное криминологическое значение. Он отражает особенности личности преступника, дает представление о содержании, глубине и степени устойчивости антиобщественных взглядов преступника, позволяет судить о содержании условий формирования личности, а также о ситуации, в которой возникло преступное намерение.

Соответственно, правильное установление фактических мотивов насильственных преступлений позволяет раскрыть содержание всех иных уголовно релевантных признаков и способствует правильной и точной квалификации преступлений.

Литература

1. Антонян Ю.М. Криминальная психология. – М., 1999.
2. Антонян Ю.М. Психология убийства. – М., 1997.
3. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. – М., 1987.
4. Бородин С.В. Преступления против жизни. – М., 2002.
5. Волков Б.С. Мотивы преступлений. – Казань, 1982.
6. Иванов Н. Ответственность за преступления совершенные в состоянии опьянения // Законность. – 1998. – № 3.
7. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. - М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015.
8. Преступления против личности: учебное пособие / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

9. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. – М., 1998.
10. Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция"/ под ред. А.В. Наумова. – М.: Издательство Илекса, 2007.
11. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.
12. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.
13. Филановский Н.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. – Л. 1970.

УДК 343.2/7

**О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВОВ
ОСОБО ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ
ABOUT SOME REGULARITIES OF FORMATION OF MOTIVES OF PARTICULARLY
SERIOUS CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH**

Петрушков В.Н., студент магистратуры Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Petrushkov V.N., graduate student of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: в работе анализируются обстоятельства, влияющие на формирование криминальной мотивации, описывается влияние мотивов на квалификацию особо тяжких преступлений против жизни и здоровья.

Abstract: the paper analyzes the circumstances affecting the formation of criminal motivation, describes the influence of motives on the qualification of particularly serious crimes against life and health.

Ключевые слова: мотив преступления, убийство, преступления против жизни и здоровья.

Keywords: motive of crime, murder, crimes against life and health.

Как правило, среди мотивообразующих факторов выделяют следующие: образ жизни лица, влияние социальной группы (в том числе преступной), социальная роль, ситуация, непосредственно предшествующая преступлению, и личностные условия мотивации преступного поведения (психологические и биологические), виктимность потерпевшего. Не имея возможности дать подробную характеристику всем выше перечисленным обстоятельствам, остановимся лишь на кратком их обзоре и значении их для процесса мотивации особо тяжких преступлений против жизни и здоровья.

Образ жизни, сочетая в себе объективные компоненты и субъективные составляющие, наиболее полно отражает все условия формирования преступного мотива, поскольку позволяет определить основные обстоятельства существования личности. Под образом жизни понимают совокупность типичных форм жизнедеятельности людей, способов удовлетворения ими своих потребностей. Таким образом, внешняя среда как один из важнейших условий формирования личности порождает определенные мотивы, в том числе и ведущие. Значительную мотивообразующую роль играет образ жизни группы, если человек дорожит членством в ней что может порождать мотивы, в том числе и насильственных преступлений. Оказывают свое влияние на мотивацию и такие элементы образа жизни как уровень и условия жизни (географическая среда, климат, ландшафт и др.).

Один из факторов, влияющих на мотив преступления – это стиль жизни, который отражает индивидуализированную, активную, побудительную, деятельную сторону жизни человека [3]. «Изучение показало, что для убийц наиболее характерен аскетический стиль жизни... стиль жизни лиц, осужденных за убийство, носит в значительной степени характер защиты от влияния окружающей среды и направлено на сохранение собственного внутреннего мира. Такой стиль жизни, по сути, представляет собой процесс физической и психологической изоляции личности. Являясь проявлением слабости, узость сферы адаптивных возможностей личности в реальной жизни, аскетизм ведет к переоценке всех социальных ценностей, и, прежде всего, к переоценке ценности человеческой жизни и права каждой личности на свободное самоопределение. Мотивообразующий криминогенный потенциал аскетического стиля жизни в среднем выше, чем других стилей» [3].

На преступное поведение непосредственно или опосредованно влияют те социальные отношения, в которые включен субъект в рамках своей социальной группы. «Внешнее регулирование поведения личности в соответствии с требованиями, стандартами и ценностями группы – необходимое и достаточное условие социально-психологической мотивации». Группа может в определенной степени навязывать свои доминирующие мотивы и цели, а личность преобразует их в свои, дела их личными мотивами и целями. Главенствующую роль в формировании преступной мотивации играет влияние преступной группы, в которой может находиться субъект. «Влияние преступной группы на мотивацию преступного поведения особенно значимо, если субъект дорожит своей принадлежностью к ней или стремится стать ее членом. В этом случае он подчиняется общегрупповым целям, здесь распространены такие мотивы, как «боязнь потерять престижное положение», стремление приобрести авторитет у товарищей», «подражание наиболее авторитетным членам группы» и т.д. Мотивы нередко перемещаются на саму деятельность – показать свою силу, смелость, находчивость, не прослыть трусом, что особенно характерно для подростков» [3].

Группа может влиять не только на формирование мотива преступления рядового ее члена, но и на мотивацию преступного поведения других лиц, например ее лидеров.

Социальная роль, то есть определенные требования и ожидания в отношении поведения человека в конкретной социальной ситуации имеет криминологическое мотивирующее значение в случае наличия так называемого «конфликта ролей» - такой ситуации, когда обязательства, вытекающие из одной роли, вступают в противоречие с правилами поведения, соответствующими другой. Насильственная преступность может отражать не только внутри ролевой конфликт личности, но и межролевой конфликт, который представляет собой частный случай межиндивидуального взаимодействия. Несовпадение таких категорий как понятия и представления о социальных и культурных ценностях делает невозможным конструктивное взаимодействие субъектов «что ведет к росту непонимания, подозрительности, напряжения и агрессии» [3] и, возможно, к преступлению.

Роль конкретной жизненной ситуации не все исследователи оценивают одинаково. Вообще жизненная ситуация представляет собой совокупность обстоятельств жизни

человека, непосредственно влияющих на его поведение. Так, Абельцев С. считает, что «Определяющая черта убийств – это их ситуативный характер, с внезапно возникающим, неопределенным умыслом, а для убийц в основном характерно ситуативное мышление» [2]. Иного мнения придерживается Антонян Ю.М., который полагает, что мнение о том, что насильственные преступления носят преимущественно ситуативный характер: «следует признать, - пишет он, - что криминогенное действие ситуации возможно только в отношении личности, которая подготовлена к этому системой своих взглядов и установок, ценностных ориентаций и ведущих мотивов» [3]. Однако в любом случае можно утверждать, что перед совершением насильственных преступлений, которым сопутствует высокое эмоциональное напряжение, субъект не всегда подвергает ситуацию на предмет иных возможностей достижения своих целей.

Наиболее существенным фактором, влияющим на мотивацию преступного поведения, выступают личностные условия, поскольку они являются внутренними, в отличие от рассмотренных ранее внешних. Под внутренними личностными условиями мотивации понимается устойчивая иерархизированная система основных побуждений, отношений и связей личности преступника, т.е. это актуальные и потенциальные осознаваемые и неосознаваемые, естественные и культурные, материальные и духовные побуждения. Значительная роль, среди внутренних условий мотивации, принадлежит психологическим свойствам личности, особенностям нервной системы, темперамента, характера, способностей и процессов восприятия, мышления, памяти и т.д. (психодинамическая система личности) и биологической системе (физическая, биохимическая, физиологическая, нейродинамическая, как основа психодинамической). Указанные факторы занимают место в «подсистеме внутренних условий и причин некоторых преступлений и локализируются главным образом в насильственных преступлениях». Большинство авторов считают, что указанные условия выступают лишь в качестве вспомогательных причин преступления, оказывая влияние «не на сам факт совершения преступления (это может сделать лишь причина), а на форму преступного поведения, направляя его в сторону преступлений насильственного типа» [4]. Другие авторы полагают, что «биологическое и социальное в человеческом поведении абсолютно равнозначны» [1].

Представляется правильным, на наш взгляд, согласиться с Кузнецовой Н.Ф., которая считает, что «сущность личности и ее поведение социальны; из биологических систем наибольшее влияние на психические свойства личности оказывает психофизиологическая подсистема; ее воздействие носит формально-динамический характер, определяет активность и способ поведения, а не ее содержание и социальную направленность; органические причины могут стать криминогенными при обязательном взаимодействии с благоприятным средовым влиянием» [5].

Виктимологический фактор формирования преступного мотива можно считать одной из составляющей конкретной жизненной ситуации, но в силу своей значимости и распространенности он заслуживает отдельного рассмотрения. Как отмечают Минская В.С. и Чечель Г.И., «значительное влияние на формирование мотивов совершения против личности

оказывают эмоциональные переживания, чувства, порождаемые как атмосферой установившихся взаимоотношений между потерпевшим и преступником в доприступной ситуации, так и непосредственным воздействием отрицательных поступков потерпевшего». Как правило, мотивы убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью носят личный характер [7, 8, 9], в частности, мотивы, возникшие на бытовой почве, составляют 59,5% (мотивы мести и ревности); цель избавиться от потерпевшего или проучить его – 11,2%; желание защитить интерес – 22,5%, среди них мотив, связанный с желанием защититься от действий потерпевшего – 15% [6].

Таким образом, первоначальным элементом мотивации могут выступать потребности личности, конкретная жизненная ситуация, планы личности, цели, влечения и эмоции, интересы и система ценностей. Эти явления могут выступать как основа мотивации, преобразуясь в мотив преступления, либо сами становятся мотивами.

На мотивацию преступного поведения оказывают влияние множество факторов, среди них можно выделить следующие: образ жизни и его составляющие – стиль жизни, уровень и условия жизни и др., социальная группа, социальная роль, конкретная жизненная ситуация, виктимологический фактор, а также личностные условия, как социальные, так и биологические.

Все вышеперечисленные факторы, влияющие на процесс мотивообразования, имеют неоднозначное влияние на мотивацию с преобладанием социальных факторов над биологическими, и находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, оказывая влияние не только на мотив, но и друг на друга.

Литература

1. Афан Э. Мотив и цель незаконного оборота наркотических средств // Уголовное право. – 2003. – № 2.
2. Ильяшенко А. Мотивы преступлений, совершаемых в семье // Законность. – 2003. – № 4.
3. Криминальная мотивация. – М., 1986.
4. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. – М.: НОРМА, 2007.
5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. – М., 1984.
6. Минская В.С., Чечель Г.И. Виктимологический фактор и механизм преступного поведения. – Иркутск, 1988.
7. Преступления против личности : учебное пособие / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.
8. Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / под ред. А.В. Наумова. – М.: Издательство Илекса, 2007.
9. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник / отв. ред. Наумов А.В., Кибальник А.Г. – М.: Издательство Юрайт, 2017.

УДК 343.21

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РАЗЪЯСНЕНИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**THE LEGAL NATURE OF THE EXPLANATIONS OF THE SUPREME COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Сысоев М.А., магистр Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Sysoev M.A., master of the Rostov Institute (branch) of VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье анализируются правовая природа разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в структуре современных представлений об источниках права.

Annotation: The article analyzes the legal nature of explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in the structure of modern ideas about the sources of law.

Ключевые слова: судебный прецедент, разъяснения Верховного Суда, источники права.

Keywords: judicial precedent, clarifications of the Supreme Court, sources of law.

Современные представления об источниках права подвергаются постоянной трансформации. В связи с этим отечественная теория права подразделяет источники права на традиционные (основные) и нетрадиционные. Первые отличаются большей стабильностью и достаточно хорошо изучены. К ним относятся: нормативно-правовой акт, санкционированный обычай и судебный прецедент. Группа нетрадиционных источников права разнообразна и более гибка, включает получившие широкого применения или новообразованные правовые формы, как-то: нормативный договор (внутригосударственной и межгосударственной), коллективный договор, доктрина права (труды ученых-юристов).

Отечественная теория источников права в настоящее время претерпевает изменения. В общеметодологическом плане примечательно распространение заимствованной из зарубежного права, согласно которым все источники права разделяются на первичные и вторичные. К числу вторичных следует относить судебный прецедент и судебную практику.

В советское время, как известно, господствовало представление о том, что единственной легитимной формой права является нормативный правовой акт в его различных разновидностях.

Необходимо сразу отметить, что вопреки распространенному мнению к источникам права не могут относиться разъяснения Верховного Суда РФ – судебный прецедент[2 С. 23-24].

Судебный прецедент в «классическом», англо-американском, понимании – это решение суда по конкретному (индивидуальному) юридическому делу, создающее новую норму права и обязательное для судов при рассмотрении аналогичных дел при этих признаках – индивидуальность, нормативная новизна и обязательность – в совокупности образуют традиционное понятие прецедента как специфического источника права, свойственного странам общего права.

Относя разъяснения Верховного Суда к категории прецедента, в литературе, как правило, ссылаются на то, что, во-первых, они исходят от судебного органа, во-вторых, в них нередко содержатся новые правовые нормы, и, в-третьих, они носят обязательный для нижестоящих судов характер. Однако эти доводы сами по себе не говорят в пользу прецедентной природы разъяснений Верховного Суда.

В разъяснениях, как известно, содержатся правила общего и абстрактного характера, изначально формулируемые как универсальные конструкты, рассчитанные на неограниченное число случаев. В техническом плане праворазъяснительные положения представляют собой непосредственно и явно выраженные правовые предписания, не нуждающиеся в вычленении из контекста.

Нередко отнесение разъяснений Верховного Суда РФ к категории прецедента связано с широким пониманием последнего, получившим значительное распространение в последнее время. Прежде всего, данное понятие в современных исследованиях нередко употребляется применительно к судебным решениям, имеющим важное политико-правовое значение или отразившим применение нормы впервые после ее установления, или даже имеющим преюдициальное значение в отношении каких-либо фактов. Тем самым игнорируется такой признак прецедента, как его нормативность. Прецедент низводится до любого конкретного судебного решения, независимо от того, действительно ли при этом создается новая норма права или существующая норма просто применяется к конкретным обстоятельствам дела. Такое понимание прецедента основано на общем лексическом значении этого слова.

Прецедент – это случай, имеющий место впервые, служащий примером или оправданием для последующих случаев этого же рода. Однако при этом выхолащивается собственно юридический смысл данного понятия – внесение нового нормативного элемента в правовое регулирование отношений. Наличие такого прецедента не является юридической проблемой.

Другой, более важной проблемой, связанной с расширительным пониманием прецедента в современном правоведении. В англо-американском понимании прецедента, это формальная обязательность. Данное требование имеет различные модификации, но его общий смысл заключается в том, что решения, вынесенные вышестоящим судебным органом, обязательны для нижестоящих и, как правило, для самого правосозидающего суда[3 С. 28]. В связи с этим устанавливаются специальные процедуры преодоления предшествующего решения, доктрины о степени связанности судов ранее установленным

прецедентом, об условиях отступления от однажды созданного правила.

Рассмотрение разъяснений Верховного Суда РФ как формы судебной практики также не выдерживает критики. Судебная практика представляет собой деятельность (результаты деятельности) судов по рассмотрению конкретных дел.

Характерно, что в странах континентальной правовой семьи в юридической науке при характеристике судебной практики даже в случае признания ее вторичным источником права не принято говорить о прецеденте, который традиционно понимается в качестве специфического источника права в странах общего права. Таким образом, судебная практика, как и прецедент, предполагает казуальный характер происхождения правовой нормы – создание ее в процессе правосудия (апелляции, кассации, надзора). При этом смысл судебной практики, понимаемой в качестве особого, самостоятельного правового феномена, заключается в несводимости к составляющим ее индивидуальным правовым актам. В рамках судебной практики количество индивидуальных решений переходит в качество направляющего, регулятивного воздействия на дальнейшее правоприменение, а посредством этого – и на общественные отношения.

Конечно, можно посмотреть на данный вопрос с несколько иных позиций. Судебная практика представляет собой опыт выполнения судами возложенных на них функций. Но полномочия Верховного Суда РФ не сводятся к разрешению конкретных дел на основе правовых норм. Праворазъяснение – самостоятельная его функция. Праворазъяснительная практика – понятие, по сути стоящее в ряду с понятием законотворческой практики: это практика не в плане противопоставления источнику, основанию ее осуществления (источнику реализуемых посредством ее правил), а в сугубо функциональном смысле. Когда же речь идет о судебной практике как особом феномене нормотворчества, важны именно ее принципиальные отличия от прямой нормоустанавливающей деятельности.

Однако когда говорят о разъяснениях как форме судебной практики, подразумевают именно производность разъяснений от осуществления функции правосудия, рассматривая их как обобщенный опыт правоприменительной практики.

Самостоятельность как прецедента, так и судебной практики в качестве особых правовых феноменов и тем более источников права не совместима с представлениями о необходимости легитимации выработанных с их помощью норм путем принятия специального правового акта. Их самостоятельная природа заключается именно в «прямом действии», в этом их отличие в качестве непосредственных нормативных регуляторов общественных отношений от иных правовых и социально-политических факторов, также участвующих в правообразовании, но нуждающихся в опосредовании путем принятия правовых актов.

В этой связи интересна позиция Алексева С.С., признающего разъяснения, с одной стороны, формой судебной практики, а с другой – подзаконными нормативными интерпретационными актами[1 С. 140]. При таком понимании нормативный акт становится

частью судебной практики, одной из форм объективации опыта реализации права. Такое широкое понимание судебной практики и форм ее выражения едва ли приемлемо. Выделение судебной практики в качестве самостоятельного юридического явления и источника права (наряду с нормативными правовыми актами, например) имеет смысл постольку, поскольку она не имеет иной формы выражения, кроме собственно совокупности индивидуальных решений.

Итак, разъяснения имеют самостоятельную природу и не являются одной из форм судебной практики. Единственное, что можно констатировать, это то, что «постановления демонстрируют переходную грань от неписаного к писаному праву, условность этой грани». «Переходность и условность грани» заключается в том, что Верховный Суд, будучи судебным органом, одновременно участвует в создании как писаного (разъяснения), так и неписаного права (практика суда), причем свои праворазъяснительные положения он создает с опорой на неписанные правила, вызревшие в недрах правоприменения (частично воспринимая их в оригинальном виде).

Сторонники внедрения в отечественную правовую систему таких источников права, как судебный прецедент и судебная практика, прямо называют нормоустанавливающую деятельность судов правотворчеством.

Как бы в дальнейшем ни сложилась в теории судьба понятий «правотворчество», «нормативно-правовой акт», нельзя в той или иной форме избежать разграничения нормотворческой деятельности государственных органов, уполномоченных на издание специальных нормоустанавливающих актов, и «побочной» нормотворческой деятельности иных органов. Основания, условия, пределы, процедура и формы нормоустановления которых существенно разнятся.

Литература

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. – М., 1978.
2. Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 3.
3. Кросс Р. Прецедент в английском праве. – М., 1985.

УДК 343.21

**ПРАВОРАЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ВЕРХОВНОГО
СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА
РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ**

**THE LEGAL ACTIVITIES OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS**

Сысоев М.А., магистр Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Sysoev M.A., master of the Rostov Institute (branch) of VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье анализируются праворазъяснительная деятельность Верховного Суда РФ в контексте принципа разделения властей.

Annotation: The article analyzes the legal activities of the Supreme Court of the Russian Federation in the context of the principle of separation of powers.

Ключевые слова: судебный прецедент, праворазъяснительная деятельность Верховного Суда, принцип разделения властей.

Keywords: judicial precedent, law enforcement activities of the Supreme Court, the principle of separation of powers.

Первоначально праворазъяснительная деятельность Верховного Суда рассматривалась как форма высшего надзора за законностью, затем наряду с таким праворазъяснением возникло и судебно-надзорное праворазъяснение, и, наконец, дача руководящих разъяснений стала исключительно функцией судебного надзора. Разница весьма существенная. Общенадзорное праворазъяснение не должно быть связано ни генетически, ни предметно собственно судебной практикой, будучи отражением не судебной ипостаси Верховного Суда, а его роли как одного из высших органов власти в стране. Так, первоначально дача разъяснений Верховным Судом в порядке общего надзора означала его право толковать любые законы, относительно которых поступил запрос. Процедурно такая общенадзорная деятельность связывалась с запросами определенных указанных в законе органов, причем органов несудебных (ЦИК СССР или его Президиум, ЦИК союзных республик, прокурор Верховного Суда СССР и прокуроры союзных республик). С 1938 г. (принятие первого союзного закона о судостроительстве) и во все последующие годы дача судам руководящих разъяснений всегда рассматривалась (теоретически и законодательно) в рамках судебно-надзорных полномочий Верховного Суда как форма руководства судами.

В праворазъяснительной деятельности Верховного Суда РФ необходимо различать два аспекта:

1) допустимость судебного нормотворчества вообще, исходя из правоприменительного, а не правотворческого назначения судов как таковых;

2) допустимость нормотворчества собственно Верховного Суда РФ в порядке праворазъяснения.

Это требование предполагает организационную и функциональную дифференциацию трех ветвей власти, на основе разграничения их компетенций. При этом согласно «классической» модели разграничение функций строится по принципу исключительной компетенции каждого органа в отношении вверенной ему сферы: законодательный орган обладает монополией на нормативную регламентацию отношений в обществе путем издания законов, исполнительный орган занимается проведением законов в жизнь, а суды осуществляют правосудие на основе существующих законов. Суды, по убеждению одного из основателей теории разделения властей Ш.-Л. Монтескье, должны выполнять роль блюстителя законов, но ни в коем случае – творца права. Судьям отводится исключительно роль «уст, произносящих волю закона»[2 С. 194].

Однако во второй половине XIX – начале XX в. принцип разделения властей претерпел значительные изменения. Так, с тезиса о дифференциации власти «центр тяжести» постепенно был перенесен на тезис о ее единстве. Исторически это было связано с выполнением первоначальной задачи, породившей теорию разделения властей, – преодолеть весьма опасное сосредоточение всей полноты государственной власти в одних руках (монарха), а также вывести суд из-под политического влияния законодателя и правоисполнителя. После достижения этой цели возникла необходимость иного рода – обеспечить баланс и взаимодействие самостоятельных ветвей власти, ибо угроза начала исходить именно от раздробленности властных функций, чреватой злоупотреблениями и конфликтами между органами различных систем.

Возникла система сдержек и противовесов, наделившая органы каждой из ветвей власти в отношении друг друга определенными полномочиями, позволяющими взаимно влиять на решения и обеспечивать «межведомственную» скоординированность политики.

Таким образом, из тезиса о единстве власти был сделан весьма радикальный вывод о необходимости ликвидировать монополию в осуществление каждой властной функции одной, компетенционно изолированной, системой органов. В результате стал наполняться новым содержанием постулат о судах как о самостоятельной ветви власти наряду с законодательной и исполнительной. Суд все более устойчиво воспринимается в качестве противовеса, некоего выравнивающего, стабилизирующего фактора по отношению как к исполнительной, так и к законодательной власти.

Такая эволюция принципа разделения властей и взглядов на функции суда протекала под влиянием идей о правовом государстве и естественном праве. Решающую роль здесь сыграла идея о несводимости «права» к «закону», о разграничении естественного (объективно существующего) и позитивного (создаваемого государством) права. Эта

концепция привела к борьбе с «государственно-политической монополией» закона, с монополией законодательного органа на правотворчество и представлениями о его свободе и «непогрешимости» при осуществлении данной деятельности.

Из этого вытекает положение о том, что суды вправе осуществлять нормоконтроль на соответствие одних нормативно-правовых актов другим нормативно-правовым актам. Конституционный Суд РФ осуществляет контроль за соответствием любых нормативно-правовых актов Конституции РФ, а суды общей юрисдикции, усомнившись в конституционности акта, вправе обратиться в Конституционный Суд РФ с требованием о проверке его на предмет соответствия Конституции РФ (ч. 2, 4 ст. 125 Конституции РФ).

Вместе с тем, попытки представить судебное нормотворчество как закономерное следствие или даже конструктивный элемент принципа разделения властей все же искажают истинное положение вещей истинный и непреходящий смысл разделения властей заключается в таком распределении властных функций, при котором законодатель не являлся бы одновременно судьей, применяющим эти законы, и наоборот. Это требование обусловлено элементарными интересами объективности, непредвзятости и политической неангажированности правосудия [1 С. 18]. Но как только суду предоставляются полномочия напрямую исправлять недостатки (по его мнению) законодателя, он неизбежно вовлекается в творческий, политический по своей сути процесс правотворчества.

Принцип единства власти действительно требует гармоничности и добросовестности исполнения предоставленных полномочий каждой из ветвей власти. Для этого необходима некая система сдержек и противовесов, в том числе предоставление судам некоторых полномочий в отношении законодательной власти, полномочий, которые позволяли бы обеспечивать законность в ее деятельности. С этих позиций можно обосновать судебный нормоконтроль и свободу судей игнорировать правовые нормы, не соответствующие предписаниям вышестоящих в порядке иерархии нормативно-правовых актов. Иное дело – наделение судей не свойственными им прямыми нормотворческими полномочиями. Такого рода деятельность из средства обеспечения баланса между различными ветвями власти перерастает в свойство «смешения функций, полномочий и сфер деятельности» различных ветвей власти.

С точки зрения принципа разделения властей подобная деятельность, не относится к функциям судебных органов. Рассмотрение и как органа, применяющего право и вынужденного защищать интересы граждан даже в случаях регулятивной недостаточности закона, способно обосновать лишь казуальное нормотворчество судей.

В то же время единство законности как единство понимания, толкования и применения правовых норм, будучи одним из требований принципа законности, ставит проблему обеспечения единообразия в сфере судебного нормотворчества.

Вместе с тем, поскольку разъяснения Верховного Суда РФ и случаи формулирования новых норм права имеют ярко выраженную несудебную природу, их анализ с точки зрения

принципа законности должен производиться также исходя из правомерности издания Верховным Судом РФ особых правовых актов общенормативного содержания (в том числе с учетом принципа разделения властей). С этих позиций такая возможность вызывает серьезные сомнения.

Далее, при признании судебного нормотворчества существует насущная необходимость в обеспечении единообразия такого судебного «толкования» закона. Однако праворазъяснительное нормотворчество Верховного Суда РФ вызывает серьезные возражения с точки зрения принципов разделения властей, законности, независимости судей. Обнаруживается, таким образом, конфликт правовых интересов. Дальнейшее определение роли и места разъяснений Верховного Суда РФ в механизме правового регулирования требует проведения всестороннего, дополнительного исследования.

Литература

1. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. – М., 1997.
2. Монтескье Ш. О духе законов. – М., 1964.

УДК 343.326

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕРРОРИЗМА
THE MODERN STATE AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF TERRORISM**

Тихонова А.С., магистр Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Tikhonova A.S., master of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье анализируется современное состояние и тенденции развития терроризма как в России, так и за рубежом.

Annotation: This article analyzes the current status and development trends of terrorism both in Russia and abroad.

Ключевые слова: терроризм; противодействие терроризму; тенденции развития терроризма.

Keywords: terrorism; countering terrorism; development trends of terrorism.

Из-за осложнения военно-политической ситуации в ряде регионов мира террористическая угроза сохраняется на достаточно высоком уровне. Несмотря на противодействие международного сообщества терроризму, масштабы его проявлений продолжают расти, а формы и методы террористической деятельности совершенствуются. Одна из реакций государства на возникающие угрозы терроризма — расширение репрессивной функции уголовного закона в отношении преступлений террористической направленности.

Терроризм – глобальная проблема человечества. Развиваясь и совершенствуясь, она становится более жесткой по масштабам разрушительных последствий. По статистике международного агентства Knowledge Base, общее количество террористических актов в мире за период с 2000 по настоящее время составило примерно 15 000. Точной статистики не существует, но тенденция к их увеличению продолжает свое развитие (если не по стране, то в мировом масштабе обязательно).

За последние шесть лет преступлений террористической направленности в России стало меньше. Если в 2012 году их было 316, то в 2014 – 84, а в прошлом – 25. Отмечу, что эта положительная тенденция прямо связана с усилением превентивной работы по линии антитеррора.

Так, в 2017 году было предотвращено 68 преступлений террористической направленности, в том числе 25 террористических актов. Хочу вас, коллеги, за это отдельно поблагодарить, потому что за каждой из этих цифр – спасённые, сохранённые жизни наших граждан.

Нужно продолжить действовать также активно, использовать наступательную тактику и стратегию в борьбе с террором, совершенствовать координирующую роль Национального антитеррористического комитета. Следует получать оперативную упреждающую информацию, ликвидировать финансовые, информационные и другие каналы, используемые террористическими группировками, которые, как вы хорошо понимаете, носят глобальный, трансграничный характер[1].

Для России проблема международного терроризма является особо острой в связи с тем, что Чечня и Дагестан уже вошла в глобальную террористическую сеть. Международный терроризм, используя «чеченский полигон», стремился оторвать от России весь кавказский регион и добиться распада Российской Федерации[2].

Северный Кавказ также вышел на международную арену. Политологи находят российский след, ведущий с Северного Кавказа – 800 заключенных военной тюрьмы в Гуантанамо на Кубе оказались там, взятые с поличным - с оружием в руках, впечатлившись демонстрацией специальных фильмов о событиях на Северном Кавказе[3]. Щупальца этого спрута захватывают практически все территориальные ниши.

Бесспорно, что терроризм особенно активизируется в периоды экономических проблем и политических разногласий. Но, даже в странах с хорошо и стабильно работающей экономикой, происходят террористические акты - здесь уже на первый план выходят политические мотивы – укрепление своих позиций и ослабление сил противников.

Рассмотрим основные тенденции развития терроризма:

1. Повышение уровня общественной опасности актов терроризма. Они становятся более широкомасштабными. Даже, несмотря на уничтожение мощных террористических группировок, натиск террористической активности неуклонно растет.

2. Организаторы экстремистских движений вовлекают в террористические организации молодые и свежие силы. Основные поставщики потенциальных террористов – страны с больной социально – экономической ситуацией, там, где большое количество людей не имеет работы. Выходцы с Дагестана, Северного Кавказа – великолепный материал для подготовки террористических актов, ведь в этих «горячих точках» занятость населения составляет около 2/3.

3. Увеличение качественного содержания терроризма. Внедряются особо разрушительные методы исполнения преступлений. К примеру, дистанционное управление взрывом, использование нашпигованных взрывчатыми веществами ракет, самолетов и т.д.

4. Средствами устрашения жертв терроризма становятся важные объекты: посольства, транспортные магистрали, поезда, метро, объекты энергетики, школы, отели, церкви.

5. Структура террористических организаций становится абсолютно профессиональной, включающей специалистов в конкретной области знаний и даже – экспертов, юристов, медработников. Пропагандируют экстремистские идеи через

литературу, выпускаемую в собственных типографиях. Преступная сеть имеет парки автомобилей, дорогостоящее электронное оборудование, спутниковую связь.

6. Возникновение транснациональных террористических сообществ в форме отдельных составляющих на территориях других стран и на мировой арене. Образцом такого сообщества может служить террористическая организация «Аль-Каида». Главная цель ее – ограничить влияние и присутствие западных стран. В данном случае, изгнать США с территории стран Персидского залива. А идея – уничтожить Израиль – стоит в сообществе во главе угла.

7. Оснащение террористических организаций становится ультрасовременным. Компактность взрывчатых материалов, электронное управление взрывом, обладание средством массового поражения – ядерным, химическим, биологическим.

8. Слияние терроризма с организованной преступностью, имеющей сеть наркодилеров и торговцев оружием. Самое страшное, что человечество привыкает к насилию в форме террористических актов, то есть, происходит психологическая адаптация.

Эти тенденции указывают на глобальность проблемы терроризма, которая, в общем, вызывается глобальными процессами в странах и мире. К примеру, развитие международных сообщений повышает возможность беспрепятственного перемещения террористов. Всемирная сеть Интернет дает хорошие шансы донести пропаганду терроризма до огромного количества людей. Скорее всего, в скором времени, появится глобальная связь, соединяющая сеть террористических группировок в различных странах мира.

При изучении литературы на тему терроризма, была обнаружена интересная точка зрения – изменение мирового мировоззрения становится движущей силой терроризма. Мир устал от кровопролития. В свете этого, главной ценностью объявлена человеческая жизнь. Экстремисты сразу сделали ставку на этот фактор, ибо это наиболее реальный способ оказать давление на власть, держать в страхе население. Подобный способ воздействия на власть работает стабильно в демократических режимах. Так как население стран, где существует подобный режим, проще поддается панике. Этим обнаруживается «недоработка» демократии в деле выявления согласования каких-то важных групповых и общественных интересов и вытекающая из нее необходимость дальнейшего совершенствования демократических начал[4].

Статистика преступлений террористической направленности на территории Российской Федерации говорит об эффективности выработанной системы.

И именно с позиций этого опыта мы выступаем за поступательное, добровольное и при этом ответственное вовлечение гражданского общества в государственные усилия. Выделяются различные практические направления работы со всеми уязвимыми перед террористической пропагандой слоями населения – молодежью, верующими, мигрантами. В числе естественных союзников в этой работе, прежде всего выступают религиозные общины и их лидеры, которые своей разъяснительной деятельностью способствуют созданию в

обществе атмосферы, отрицающей насилие и экстремизм. Важную роль играют также образовательные и научные учреждения, СМИ, НПО и бизнес-круги.

На сегодняшний день проблема терроризма стоит наиболее остро, и нам необходимо не просто предупреждать возможные угрозы, но и устранять причины и условия их реализации. Новые измерения проблем терроризма несут возрастающую угрозу социальному, экономическому и культурному развитию государства и его отдельных регионов, их стабильности и безопасности, поэтому меры по противостоянию вызовам террористического характера сегодня наиболее актуальны.

Литература

1. <http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/vladimir-putin-prinyal-uchastie-v.html>
2. Колесов Д.В., Максимов С.В. Остановим терроризм // Научно-популярное издание. М.: ИГП РАН . 2012. С.13.
3. Зубов Н.В. Российский след в международном терроризм // Коммерсантъ Власть . 2012. № 17. С.39.
4. Национальная безопасность: государственно-правовые аспекты: коллективная монография / под ред. В.Ю. Назарова, Б.В. Чернышова. Саратов. Саратовский юридический институт МВД России. 2011. 288 с. С.141.

УДК 343.326

**СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ И КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ
ПРИЗНАКИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА
THE SUBJECTIVE SIGNS AND QUALIFYING SIGNS OF TERRORIST ACT**

Тихонова А.С., магистр Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.

Tikhonova A.S., master of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don.

Аннотация: В статье рассматриваются субъективные признаки, а также квалифицирующие признаки террористического акта по уголовному кодексу Российской Федерации.

Annotation: This article discusses the subjective symptoms, as well as making signs of terrorist act under the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: террористический акт; субъективная сторона; квалифицирующие признаки; квалифицирующие обстоятельства.

Keywords: a terrorist act; mental element; making signs; qualifying circumstances.

Объективные признаки террористического акта исследованы в научной литературе достаточно полно, субъективные требуют доработки. Субъективная сторона терроризма подразумевает умышленную вину в форме прямого умысла, то есть, лицо, совершая предусмотренные ст. 205 УК РФ действия, понимает, что подвергает опасности людей, причиняет серьезный имущественный вред и это является его желанием и целью.

Преступление может быть содеяно в одном из двух вариантов: повлекшее смерть по неосторожности и в форме прямого умысла и неосторожностью, по отношению к указанным в п. «б» ч. 2. ст. 205 УК РФ, последствиям. При легкомыслии виновный понимает общественную опасность своих действий и наступление последствий, опасных для общества, но у него отсутствует воля, то есть, виновный осознает наступление последствий, но не желает их, и надеется на их устранение какими-либо силами. К примеру, планируя поджог, он рассчитывает на небольшой масштаб возгорания, не зная, что объект имеет в составе сильно горючие вещества. И причиняет вред гораздо больший, нежели планировал. Преступную небрежность квалифицируют тогда, когда виновный не предвидит смерти человека от его преступных деяний, хотя при более внимательном взгляде это можно было бы усмотреть. К примеру, виновное лицо устанавливает взрывное устройство в автомобиль ночью, с целью – напугать владельца, предупредив его таким образом о возможном ходе событий, но причинять вред его жизни не желая, и, по случайности, погибает от сработавшего взрывного устройства мимо проходящий человек.

Любая человеческая деятельность вытекает из мотива, в поведенческой модели преступника мотив – основа дальнейшего развития событий. Мотив – производное от мотивации, которая складывается из трех составляющих: собственно потребность, возможные варианты удовлетворения возникшей потребности, шкала ценностей человека. И если происходит слияние высоких запросов, незаконных способов их реализации и искаженные ценностные ориентиры – тут и возникает преступный умысел. Весь этот набор характерен для террориста.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления состоит из вины в различных ее вариациях, но и обладает дополнительным признаком – целью, понимание которой и является главной составляющей при раскрытии уголовных дел о терроризме. Это очень трудная задача по выявлению и предупреждению террористических актов.

Цель террористического акта - конечный результат, на который направлены мысли преступника. Она возникает на базе мотива, который является побуждением к действию.

По поводу мотивации преступлений террористического характера существуют различные мнения. Например, самоутверждение, самоидентификация, молодежная романтика и героизм, придание своей деятельности особой значимости, преодоление отчуждения, конформизм, корыстные мотивы. Но основным мотивом считается «идейный абсолютизм», «железные» убеждения в обладании единственной, окончательной истиной, уникальным рецептом спасения своего народа, группы или даже всего человечества[1].

Однозначно, вина является главным признаком субъективной стороны, но даже раскрытие этого признака, не всегда позволяет понять, для чего виновный совершает преступное деяние, составляющее объективную сторону преступления. Ответ можно найти, анализируя мотив и цели преступника.

Специальная цель, отраженная в ст. 205 УК РФ, воздействие на принятие решения властными структурами или международными организациями. Ранее диспозиция ст. 205 УК РФ содержала три специальные цели: нарушение общественной безопасности, устрашение населения, оказание воздействия на принятие решений органами власти. Хотя, на самом деле, первые две цели всегда необходимы для получения задуманного результата, но они не являются самоцелью террористического акта.

То есть, если при расследовании не установлен мотив и цель виновного лица, совершившего взрыв, поджог – нельзя утверждать, что преступление является террористическим актом, а их установка дает право квалифицировать деяние как террористический акт.

Мотивы террористического акта могут быть разными по своему содержанию, в зависимости от требований террористов к властным органам. Если требования связаны с внешней политикой государства, то в данном случае мотив и цель можно назвать политическими. Мотив может быть и корыстным - требование о выдаче денежной суммы, может быть связан с личной заинтересованностью – освобождение из мест лишения свободы заключенного. Квалификация преступления зависит от цели, но мотив на квалификацию не

влияет. Установка мотива необходима в целях смягчения или отягощения наказания в соответствии со ст. 61, ст. 63 УК РФ. Мотив помогает определить психологический аспект конкретного преступления и в соответствии с ним выработать меры предупреждения.

Субъектом рассматриваемого преступления может быть вменяемое лицо, достигшее 14-ти летнего возраста, и это считается правильным, так как в подобные преступления вовлекаются подростки, направляемые организаторами. Эта категория преступлений чаще всего совершается группой лиц, что и является квалифицирующим признаком террористического акта. Встречаются и террористы – одиночки, но чаще всего террористические акты совершаются группой лиц.

В ч. 2 ст. 205 отмечаются квалифицирующие обстоятельства, которые включают в себя большую общественную опасность. Они таковы:

- совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- повлекшие по неосторожности смерть человека;
- повлекшие причинение значительного ущерба либо наступление иных тяжких последствий.

Охрана прав и свобод личности является более важной задачей, чем охрана собственности, учитывая положение ч.1. ст. 2 УК РФ. На основании этого следовало бы изменить последовательность п. «б» и п. «в» ч.2 ст. 205 УК РФ, что было бы логически верным.

Для квалификации преступления группой лиц по предварительному сговору необходимо опираться на положения ст. 35 УК. Эта статья оговаривает ответственность за преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору, если в нем принимали участие лица, заранее договорившиеся о совершении преступления. Если террористический акт находится в процессе исполнения, то последующее присоединение соучастников не наказывается по п. «а» ч. 2 ст. 205 УК, если заранее между ними сговора не было. Есть основания полагать, что сговор – вступить в контакт на одном из этапов – мог случиться заранее, отсюда и вытекает основание о квалификации преступления, совершенной группой лиц. Лицо, которое принимало участие в подготовке к террористическому акту, но вовремя предупредило органы власти о готовящемся преступлении или помогло предотвратить его, освобождается от привлечения к уголовной ответственности, поскольку способствовал его предотвращению. Идейность этой нормы состоит в том, что она делает ставку не только на наказание за преступление, но и возможность предотвращения террористических угроз.

Виновное лицо будет освобождено от уголовного наказания, по примечанию к ст. 205 УК, только при соблюдении важных условий. Главное условие - это добровольность. Под добровольностью следует понимать, что виновный мог осуществить свою миссию в подготовке и производстве террористического акта, но вовремя остановил преступный

механизм каким-то способом. При этом мотив предотвращения преступления значения не имеет. Важен сам факт предотвращения, причем подразумеваются активные действия в этом направлении. Раскаяние, боязнь уголовного преследования – это и есть мотивы.

Очень важное условие – содержание в действиях виновного лица иных составов преступления. Если иной состав установлен, то виновный будет отвечать перед законом по другим статьям УК РФ - например, хищение радиоактивных веществ для производства террористического акта.

В примечании к ст. 205 УК РФ используется обобщенная формулировка о лице, участвующем в организации и подготовке террористического акта, которая может быть истолкована так, что террорист – одиночка не освобождается от ответственности, а действие примечания распространяется на преступную группу.

Очень сложно оценить термин – «способствовало». Он может означать и принятие мер по предотвращению террористического акта, вне зависимости от его завершенности, и предотвращение преступления, если оно не совершилось вовсе.

Разобравшись в вышеизложенной информации, можно сделать выводы, что субъективная сторона террористического акта содержит вину в форме прямого умысла или двойную вину – прямой умысел к произведенным деяниям и неосторожность к возникшим последствиям преступления. На квалификацию террористического акта мотивы не оказывают влияния, но обязательным признаком служит специальная цель – изменение решения властными органами или международными организациями.

Большую степень общественной опасности несет совершение террористического акта группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, действия, повлекшие по неосторожности смерть человека, а также, причинившие значительный имущественный ущерб или иные тяжкие последствия. Как уже упоминалось, ст. 205 УК РФ дает возможность освободить виновное лицо от ответственности, если оно добровольно пыталось предотвратить преступление, и если в его действиях не обнаружится другой состав преступления.

Литература

1. Трофимов Д.С. Современное состояние борьбы с преступлениями террористического характера: аналитический обзор / Саратов: ООО Издательский центр «Наука». 2013. С.38.

УДК 343.2/7

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАПРЕТОМ НА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАБСКОГО ТРУДА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ
THE SOME OF THE ISSUES RELATED TO THE PROHIBITION OF TRAFFICKING IN
PERSONS AND THE USE OF SLAVE LABOR IN INTERNATIONAL LAW**

*Эдилсултанов Я.М-Г., магистр Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА
Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.*

*Edilsultanov Ya.M-G., master of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of
Justice of Russia) in Rostov-on-Don.*

*Аннотация: В статье анализируются вопросы, связанные с запретом на торговлю
людьми и использованием рабского труда в международном праве.*

*Annotation: The article analyzes the issues related to the prohibition of trafficking in
persons and the use of slave labor in international law.*

*Ключевые слова: жертва преступления, рабский труд, торговля людьми,
международное право.*

Keywords: crime victim, slave labor, human trafficking, international law.

Эволюция ответственности за данное деяние в международном праве на протяжении XX в. претерпела значительные изменения.

Основания и порядок ответственности за торговлю людьми и использование рабского труда закреплены во многих современных международно-правовых актах. При этом необходимо отметить что, несмотря на такое обилие источников, в международном праве отсутствует четкое и единое понятие торговли людьми и рабства, что вряд ли способствует правильному применению соответствующих национальных уголовно-правовых норм и приводит к их «размыванию».

Законодательная правовая база борьбы с указанными преступлениями была создана мировым сообществом еще во второй четверти XX в.

Первым документом, формулирующим легальное понятие торговли людьми и рабства, стала Конвенция ООН относительно рабства 1926 г.[1]

Следует отметить, что участники Конвенции 1926 г. «...рассматривали ее как начальный документ в серии международных мер по борьбе с работоторговлей», что и наложило отпечаток на ее содержание. В статье 3 Конвенции прямо было указано, что стороны обязуются в ближайшее время разработать и заключить общую Конвенцию о торговле людьми, в которой будут предусмотрены конкретные меры по ликвидации этого явления. Но начавшаяся вторая мировая война не позволила реализовать это намерение, в связи с чем, ряд положений Конвенции 1926 г. остался неопределенным и декларативным.

В статье 1 указанной Конвенции рабство было определено мировым сообществом как «...состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них». Как справедливо отмечает В.Н. Кудрявцев «...конечно, для уголовного закона это, мягко говоря, не очень четкая характеристика, но суть ее очевидна: она не допускает, чтобы человек был чей-то собственностью. Внутренний закон государства может пойти и по пути дальнейшего раскрытия содержания этого термина» [6].

Необходимо также указать, что к моменту принятия Конвенции многие «классические» формы рабства и работорговли исчезли или были модифицированы. В связи с чем, как пишет И.И. Карпец «... в статье 5 Конвенции впервые речь шла не только о рабстве, как таковом, но и принудительном или обязательном труде, который может привести к созданию положения, аналогичному рабству» [5]. Безусловно, включение этого момента было одним из важнейших достижений Конвенции 1926 г.

Фактически Конвенция 1926 г. не запретила работорговлю, рабство, принудительный и обязательный труд, а выразила лишь намерения государств искоренить эти позорные для человечества явления.

Хотя, всеобъемлющая Конвенция против рабства и торговли людьми так и не была принята, отдельные положения Конвенции 1926 г. были конкретизированы в Конвенции Международной организации труда относительно принудительного или обязательного труда 1930 г[2].

В п. 1 ст. 2 рассматриваемой Конвенции было дано понятие принудительного (обязательного) труда как «... всякой работы или службы, требуемой от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг». Исходя из этого определения, можно выделить следующие основные признаки принудительного труда: 1) лицо различными способами принуждается к выполнению какой-либо работы, то есть отсутствует его согласие и волеизъявление на такую деятельность и 2) в случае отказа ему грозит наказание.

Основной недостаток Конвенции 1930 г. в интересующем нас аспекте заключался в том, что она не содержала прямого указания на то, что принудительный труд приравнивается к рабству, и должен рассматриваться как тождественное правовое явление. Безусловно, это был шаг назад по сравнению с Конвенцией 1926 г. относительно рабства, которая подчеркивала, что подобный труд может привести к состоянию, сходному с рабством.

С образованием ООН создание законодательной базы для борьбы с рабством и торговлей людьми было продолжено. Рабство продолжало сохраняться в ряде регионов мира, и как отметила Специальная комиссия Международной конференции по правам человека 1947 г. на тот момент в мире насчитывалось 9 миллионов рабов[5].

Следующим шагом в борьбе с торговлей людьми стала разработка и принятие Конвенции ООН о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г[3]. В ее преамбуле указывалось, что «...проституция и торговля людьми,

преследующая в качестве цели проституцию, несовместимы с достоинством человека и угрожают его благосостоянию, благосостоянию семьи и общества». Тем самым, уже в самом начале Конвенции было указано на ограниченный характер ее действия, поскольку она преследовала только торговлю людьми в целях эксплуатации проституции.

Вместе с тем это было первое упоминание в международном праве о целях торговли людьми. Но, к сожалению, само понятие сексуальной эксплуатации здесь так и не было сформулировано.

Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством 1956 г. немного расширила объективную сторону торговли людьми и дополнила субъективную сторону данного деяния такими целями, как: продажа в долговую кабалу, в крепостное состояние, продажа женщины замуж и др., что, несомненно, является ее основным достоинством[4]. Вместе с тем, она в основном была посвящена анализу понятия рабства и сходных с ним институтов, в связи с чем, вопросы квалификации торговли людьми рассматриваются в ней попутно и схематично.

Сравнив международное законодательство с соответствующей уголовно-правовой нормой УК РФ, можно прийти к выводу, что диспозиции статей 127.1 и 127.2 УК РФ охватывают собой несколько составов преступлений международного характера, которые в международном законодательстве разбросаны по различным конвенциям, что зачастую вызывает противоречия и мешает четкому и единому пониманию рабства и торговли людьми. В свете чего, статьи 127.1 и 127.2 УК РФ представляются более перспективными и правильной с точки зрения законодательной техники.

Завершая рассмотрение данного вопроса нужно заметить, что назрела необходимость в унификации международного законодательства по вопросу торговли людьми, поскольку для совершенствования борьбы с данным преступлением, прежде всего, следует привести в соответствие уголовное законодательство, как стран-поставщиков, так и стран-потребителей «живого товара», а это невозможно без упорядочения самого международного права.

Необходимо принятие универсального документа, в котором затрагивались бы все аспекты торговли людьми, предусматривалось создание специальных органов, осуществляющих работу по пресечению торговли людьми и организаций, оказывающих помощь жертвам данного преступления.

На двустороннем уровне Россия должна заключать соглашения о сотрудничестве с другими государствами (особенно со странами СНГ, через которые идут основные потоки «рабов») по проблеме торговли людьми. Такие соглашения должны затрагивать не только вопросы привлечения к уголовной ответственности виновных в данном преступлении, но и определять статус потерпевших от торговли людьми. Так, представляется необходимым урегулирование вопросов о предоставлении временного жилья или репатриации жертв торговли людьми, наделении их резидентского статуса.

Немаловажен вопрос и об освобождении от уголовной ответственности потерпевших от торговли людьми за некоторые деяния, признаваемые преступлениями в отдельных

странах. Это касается таких, например, деяний как незаконное пересечение государственной границы, занятия проституцией и др.

Данная проблема является актуальной, поскольку в ряде стран занятия проституцией, работа без должного разрешения соответствующих органов признаются преступлениями и влекут за собой уголовную ответственность. Однако, в подобных случаях, когда такие деяния совершают жертвы торговли людьми под принуждением, они должны освобождаться от ответственности, что должно быть закреплено в соответствующих договорах.

Литература

1. Конвенция ООН относительно рабства. Принята 25 сентября 1926 г. // СПС Консультант Плюс
2. Конвенция N 29 Международной организации труда "Относительно принудительного или обязательного труда" (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ)
3. Конвенция ООН о борьбе с торговлей людьми и эксплуатации проституции третьими лицами. Принята 2 декабря 1949 г. // СПС Консультант Плюс
4. Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством. Принята Конференцией полномочных представителей, созванной в соответствии с резолюцией 608 (XXI) Экономического и Социального Совета от 30 апреля 1956 года, и составлена в Женеве 7 сентября 1956 года // СПС Консультант Плюс.
5. Карпец И.И. Преступления международного характера. – М., 1979.
6. Международное уголовное право (главы автора Кудрявцева В.Н.): (по изданию М., 1999) Глава / Кудрявцев В.Н. - М.:Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016

УДК 343.2/7

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ
THE SPECIAL CASE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR
TRAFFICKING IN PERSONS**

*Эдилсультанов Я.М-Г., магистр Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА
Минюста России) в г. Ростове-на-Дону.*

*Edilsultanov Ya.M-G., master of the Rostov Institute (branch) VSUU (RPA of the Ministry of
Justice of Russia) in Rostov-on-Don.*

*Аннотация: В статье анализируется специальный случай освобождения от
уголовной ответственности за торговлю людьми.*

*Annotation: The article analyzes the special case of exemption from criminal liability for
trafficking in persons.*

*Ключевые слова: рабский труд, торговля людьми, международное право,
специальный случай.*

Keywords: slave labor, human trafficking, international law, special case.

Часть 1 статьи 22 провозглашает личную свободу и неприкосновенность каждого человека, ч. 1 статьи 27 - право свободно передвигаться, ч. 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации устанавливает право на жизнь, выбирать место пребывания и жительства. Статья 37 Конституции гарантирует свободу труда, а статья 34 Конституции РФ закрепляет возможность свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Перечисленные права и свободы, и их закрепление в законодательстве, является результатом многовековой эволюции правовой и общественной морали, а также права.

Торговля людьми (работорговля), как и использование рабского труда (рабство), представляют собой социально-правовой феномен, который появился в глубокой древности, в период складывания рабовладельческой формации. В указанную эпоху рабство и работорговля санкционировались и охранялись государством, которое зачастую само выступало как крупный рабовладелец, и было заинтересованно в притоке новых рабов для решения социально-экономических задач. С началом буржуазно-демократических революций и провозглашением буржуазных свобод, работорговля была осуждена и запрещена уголовным законодательством большинства ведущих государств мира. Но она просуществовала еще более трех веков и практически окончательно была ликвидирована лишь в конце XIX в.

Во второй половине XX века мировое сообщество вновь столкнулось с проблемой торговли людьми, которая значительно видоизменилась, и наполнилась новым содержанием.

В данный момент запрет на использование рабского труда и работорговлю закреплен

в важнейших актах международного сообщества - Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 года, Всеобщей декларацией прав человека 1949 г., Конвенцией о правах ребенка 1989 года, Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 года.

Законодатель в примечании № 1 к ст. 127.1 УК РФ предусмотрел специальный случай освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми в связи с деятельным раскаянием.

Введение данной нормы обусловлено предположением, что она даст возможность виновному уже после завладения человека, но до его фактической продажи одуматься и освободить потерпевшего, а также будет способствовать сдерживанию от иных насильственных действий в отношении потерпевшего.

Поскольку данное обстоятельство является частным случаем деятельного раскаяния, оно обладает всеми присущими ему признаками.

Деятельное раскаяние представляет поощрительную уголовно-правовую норму, которая предоставляет преступнику возможность загладить причиненный вред или предотвратить наступление преступных последствий.

Применение нормы о деятельном раскаянии в уголовном праве имеет важнейшее значение. По словам Кушнарева Е.А. «Государство в связи с деятельным раскаянием освобождается от затрат на реализацию мер правосудия, осуществление интересов потерпевшего, исполнение наказания и т. п. Решение уголовно-правового конфликта путем освобождения от уголовной ответственности создает предпосылки для социальной реабилитации лица, совершившего преступление»[1].

В ч. 1 ст. 75 УК РФ предусматривается ряд оснований и условий, при наличии которых возможно освобождение от уголовной ответственности. Примечания № 1 к ст. 127.1 УК РФ также предусматривает два основания и три условия, при наличии которых виновный может быть освобожден от уголовной ответственности за торговлю людьми.

Первое основание состоит в том, что освобождение может быть применено только к тем лицам, которые совершили данное преступление впервые.

Торговля людьми будет считаться совершенной впервые, при условии, если общественно опасное деяние фактически совершается виновным в первый раз, в том числе и тогда, когда ранее совершенное аналогичное деяние было не уголовно наказуемым. Сюда также относятся случаи, если лицо уже ранее совершало преступления, но либо истекли сроки давности, либо судимости сняты и погашены.

Вторым обязательным основанием освобождения от уголовной ответственности за торговлю людьми является совершение преступления небольшой или средней тяжести. Законодатель по этому поводу прямо указывает, что применение освобождения от уголовной ответственности возможно только в отношении тех деяний, квалификация в отношении которых осуществляется по ч. 1 ст. 127.1 УК РФ и по п. «а» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ. Правда, логика законодателя в отношении п. «а» ч. 2 ст. 127.1 УК нам не совсем понятна.

Помимо формальных оснований, законодатель предусматривает ряд условий, при фактическом наступлении которых возможно применение данного примечания.

Первое условие состоит в том, что виновный должен добровольно освободить потерпевшего.

В литературе высказывается точка зрения, что наличие специального основания освобождения от уголовной ответственности для лица, добровольно освободившего жертву торговли людьми является спорным. В целях аргументации этой позиции указывается, что «...чтобы освободить лицо, необходимо сначала лишить его этой свободы, что в свою очередь образует состав похищения человека или незаконного лишения свободы, в связи с чем, подобную поощрительную норму необходимо устанавливать в названных статьях»[2].

Но если согласиться с нашей позицией о том, что завладение человеком является обязательным признаком торговли людьми подобное противоречие не возникает.

Освобождение потерпевшего при торговле людьми будет добровольным только в том случае, если виновный объективно мог продолжать выполнение объективной стороны.

Для продавца добровольность действий возможна тогда, когда он имеет реальную возможность и далее ограничивать потерпевшего в свободе, волен передать его посредникам или непосредственно покупателю.

«Перевозчик» жертвы может выразить «свою добрую волю» в любой промежуток времени с момента как он получил данное лицо у продавца и пока не передал его третьим лицам.

Лицо временно укрывающие потерпевшего от нахождения органов правосудия также может совершить указанные действия в период, пока данное лицо находится в его распоряжении.

И наконец, для покупателя временной промежуток, отведенный для освобождения лица, является совсем незначительным. Он обязан освободить человека сразу же после его фактического получения в свое распоряжения. Если же покупатель до того, как потерпевший поступил к нему уже заплатил оговоренную сумму и потребовал освобождения человека без каких-либо условий, то будет иметь место добровольный отказ от доведения преступления до конца.

Далее законодатель предусматривает еще два условия, которые являются общими для любого вида деятельности раскаяние. Во-первых, виновный также должен способствовать раскрытию данного преступления. Это означает не просто пассивное раскаяние, но совершение ряда активных правомерных действий. На практике это может выражаться в явке с повинной, в розыске потерпевшего, в установлении места нахождения продавца, покупателя и других участников сделки и т.д. Во-вторых, в его действиях не должно быть наличия состава иного преступления.

Литература

1. Кушнарв Е.А. Деятельное раскаяние в уголовном праве. – Екатеринбург, 2002. – С.11.
2. Кулакова Н.Г. Ответственность за торговлю людьми по действующему уголовному законодательству РФ // Российский следователь. – 2005. - № 8. – С. 8.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1(091):101

**«ИДЕЯ» В АНТИЧНОМ И СРЕДНЕВЕКОВОМ ФИЛОСОФСКОМ
ДИСКУРСЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
«IDEA» IN ANTIQUE AND MEDIEVAL PHILOSOPHICAL DISCOURSE:
SEMANTIC ANALYSIS**

*Равочкин Н.Н., Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт,
доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин, кандидат философских наук.*

*Ravochkin N.N. Kemerovo state agricultural institute, associate professor of humanitarian
and law disciplines department, candidate of philosophical sciences.*

e-mail: nickravochkin@mail.ru

*Аннотация: в статье проводится семантический анализ понятия «идея». Автор
обращается к генезису рассматриваемого феномена в философском дискурсе в
Античности, а также последующим трансформациям содержания его понятия в
средневековой интеллектуальной традиции, отмечая при этом влияние Платона и
Аристотеля.*

*Annotation: the article provides a semantic analysis of the concept “idea”. The author
addresses the genesis of the phenomenon under consideration in philosophical discourse in
Antiquity, as well as subsequent transformations to the contents of his concept in the medieval
intellectual tradition, noting the influence of Plato and Aristotle.*

*Ключевые слова: идея, философия, философский дискурс, Античность,
Средневековье, интеллектуальная жизнь.*

*Keywords: idea, philosophy, philosophical discourse, Antiquity, Middle Ages, intellectual
life.*

Семантический анализ понятия «идея» предполагает обширный научно-исторический экскурс: рассмотрение различных традиций мысли и, прежде всего, философских концепций. Уже на первых подступах к анализу смыслового содержания рассматриваемого понятия перед исследователем предстает внутреннее содержательное богатство и насыщенная семантическая динамика. Анализ идеи в качестве концептуального уровня познавательной деятельности задает ретроспективную и перспективную важность исследования и его актуальность в качестве современной философской проблемы. Во всем своем многообразии изучаемая нами проблематика находилась в центре внимания философов на протяжении всей интеллектуальной истории. Берется ли идея в качестве умопостигаемой и вечной сущности в

противопоставлении чувственному уровню восприятия или рассматривается как априорное понятие чистого разума, в процессуальном аспекте или в понимании некоторого трансцендентного состояния, или же эксплицируется в психологическом аспекте в качестве представления, она неизменно сохраняет определенный уровень концептуальной проблематичности.

Общий семантический анализ предполагает изучение и выявление смыслообразующих особенностей понятия в зависимости от контекста употребления, исторической и культурной эпохи, его эволюцию на протяжении продолжительного временного отрезка. Для осуществления последовательного анализа и выявления семантического многообразия понятия «идея» в рамках настоящего исследования, нам предстоит рассмотреть эволюцию данного понятия в рамках условно очерченных исторических периодов: Античность и Средние века.

Древнегреческое слово δῆα восходит к праиндоевропейскому «weide», что буквально означает «видеть». Понятие «эйдос» как «вид», «наружность» или «образ» в античной традиции начинает формулироваться на самых ранних этапах становления философии, в V в. до н. э. Уже в атомарном учении Демокрита мы сталкиваемся со специфическим понятием «идеи» как некоторой частицы-атома – фундаментальной единицы материи, доступной чувственному познанию [7, с. 73]. В демокритовской системе «идея» является неустранимой частью мироздания и существенной составляющей процесса познания. Познание делится на чувственное и разумное: «Разум, интеллект как внутренняя активность души имеет дело с образами вещей и выступает в этом смысле продолжением чувственности. Он обобщает, пытается добраться до всеобщего, скрытого в чувственных образах, и тем самым найти место всякой вещи в системе целого» [5]. Образы вещей, с которыми имеет дело разум в процессе познания, и являются идеями – копиями, испускаемыми вещами в пустоту мирового пространства.

Помимо Демокрита, понятие «эйдос» встречается у Гераклита, Эмпедокла и Анаксагора, и понимается как некоторая организация вещи в чувственно воспринимаемом континууме, «наружность» вещи, возникающая в процессе взаимодействия пассивного субстанционального состояния мира и активного познающего начала (логоса). Таким образом, в натурфилософском периоде древнегреческой философии, «эйдос» формулируется как семантическая оппозиция «архэ» (ρχή – первоначало, первовещество), мыслится как овеществленная идея и сближается с поздним понятием «форма».

В философской системе Платона понятие «эйдоса» претерпевает существенные изменения. Происходит смещение акцента с эйдетической оформленности вещи на внутреннюю форму – имманентный способ бытия вещи. «Эйдос» наделяется онтологическим статусом и входит в мир идей, представленный как совокупность абсолютных и совершенных образцов возможных вещей. Особенность концепции Платона зачастую видится через отсутствие точных определений, однако, «несмотря на многообразие

смысловых оттенков «идеи», задаваемых многозначностью контекста диалогов, <...> можно выделить три основных: наглядно-конкретное, логико-семантическое и онтологическое» [7].

Логико-семантическое значение, что подчеркивает И.Н. Мочалова, разворачивается Платоном в ходе определения диалектики. Так, в диалоге «Федр» эйдос получает техническое выражение, обозначая разъединение целого на составные идеальные компоненты, приобретает назначение классификационной единицы [9]. Множественности составных эйдосов противопоставляется единичность и цельность идеи. Но уже в «Государстве», разрабатывая диалектический метод «правильного» мышления, следуя которому познающий «без всяких чувств <...> стремится к сущему самому в себе умственно <...>, пока не постигнет своей мыслью благо существенное» [9], Платон утверждает процедуру воздвижения чувственно воспринимаемого множества к единому понятию. Идея становится смысловым единством, объединяющим в себе рассеянное множество чувственной данности [2]. Однако идея в преломлении платоновской философии имеет не только логико-семантическое значение, но и другое, существенно важное – онтологическое. «Идея» является не только образцом, но и источником существования вещи, она – это источник подлинного бытия сущего, которое созерцается «глазами ума» [7, с. 76].

Следующие трансформации в семантике «идеи» связаны с именем Аристотеля, выступившего с критикой подобной «онтологизации идеи». Он предлагает концепцию «идеи-формы», не обладающей самостоятельным существованием и могущей быть отделенной от реальной вещи исключительно в процессе мышления. Для дальнейшего уточнения вводимого понятия, Аристотель начинает использовать новую терминологическую базу: «род» (γενος), «форма» (μορφη), «суть бытия вещи» (το τι ην), «общее» (το καθο ου), «сущность» и др. [7, с. 79]. В сфере логики и биологии под «эйдосом» Аристотель подразумевает некоторую классификационную единицу – вид, соотносимый с родом. В других аристотелевских значениях «эйдос» есть сущность умпостигаемой вещи, однако эта сущность всегда выступает в качестве де-онтологизированной категории – эйдос лишается статуса идеального бытия и становится тем, что уже воспринято, в отличие от того, что только может быть воспринято (возникает оппозиция «феномен – эйдос») [8, с. 34]. За «эйдосом», в то же время, сохраняется универалистский характер, сама природа «эйдоса», по Аристотелю, базируется на фоне опыта, который является узнаванием общего в феноменальном множестве.

Дальнейшее семантическое видоизменение понятия «эйдоса» в античной философии крайне многообразно. В стоицизме происходит его сближение с понятием «активного логоса», «эйдос» не постулируется напрямую, но определяется косвенно через человеческую способность восприятия, которая подразумевает интенциональную направленность органа восприятия, сам процесс восприятия («охватывания» предмета) и переработку воспринятых данных [3, С.135]. В традиции неоплатонизма «эйдос» постулируется в трех ипостасях: «Единое», «Нус» и «множественное», у Плотина эта триада выглядела как: «Единое – Ум – Душа». А.Ф. Лосев считал, что «эйдос» в понимании Плотина «есть максимально

обобщенная умственная конструкция, картинно данная в виде непосредственно-интуитивной целостности» [6, с. 501]. «Эйдосы» интеллигибельны, познаваемы, но состоят из идеальной материи, не тождественной материи чувственного мира. «Эйдос» приобретает и сущностные и формальные признаки. Все уровни бытия, по Плотину, могут быть познаны дискурсивно-логическим методом, однако это познание является половинчатым, отдаленным от совершенного созерцания эйдетической жизни. Созерцание эйдетического уровня бытия предполагает интуитивное знание или интуитивное мышление в «Уме», а логические структуры оказываются непригодными для передачи эйдетического знания. Таким образом, в философии неоплатонизма «эйдос», составляющий в собственном множестве все обозримые уровни бытия, является своеобразным частным проявлением творческой активности «Единого».

Трансформация понятия «идея» в античной философии в зависимости от этапов развития интеллектуальной жизни позволяет выявить некоторые закономерности в зависимости. Так, на ранней стадии, в философии Демокрита под «эйдосом» понимается организующая, фиксирующая наружность, которая позволяет вещи существовать (быть видимой). Он является структурной оформляющей единицей мироздания. В философии Платона «эйдос» начинает пониматься не как внешняя проявленность и оформленность вещи, но как внутренняя форма. «Идея» обретает самостоятельный онтологический статус, формируется представление о «мире эйдосов» – совокупности совершенных образцов всех возможных вещей. «Эйдос» совершенен и неподвижен, а его функциональность выражается в воплощенности в вещи, он это – образец, род и образ; он выявляется в ходе познания, «правильного» диалектического умопостижения, как подлинное вещи, отличное от чувственно данных материальных параметров вещи, составляющих наши ложные мнения и представления. В аристотелевской интерпретации «эйдос» мыслится как неотделимый от материального субстрата вещи, он становится формой вещи. В неоплатонической традиции бытие уже мыслится как бесчисленное множество «эйдосов», адекватное постижение и выражение которых посредством логико-дискурсивного метода не представляется возможным. Полноценное постижение бытия «идей», каждая из которых является частным проявлением творческой потенции «Единого», возможно посредством созерцания в ходе интуитивного мышления.

В Средневековье философский дискурс был подчинен религиозной картине мира и, как следствие, находился во власти теологии, по сути, не проводящей демаркации между философским и религиозным миропостижением, ставившем теоцентризм одним из своих оснований. В то же время, анализ литературы позволяет констатировать следующее: развитие христианского средневекового богословия испытывало колоссальное влияние античной философской традиции, что подчеркивается как современными философами (Д. Брэдшоу, А.Ф. Лосев, В.В. Бибахин), так и собственно самими средневековыми мыслителями (Бонавентура).

Понятие «идея» в средневековой традиции получает развитие в постулировании оппозиции существования и сущности. «Наименование «сущность» выражает в составных субстанциях то, что составлено из материи и формы» – говорил Ф. Аквинский [3, с. 233.]. В отличие от аристотелевского понимания материи и формы как потенции и акта, у Фомы Аквинского и материя, и форма являются составными частями сущности, сходной с древнегреческой потенцией, а актом выступает существование. С.Г. Секундант отмечает, что «в «Summa theologiae» (Questio XV) Фома Аквинский доказывает необходимость рассматривать идеи как находящиеся в рассудке Бога прообразы вещей. Идея для него выступает, прежде всего, как образец (exemplar) вещи вне самой вещи, формой которой она является» [10]. Из этого Аквинский заключает необходимость рассматривать идею как принцип познания и, следовательно, как форму вещи в познающем ее субъекте через тройственную природу универсалий: субстанциональная форма; объективный концепт, выводимый из вещей; божественная идея, предшествующая вещам.

Помимо указанного аристотелевского влияния на средневековых мыслителей значительную роль сыграл также Платон, чьи произведения доходили до читателей того времени в неполном или искаженном виде. Наиболее отчетливо влияние Платона обнаруживается в философских взглядах Августина и на его представления о природе человеческой души. Определяя душу через сотворенность Богом, мыслитель пишет: «Душа, по моему мнению, есть некоторая субстанция, причастная разуму, приспособленная к управлению телом» [1, с. 205]. В рамках средневековой теологической логики познание себя душой означало познание Бога, поскольку душа являлась его образом. Познание истины определялось не через объекты внешнего мира, потому как истина заключалась не в чувственных объектах, а в их уподоблении вечным сущностям или вечным идеям Бога.

Для средневекового философского дискурса характерным являются два направления мысли – реализм и номинализм. Приверженцы реализма полагали, что подлинной реальностью обладают только общие понятия – универсалии, а не единичные предметы, существующие в эмпирическом разрезе бытия. Универсалии существуют прежде вещей и являются мыслями-идеями божественного разума. Человеческий разум, как часть божественного замысла, способен познать сущность вещей потому, что сущность – это «идея», универсальное понятие. Нетрудно заметить, каково влияние Платона, пусть и в «переработанном» теологическом ключе, на систему воззрений средневекового реализма. Универсалии являются «идеями» – и как и прежде, мыслятся как некоторая высшая подлинная реальность, формирующая предметный эмпирический мир вещей, однако мир идей в данном случае становится миром божественного разума, мыслями творца [4].

В свою очередь номиналисты подчеркивали приоритет воли над разумом. Общие понятия с точки зрения номинализма – всего лишь имена, не обладающие самостоятельным существованием вне единичных вещей. Имена образуются умом в процессе познания, путем выделения общих признаков у ряда вещей. Соответственно, универсалии вторичны в отношении эмпирических вещей. Умопостигаемое бытие вещи – сущность, и ее эмпирически

данное бытие – явление, оказываются тождественны, поэтому опыт эмпирического познания начинает довлеть. Идеи, таким образом, теряют свою онтологическую и метафизическую обоснованность, приобретают своеобразную когнитивную и логически-дискурсивную природу, сближаются с понятием «рода». Расцвет номинализма приходился на позднее Средневековье, его основными представителями были У. Оккам, Ж. Буридан и И. Д. Скотт [4].

Отношение к понятию «идея» среди средневековых реалистов и номиналистов репрезентировано В.В. Колесовым: «В отношении к пониманию идеи крайний реализм признает идеи реальными абсолютно, утверждая, что они находятся вне нашего ума и имеют духовную природу, т.е. трансцендентны чувственному миру. Умеренный реализм признает их реальными формально, совпадающими с априорными «формами» нашего ума, которые существуют имманентно вещам чувственного мира. Концептуализм признает их реальными условно, в понятиях ума фиксирующими сходные черты отдельных вещей, так что в слове они способны стать сказуемыми о многих вещах. Номинализм признает идеи абсолютно нереальными, нигде и никогда не существующими отдельно от слов» [4].

Понятие «идея» в рассмотренные периоды то выдвигалось в мейнстрим теоретических поисков философов, то уходило на второй план. Идеалистические философские концепции зачастую были склонны к преувеличению роли идеи в устройстве мироздания, понимая ее то как «эйдос»: «вид», «наружность» или «образ» в античной традиции, это и своеобразный атом-идея Демокрита, и внутренняя форма – имманентный способ бытия вещи или ее идеальный прообраз у Платона, то в качестве находящегося в рассудке Бога прообразов вещей у Ф. Аквинского. Материалистические концепции грешили обратным – преуменьшением роли идеи. Проведенный в исследовании общий семантический анализ понятия «идея» с кратким экскурсом в историю развития философской и научной мысли, демонстрирует внушительное смысловое богатство и интенсивную семантическую динамику на протяжении исторической эволюции понятия. Но неизменным оставался сам фундаментальный характер понятия «идея» в жизнедеятельности человечества.

Литература

1. Августин А. Творения. Т.1. Об истинной религии. — СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. – 742 с.
2. Антонов Т.В., Смагин Ю.Е. Эволюция понятия "идея" в философии Платона // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2005. – № 2. – С. 26-31.
3. Историко-философский ежегодник 1988. – М.: Наука, 1988. - 378 с.
4. Колесов В.В. Реализм и номинализм о слове и универсалии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 39-54.

5. Комаров А.И. Античная философия (Демокрит, Платон) и проблема творчества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2014. – № 2 (2). – С. 55-63.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики в 8 томах. Том 6. Поздний эллинизм. – М.: АСТ; Х.: Фолио, 2000. — 960 с.
7. Мочалова И. Н. К вопросу о становлении философской терминологии: идея и эйдос в философии Платона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2007. – Т. 8. – № 2. – С. 73-80.
8. Орлов Е.В. Аналитика Аристотеля // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2008. – Т. 2. – № 1. – С. 21-49.
9. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе — М.: «Издательство Альфа-книга», 2016. — 1311 с
10. Секундант С.Г. Лейбниц и Платон Возрождение идеалистической традиции в европейской философии Нового времени [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://doxa.onu.edu.ua/Doxa4/85-91.pdf> (дата обращения: 21.08.2018)
11. Феллер. М.В. Стоицизм: философия как искусность // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2014. – № 2 (41). – С. 132-139.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакционная коллегия приносит свои извинения Луновой Елене Викторовне за опубликование в №2 (26) журнала статьи Колиевой А.Э., Мочалова Д.С., Довбня К.А. «К вопросу разграничения ограниченных и изъятых из гражданского оборота земельных участков в особо охраняемых природных территориях», которая полностью заимствована со статьи кандидата юридических наук, доцента Е.В. Луновой // Журнал правовые основы недвижимости. 2016, № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTORS

Уважаемые авторы!

Журнал «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» приглашает к сотрудничеству преподавателей вузов, научных работников, аспирантов и соискателей. Обращаем ваше внимание на то, что к публикации в Вестнике принимаются статьи, соответствующие заявленным рубрикам и обладающие научной новизной. Решение о включении статей и других материалов в журнал принимает редакционная коллегия, которая не гарантирует публикацию всех предоставленных материалов.

Журнал включен в систему РИНЦ.

Рукописи и дискеты (диски) как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, технических, социологических, психологических и иных данных, имен собственных, цитат и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Статьи, опубликованные или принятые в другие издания, не принимаются.

Максимальный объем статьи (статей) для одного автора или коллектива соавторов составляет 15 страниц, минимальный – 6 страниц: Всем авторам будет роздан 1 экземпляр журнала.

Вместе с тем, за рецензирование рукописей, представленных для опубликования, взимается плата в рамках оказываемых редакционной коллегией платных дополнительных образовательных услуг. Оплата производится из расчета 150 (сто пятьдесят) рублей за рецензирование одной страницы рукописи, представленной для опубликования, в соответствии с предъявляемыми редакционной коллегией требованиями. Оплата производится наличными средствами в кассу учредителя журнала – Частного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский гуманитарный институт» по адресу: г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 312А, либо посредством перечисления безналичных средств по следующим реквизитам:

Частное образовательное учреждение высшего образования

«Северо-Кавказский гуманитарный институт»,

ИНН 2635044678, КПП 263501001

Адрес: 355041, г. Ставрополь, улица Лермонтова, 312А

Телефоны: (8652) 759-259; факс 759-259,

Отделение № 5230 Сбербанка России

Р/с 40703810860220100699

К/с 30101810907020000615

БИК 040702615

ИНН банка7707083893

При перечислении следует указывать ФИО автора рукописи; в наименовании платежа: дополнительные образовательные услуги за рецензирование рукописей, на ___ страницах.

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить лицензионный договор и договор об оказании платных дополнительных образовательных услуг по рецензированию рукописей, которые можно скачать на сайте: www.skgi.ru

Электронную версию печатного издания можно будет скачать бесплатно на сайте: www.skgi.ru

Научные направления журнала:

1. Экономические науки;
2. Юридические науки;
3. Педагогика и психология
4. Исторические науки
5. Философские науки
6. Социологические науки
7. Политические науки
8. Технические науки
9. Физико-математические науки
10. Филологические науки

Текст статьи, представленный автором, будет принят редакцией к рассмотрению только в случае соблюдения автором следующих условий оформления:

- формат бумаги – А4 (21 см х 29.7 см);
- ориентация книжная;
- поля: левое – 2,5 см, верхнее, нижнее, правое – 2 см;
- текстовый редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- размер шрифта 14;
- межстрочный интервал полуторный;
- абзацный отступ 1,25.

Название файла содержит номер тематического направления и фамилии всех авторов: например, 1Иванов.

В левом верхнем углу первой страницы печатается УДК (ББК) (шрифт – жирный), ниже через строку название статьи строчными буквами без переносов (шрифт – жирный, выравнивание – по центру) на русском и английском языках, затем через строку инициалы и

фамилии авторов, город и место работы (выравнивание – по центру) на русском и английском языках, через строку – аннотация на русском и английском языках, ниже через строку – ключевые слова на русском и английском языках.

Аннотация объемом не более 3 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней выводы, ключевые слова (3 до 6 слов) должны отражать проблематику публикации. Шрифт – курсив, форматирование выравниванием по ширине страницы.

Текст статьи выравнивается по ширине. При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов со знаком переноса. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть расшифрованы при первом появлении их в тексте. Разделы и подразделы статьи нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную страницу не выносятся.

Необходимо различать в тексте дефис (-) (например, черно-белый, бизнес-план) и тире (–) (Ctrl+пробел+ «–»).

Если вы используете кавычки, они должны иметь вид так называемых «елочек» (« »). Если в тексте встречаются внутренние и внешние кавычки, то они должны различаться, например: ООО «Издательство “Макрос ”».

Таблицы в тексте должны быть выполнены в редакторе MicrosoftWord (не отсканированы и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Таблицу при переносе на следующую страницу не разрывать (не копировать шапку, не делать отступы клавишей Enter). Таблицы нумеруются сверху. Форматирование номера таблицы и ее названия: шрифт обычный, выравнивание – слева. Форматирование таблицы: шрифт обычный, размер шрифта 12 пт, выравнивание – по центру, межстрочный интервал - одинарный.

Пример:

Таблица 1 – Название таблицы

№п/п			

Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование рисунков в форматах JPEG и GIF. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров и быть представлены единым элементом. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. Положение рисунка – в тексте. Рисунки нумеруются снизу, подпись под рисунком выравнивается по центру.

Пример:

Рисунок 1 – Название рисунка

Количество таблиц в документе не более 3-х, количество рисунков – не более 5.

Формулы должны быть набраны с использованием формульного редактора MicrosoftEquation 3.0 или MathType, выравниваются по центру, их номера – в круглых скобках по правому краю.

Нумерация страниц и колонтитулы не используются.

Ссылки на литературу в тексте указываются в квадратных скобках с указанием номера источника, например: Текст статьи ... текст статьи ... [1]. Текст статьи ... [2] и т.п.

Список литературы приводится в конце статьи и должен быть озаглавлен «Литература» (шрифт полужирный, форматирование – по центру). Используемые источники должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.1-2003(форматирование выравниванием по ширине страницы).

Статьи принимаются по адресу: 355041, г. Ставрополь, ул. Лермонтова 312-А, (Северо-Кавказский гуманитарный институт) или по электронной почте skgi_institut@mail.ru

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, представляемых для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, представляемых авторами для публикации в журнале «Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института» (далее - Журнал)
2. Каждая рукопись, представленная в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.
3. Рукопись научной статьи, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет соответствия рукописи научной статьи профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.
4. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.
5. Рецензенты уведомляются о том, что представленные для рецензирования статьи являются частной собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.
6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензии предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.
7. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.
8. Сроки рецензирования рукописей:
  - 8.1. Главный редактор Журнала рассматривает представленную к публикации рукопись в течение десяти дней с момента получения рукописи редакцией.
  - 8.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.
  - 8.3. В сроки, указанные в п.п. 8.1. и 8.2. Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.
  - 8.4. По согласованию редакции и рецензента, рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью включения статьи в ближайший номер Журнала.
9. Содержание рецензии.

- 9.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:
- 9.1.1. соответствие содержание статьи ее названию;
  - 9.1.2. актуальность темы исследования;
  - 9.1.3. научная новизна полученных результатов;
  - 9.1.4. целесообразность публикации статьи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
  - 9.1.5. подача материала (язык, стиль, используемые категории и обороты).
- 9.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору и редакции по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного и методического уровней рукописи.
- 9.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:
- 9.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати;
  - 9.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати с внесением технической правки;
  - 9.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в открытой печати после устранения автором замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту;
  - 9.3.4. рекомендовать отказать в публикации статьи в открытой печати по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню Журнала.
10. В случае принятия рецензентом решения, указанного в п.п. 9.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, статья считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.
11. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в п.п. 9.3.2 - 9.3.4 Порядка, текст рецензии в обязательном порядке направляется автору рукописи.
12. В случае отрицательной оценки рукописи в целом, рецензент должен убедительно обосновать свои выводы.
13. В случае принятия рецензентом решения рекомендовать рукопись к принятию к публикации, статья принимается к публикации в Журнале с обязательным уведомлением автора.
14. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом

THE ORDER OF REVIEWING MANUSCRIPT

The order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin»

1. This order of reviewing manuscript submitted for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – The order) determinates the order of reviewing manuscript of scientific articles submitted by authors for publication in the «North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin» (hereinafter – the Bulletin).
2. Every manuscript submitted to the Editorial staff of the Bulletin must pass a reviewing procedure.
3. Scientific article manuscript received by Editorial staff is considered by the Chief editor for the Bulletin profile adequacy, requirements for registration and then sent to a specialist reviewing.
4. Publication shall review all incoming materials to the editor corresponding to its category, with a view to peer review. All reviewers are acknowledged experts on the subject of peer-reviewed material and have for the past 3 years, publications on peer-reviewed article.
5. Reviewers are notified that the articles submitted for review are the private property of the authors and contain information that is not to be disclosed. Reviewers are not allowed to make copies of articles and pass them to third parties.
6. Reviewing is confidential for the article's authors. Reviews can be passed to the author of the manuscript upon his written request, without the signature and the names, position and job of reviewer.
7. Editorial publications to the authors of submissions or copies of reviews of a reasoned refusal, and also undertakes to send copies of reviews in the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for admission to the editor publication prompted.
8. Terms of reviewing manuscripts:
  - 8.1. The chief editor of the Bulletin considers the submitted manuscript within ten days of receipt the manuscript.
  - 8.2. Specialist reviews the manuscript within fourteen days from the moment he gets the manuscript from the chief editor.
  - 8.3. Weekends and holidays established by the legislation of the Russian Federation are not included in the terms mentioned in p.p. 8.1 and 8.2 of the Order.
  - 8.4. According to Editorial staff and reviewer' agreement reviewing can be done in a shorter time to include the article in the next Bulletin edition.
9. The content of review.
  - 9.1. The review must include expert estimation of the manuscript for the following options:
    - 9.1.1. line content of the article to its name;
    - 9.1.2. topicality of the theme;
    - 9.1.3. scientific novelty of the results;

9.1.4. suitability of publishing the article taking into account the previously issued literature on this subject;

9.1.5. presentation of the material (language, style, categories and speed).

9.2. The reviewer may make recommendations to the author and Editorial staff to improve the manuscript. Reviewer comments and suggestions should be objective and based on principles, pointed at improving the scientific and methodological level of the manuscript.

9.3. Final part of the review must contain one of the following decisions:

9.3.1. recommend accepting the manuscript for publication in the press;

9.3.2. recommend accepting the manuscript for publication in the press with technical editing;

9.3.3. recommend accepting the manuscript for publication in the press after removal of the author of the reviewer comment and re-review;

9.3.4. recommend to refuse publishing article in the press because of its non-compliance to requirements of the scientific level of the Bulletin.

10. If the reviewer decides as it mentioned in p. 9.3.3 of the Order modified (revised) author's article must be repeatedly sent to reviewing.

If the reviewer takes the similar decision the article is excluded and is not to be considered any more.

11. In the case the reviewer takes decisions mentioned in p.p. 9.3.2. – 9.3.4 of the Order the review's text must be sent to the manuscript author.

12. In the case the manuscript gets the negative assessment in general the reviewer must convincingly justify his conclusions.

13. In the case the reviewer recommends the manuscript to publication the article is to be published in the Bulletin with obligatory notification of the author.

14. The originals of the reviews are stored in the Editorial staff for five years from the moment of the reviewer signing.

Подписку на журнал
«Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института»
можно оформить по Каталогу российской прессы
«Почта России»

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

99805

в любом почтовом отделении .

Подписано в печать 26.11.2018. Формат 62x94 1/8
Гарнитура «Литературная»
Бумага офсетная. Печ. л. 34,25. Тираж 500 экз.

Отпечатано ИП Соколовская С.Н. (типография «Аспект»)
г. Ростов-на-Дону, ул. 1-й Конной Армии, 15-А, офис 105.
Тел.: (863) 227-93-52